

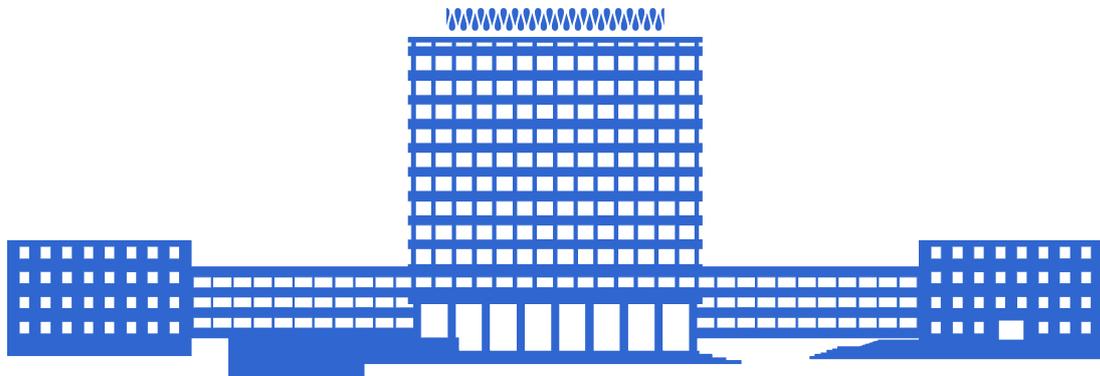
ISSN 2415-8720

ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ



**STUDIA
GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA**

Том 21 Выпуск 1 (67) 2025



ДОНЕЦК

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал / отв. ред.
В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонГУ, 2025. – Т. 21. – Вып. 1 (67). – 168 с.

*Печатается по решению Учёного совета
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Донецкий государственный университет»
Протокол № 1 от 14 января 2025 г.*

В журнале освещаются актуальные проблемы германистики, романистики, типологической и сопоставительной лингвистики, общей теории языка, теории перевода в высшей школе.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук.

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 85-02/2016 от 24.02.2016 г.

Основатель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет».

*Адрес редколлегии: 283001 Донецк, ул. Университетская, 24
тел.: +7 (856) 302 09 22*

ISSN 2415-8720

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Том 21 Выпуск 1 (67) 2025

Редакционная коллегия

д. филол. наук, проф. В. Д. Калиущенко (главный редактор);
д. филол. наук, проф. О. Л. Бессонова (зам. главного редактора);
к. филол. наук, доц. Е. С. Сысоева (ответственный секретарь);
д. филол. наук, проф. А. В. Алфёров; д. филол. наук, проф. Ш. Р. Басыров;
д. филол. наук, доц. Э. С. Ветрова; д. филол. наук, проф. Н. А. Ганина;
д. филол. наук, доц. А. Г. Голодов; д. филол. наук, проф. В. И. Карасик;
д. филол. наук, проф. С. М. Кравцов; д. филол. наук, доц. С. Е. Кремзикова;
д. филол. наук, проф. А. Э. Левицкий; д. филол. наук, проф. А. В. Ленец;
д. филол. наук, проф. С. Г. Николаев; д. филол. наук, доц. Т. Н. Никульшина;
д. филол. наук, проф. М. В. Пименова; д. филол. наук, проф. В. И. Теркулов;
д. филол. наук, проф. З. А. Харитончик; д. филол. наук, доц. Л. Н. Ягупова

Донецк ДонГУ 2025

**FEDERAL STATE EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION «DONETSK STATE UNIVERSITY»
FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES**

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

LINGUISTIC JOURNAL

Published 4 times a year

Volume 21 Issue 1 (67) 2025

Editorial Board

Doctor of Philology, Prof. V. D. Kaliuščenko (editor-in-chief);

Doctor of Philology, Prof. O. L. Bessonova (vice-editor-in-chief);

Candidate of Philology, Associate Prof. Ye. S. Sysoieva (executive secretary);

Doctor of Philology, Prof. A. V. Alferov; Doctor of Philology, Prof. Sh. R. Basyrov;

Doctor of Philology, Associate Prof. E. S. Vetrova; Doctor of Philology, Prof. N. A. Ganina;

Doctor of Philology, Associate Prof. A. G. Golodov; Doctor of Philology,

Prof. V. I. Karasik; Doctor of Philology, Prof. S. M. Kravtsov; Doctor of Philology,

Associate Prof. S. E. Kremzikova; Doctor of Philology, Prof. A. E. Levitskiy;

Doctor of Philology, Prof. A. V. Lenets; Doctor of Philology, Prof. S. G. Nikolaev;

Doctor of Philology, Associate Prof. T. N. Nikulshina; Doctor of Philology,

Prof. M. V. Pimenova; Doctor of Philology, Prof. V. I. Terkulov; Doctor of Philology,

Prof. Z. A. Kharitonchik; Doctor of Philology, Associate Prof. L. N. Yagupova

Donetsk DonSU 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Т. 21, Вып. 1 (67), 2025

Германские языки

<i>Клейменова В. Ю.</i> Шекспировский фейк – начало эпохи постправды.....	5
<i>Ленкова Т. А.</i> Способы проявления когезии и когерентности в заголовочном комплексе креолизованного медиатекста (на материале журнала «Der Spiegel»).....	15
<i>Литвишко О. М.</i> Англоязычная юридическая терминология как отражение национального варианта профессионального языкового сознания юриста.....	24
<i>Нильсен Е. А., Казачкова Ю. А.</i> Метафорическая репрезентация медицины в романе Дэниела Мейсона «The Winter Soldier».....	37
<i>Первак Т. В.</i> Корпусное исследование продуктивности адвербиальных суффиксов в немецком языке.....	50
<i>Подгайская И. М.</i> Актуализация периферийной семантики древнеанглийских глаголов строительства.....	61
<i>Полубиченко Л. В.</i> Топология памятных речений: от цитаты к идиоме и терминологизму.....	74
<i>Теселкина О. Е.</i> Национально-культурная специфика репрезентации ценностной константы «Nachhaltigkeit» в немецкоязычных подкастингах.....	83
<i>Федуленкова Т. Н.</i> Структурные характеристики деловой терминологической фразеологии с компонентом ‘debt’.....	93

Теория языка

<i>Шарафутдинова Н. С.</i> Канцеляризм в современном медиадискурсе.....	102
---	-----

Типологические и сопоставительные исследования

<i>Басыров Ш. Р.</i> Аксиологическая семантика глаголов, обозначающих нечестное поведение в русском и немецком языках.....	118
<i>Дроздов В. А.</i> Репрезентация оценки во фразеологических единицах в карибских креолях на англоязычной основе.....	132
<i>Mokhosoeva M. N.</i> Gustatory Lexemes in English and German: Derivative Aspect.....	141
<i>Ратундалова И. Ю.</i> Стратегии и тактики манипулирования в гендерной коммуникации (на материале кинодискурса на английском и русском языках).....	150

CONTENTS

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Vol. 21, Issue 1 (67), 2025

Studies in Germanic Languages

<i>Kleimenova V. Yu.</i> Shakespeare's Fake – the Beginning of Post-Truth Epoch.....	5
<i>Lenkova T. A.</i> Ways of Cohesion and Coherence Manifestation in the Headline Complex of a Creolized Media Text (Based on the Material of «Der Spiegel» Magazine).....	15
<i>Litvishko O. M.</i> English Legal Terminology as the Reflection of the National Variant of Verbal Consciousness of a Lawyer.....	24
<i>Nilsen E. A., Kazachkova Y. A.</i> Metaphorical Representation of Medicine in Daniel Mason's Novel «The Winter Soldier».....	37
<i>Pervak T. V.</i> A Corpus Study of Adverbial Suffixes Productivity in German.....	50
<i>Podgaiskaya I. M.</i> Actualization of Peripheral Semantics of Old English Verbs Denoting the Process of Building.....	61
<i>Polubichenko L. V.</i> Topology of Memorable Utterances: from Quotation to Idiom and Terminological Phraseological Unit.....	74
<i>Teselkina O. E.</i> National-Cultural Specificity of the Value Constant «Nachhaltigkeit» Representation in the German-Language Podcastings.....	83
<i>Fedulenkova T. N.</i> Structural Characteristics of Business Terminological Phraseology with the 'debt' Component.....	93

Theory of Language

<i>Sharafutdinova N. S.</i> Bureaucratism in Modern Media Discourse.....	102
--	-----

Typological and Contrastive Studies

<i>Basyrov Sh. R.</i> Axiological Semantics of Verbs Denoting Dishonest Behavior in Russian and German Languages.....	118
<i>Drozдов V. A.</i> Evaluation Representation of Phraseological Units in the English-Based Caribbean Creoles.....	132
<i>Mokhosoeva M. N.</i> Gustatory Lexemes in English and German: Derivative Aspect.....	141
<i>Ratundalova I. Yu.</i> Manipulation Strategies and Tactics in Gender Communication (Based on the Film Discourse in English and Russian).....	150

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.111-26

© 2025 В. Ю. Клейменова

ШЕКСПИРОВСКИЙ ФЕЙК – НАЧАЛО ЭПОХИ ПОСТПРАВДЫ

Статья посвящена изучению языковых средств репрезентации фейкового образа исторического персонажа в пьесе Шекспира. Устанавливаются лексические единицы, обеспечивающие реализацию манипулятивной функции текста исторической хроники, а также способы формирования негативной оценочности. Выявляются лингвистические способы дискредитации и демонизации образа исторической личности ушедшей эпохи в соответствии с общественно-политическими установками современности.

Ключевые слова: *фейк, елизаветинский театр, семантическая структура, оценка, манипулятивная функция, тематическая группа, авторская интенция.*

© 2025 V. Yu. Kleimenova

SHAKESPEARE'S FAKE – THE BEGINNING OF POST-TRUTH EPOCH

The paper deals with linguistic means which represent a historical character's fake image in Shakespeare's play. The paper studies words that give the text of historical chronicles its manipulative force and construct character's negative evaluation. The article describes linguistic means which demonize and discredit the historical figure of the past to match the requirements of the current political situation.

Key words: *fake, Elizabethan theatre, semantic structure, evaluation, manipulative force, thematic group, author's intention.*

Современный мир предлагает человеку значительный объем информации, которая не всегда является достоверной. Для обозначения не соответствующих действительности данных в медиакommunikации XXI века широко используется многозначный термин фейк (fake). Прежде всего, следует рассмотреть семантическую структуру номинативной единицы fake, поскольку «разграничение смысловых нюансов позволит вычлениить и передать (пусть в самом первом приближении) специфику восприятия и познания мира человеком, например, восприятие мира как целостности, компоненты которой разделены гибкими границами и требуют вероятностных решений (ср. сферы человеческой деятельности, будь то типы информации или виды знаний и пр.)» [Щирова, Гурочкина, 2022: 50].

В узком смысле фейк обозначает газетную статью, телевизионное новостное сообщение или другую информацию, распространяемую средствами массовой информации или социальными сетями и основанную на преднамеренно искаженных данных [Kavanagh, Rich, Michael, 2018: 9]. В широком смысле зонтичный термин фейк называет различные виды мис- и дезинформации [Wardle, 2017; Boudana, Segev, 2024].

Данная лексическая единица является результатом семантической деривации и может быть названа семантической инновацией (в терминологии В. И. Заботкиной) узуального имени существительного **fake**, семантическая структура которого, как показывает анализ словарных статей¹, включает такие инвариантные элементы, как *false, look real, deceive*. Следовательно, это слово может быть использовано для обозначения результатов любой целенаправленной деятельности человека по созданию имитации, выдаваемой за оригинал вне зависимости от коммуникативной среды бытования этих результатов. Поэтому в данной статье, вслед за Дональдом Барклаем, вне зависимости от сферы распространения информации фейк (fake news) рассматривается как любая целенаправленно созданная, не соответствующая действительности информация, выдаваемая за факт и распространяемая в социуме с целью повлиять на взгляды общества и сформировать нужное автору мнение [Barclay, 2018]. Фейк явление далеко не новое, появление фальшивых, потенциально опасных данных может быть мотивировано как недостаточной информированностью, так злонамеренностью автора [Drucker, Chun, Murillo, 2020].

Использование термина фейк применительно к информации, которая содержится в пьесе, созданной для елизаветинского театра, представляется правомерным в силу следующих причин. Во-первых, в шекспировской Англии СМИ еще не существовали, поскольку первая, так называемая газета, «Corante, or newes from Italy, Germany, Hungarie, Spaine and France», по данным энциклопедии «Британника», вышла в свет 24 сентября 1621 года [Britannica]. Следовательно, в данной ситуации именно театр функционировал как средство массовой информации, как источник представлений о реальности, поскольку зритель шел на представление «как с целью развлечения, так и ради приобретения новых знаний о мире, приобщения к быстро текущему потоку истории» [Микеладзе, 2008]. Елизаветинский театр, который «представляет, обсуждает, убеждает, доказывает, влияет», является «истинным средством массовой коммуникации и идеологическим орудием своего времени, оказывавшим реальное воздействие на общественное сознание» [там же]. Он,

¹ (1) «an object that is made to look real or valuable in order to deceive people; a movement that is made in order to deceive an opponent» [CD].

(2) «a: one that is not what it purports to be: such as: a worthless imitation passed off as genuine <...> b: IMPOSTOR, CHARLATAN» [MWD].

(3) «A fake fur or a fake painting, for example, is a fur or painting that has been made to look valuable or genuine, often in order to deceive people. <...> A fake is something that is fake [CED].

(4) «In earliest use: an activity or action, typically one characterized by dishonesty or deception. Later (from the mid to late 19th century) usually more specifically: a stratagem, a trick, a dodge; a method of swindling, a con; an act of tampering with or falsifying something. A person who engages in deception; a fraud, a charlatan; a trickster; an impostor» [OED].

(5) «1. A copy of something such as a painting or piece of jewelry that is intended to trick people. 2. Someone who pretends to have skills that they do not really have». [MED, 2002: 498].

наряду с памфлетами и летучими листками, обеспечивал внедрение в сознание массового адресата той точки зрения на события, которая была бы выгодна заказчику сообщения.

Во-вторых, театру была свойственна роль медиатора коммуникативно-культурной памяти. Драматурги создавали произведения, формировавшие культурную память, которая может быть определена как «особая символическая форма передачи и актуализации культурных смыслов, выходящая за рамки опыта отдельных людей или групп, сохраняемая традицией, формализованная и ритуализованная, а также выражаемая в мемориальных знаках разного рода» [Репина, 2003]. Таким образом, елизаветинский театр, как и современные СМИ, обеспечивал воспроизводство значимых для общества смыслов и во многом определял отношение общества к событиям прошлого, оказавшим значительное влияние на настоящее.

В-третьих, исторические хроники в драматической, эмоционально напряженной образной форме изображают приход к власти правящей династии и являются примером «политически верных» произведений, которые соответствовали «ланкастерской пропаганде, бывшей во времена Шекспира, как говорится, официальным партийным курсом» [Asimov, 2020: 597] (здесь и далее перевод мой – В. К.). Автор реализует свою интенцию и целенаправленно вводит читателя / зрителя в заблуждение, передавая частично или полностью искаженную информацию. Таким образом, эти пьесы соответствуют тезису о том, что «содержание и когнитивно-прагматические особенности распространяемых фейковых новостей и медиафейков обусловлены тем, к какому политическому и идеологическому лагерю принадлежит субъект дезинформации, каковы его мотивы, интенции и установки, а также тем, какую стратегическую цель он преследует» [Макурова, 2021: 57].

Считается, что в начале 1590-х Шекспир написал историческую хронику «Генрих VI», посвященную жизни последнего короля Англии из династии Ланкастеров (1421-1471). В число главных персонажей первой части пьесы входит Жанна д'Арк – одна из самых ярких фигур не только французской, но и, пожалуй, мировой истории. «Если бы историю ее жизни описали в романе, то сюжет сочли бы абсолютно неправдоподобным» [Asimov, 2020: 532]. Орлеанская дева родилась в 1412 году, во время Столетней войны она возглавила французское войско и одержала несколько важных побед на поле брани, но позднее была захвачена в плен предателями и передана англичанам в обмен на 10000 франков. Именно англичане судили Жанну по обвинению в ереси, признали виновной и сожгли на костре в Руане 30 мая 1431 г. В 1456 французы ее

реабилитировали, провозгласили национальной героиней, а в XX веке канонизировали. Такова биография Жанны д'Арк в кратком изложении.

Европейские современники Шекспира не сомневались в том, что поведение англичан в истории с Жанной д'Арк является недостойным и осуждали их за безжалостную расправу. Однако если оценивать историческую личность, опираясь исключительно на созданный Шекспиром образ и предлагаемую им трактовку событий, то правомерность реабилитации французской национальной героини представляется весьма сомнительной, а казнь – совершенно законным и даже богоугодным делом. Поэтому можно утверждать, что основными прагматическими функциями исторической хроники «Генрих VI» (часть I) являются агональная, то есть дискредитация и демонизация оппонента, а также манипулятивная, то есть внедрение в сознание зрителей / читателей не соответствующей действительности информации, чтобы изменить их отношение к миру. Драматург видит свою задачу в том, чтобы обелить соотечественников и опорочить оппонента, Орлеанскую деву. Для реализации индивидуальной интенции автор создает фейковую информацию на основе реальных фактов и подает ее как эмоционально окрашенную и достоверную, используя прием «сфабрикованное содержание». Несмотря на то, что из-за недостатка достоверных исторических данных невозможно однозначно оценить истинность / ложность каждой пропозиции, агрессивная позиция автора хроники вызывает, по крайней мере, некоторое удивление и заставляет сомневаться в достоверности изложенной версии событий.

Обратимся к тексту пьесы, оставив за пределами рассуждений событийные неточности, например, изображенные дуэли между Жанной д'Арк и английским воином Толботом или между Жанной д'Арк и французским дофином, а также захват английскими войсками города Руан. Шекспир – драматург, а не историк, он не принимает на себя свойственное ученому обязательство сохранять нейтральность и объективность, следовательно, он не обязан соблюдать абсолютную фактологическую точность. Ведь еще Аристотель утверждал, что разница между историком и поэтом состоит в том, что «один рассказывает о происшедшем, другой о том, что могло бы произойти» [Аристотель, 2000]. Не стоит все сказанное персонажами понимать буквально, поскольку условность и художественный вымысел являются имманентными характеристиками елизаветинского театра и литературного жанра «историческая хроника». Рассмотрим образ Орлеанской девы, который, благодаря выбранным автором средствам вербализации, получил яркую отрицательную оценочность, что вполне соответствовало официальному заказу и интересам адресанта. Информация о Жанне воспринимается зрителем сквозь призму

интерпретации, поскольку информационная картина мира, особенно в ситуации темпоральной удаленности от описываемых событий, основывается не на точном копировании действительности, а на результатах ее интерпретации, на оценках автора текста, которые обычно характеризуются субъективностью [Трофимов, 2023].

Автор формирует у адресата представление о том, что именно колдовство, а не воинское искусство, мужество и стойкость в честной борьбе обусловило победы французов над англичанами.

«Or shall we think the subtle-witted French
Conjurers and sorcerers, that, afraid of him,
By magic verses have contrived his end?» [Shakespeare: Act 1, Scene 1, Lines 25-27].

Следовательно, нет ничего удивительного в том, что отважный и опытный английский воин Толбот не может победить в поединке молодую девушку – она француженка, следовательно, ведьма.

«Here, here she comes! – I'll have a bout with thee.
Devil or devil's dam, I'll conjure thee.
Blood will I draw on thee – thou art a witch –
And straightway give thy soul to him thou serv'st» [Shakespeare: Act 1, Scene 5, Lines 4-7].

В обоих примерах обвинение в колдовстве выражено эксплицитно. Обращаясь к Жанне, собеседник называет ее узуальными лексическими единицами тематической группы «SORCERY», которые актуализируют свои словарные значения: имена существительные *sorcerer*² ‘колдун’, *conjuror*³ ‘заклинатель, маг’, *witch*⁴ ‘ведьма’; глагол *conjure*⁵ ‘вызывать духов, заклинать’; имя прилагательное *magic*⁶ ‘магический’. Экспрессивность высказывания достигается троекратной вербализацией различных типов ее отношений с дьяволом: идентификация (*Devil*), родство (*devil's dam*), служебная иерархия (*to him thou serv'st*).

Автор обосновывает правомерность имевших место в реальности обвинений Жанны в ереси, используя особую структурно-содержательную организацию текста пьесы – самый длинный монолог персонажа представляет собой попытку договориться с

² «Sorcerer. One who practises sorcery; a wizard, a magician» [OED].

³ «Conjuror. One who practises conjuration; one who conjures spirits and pretends to perform miracles by their aid; a magician, wizard» [OED].

⁴ «Witch. A person (in later use typically a woman; see note) who practises witchcraft or magic, esp. of a malevolent or harmful nature» [OED].

⁵ «Conjure. to call upon, constrain (a devil or spirit) to appear or do one's bidding, by the invocation of some sacred name or the use of some 'spell'» [OED].

⁶ «Magic. Of or relating to magic (the use of ritual activities or observances which are intended to influence the course of events or to manipulate the natural world) (originally in †art magic, magic arts, etc.)» [OED].

безмолвными злыми духами (*Fiends*)⁷ о дальнейшей помощи [Shakespeare: Act 5, Scene 3, Lines 1-29]. Чтобы повысить манипулятивный эффект монолога, Шекспир вкладывает в уста Жанны упоминание о своем обращении к магическим ритуалам и практикам (*charming spells and periapts*) [Shakespeare: Act 5, Scene 3, Lines 1-4], что соответствует укоренившимся в сознании адресата стереотипа о деятельности ведьмы.

Идея регулярности контактов Жанны со слугами дьявола продуцируется за счет включения в ее речь

– повтора на уровне семы; автор многократно использует лексические единицы тематической группы «HELP» (*admonish, help, helpers, assistance, aid, furtherance*) для описания отношений Жанны и духов, формируя впечатление о ее собственном бессилии;

– имен прилагательных *accustomed, familiar, ancient*, импликационал которых включает элементы *not new, regularly applied, further*.

Однако обвинений в ереси, по мнению автора, недостаточно для достижения желаемого прагматического эффекта – манипулирование сознанием зрителя. Для оправдания жестокости англичан драматург навязывает адресату негативный образ персонажа, которому приписываются морально-нравственные качества, несовместимые с понятием «народная героиня» (*vicious qualities*).

(1) Продажность. Жанна пытается купить помощь злых духов. Она торгуется и, постепенно повышая ставки, предлагает им свою кровь (*to feed you with my blood*), части тела (*lop a member off and give it you*), тело целиком (*body shall Pay recompense if you will grant my suit*) и даже душу (*take my soul*) в обмен на содействие [Shakespeare: Act 5, Scene 3, Lines 14-24]. Таким образом, семантическая структура узуальных лексических единиц расширяется, в результате контекстуального приращения смысла, названия элементов человека приобретают семы *price, monetary value*. Выбор лексики из тематической группы «BARGAIN» (*redress, pay recompense, entreat, benefit*) обеспечивает формирование у зрителя впечатления не о готовности персонажа пожертвовать собой во имя общего дела, а о стремлении совершить сделку, обеспечивающую победу своей страны.

(2) Безнравственность. Для манипулирования сознанием адресата используются как имплицитные, так и эксплицитные средства. В первом случае, дофин, который обязан Жанне своей короной, сравнивает ее с Родопой, заявляя:

«A statelier pyramids to her I'll rear

Than Rhodophe's Γ of Υ Memphis ever was» [Shakespeare: Act 1, Scene 6, Lines 21-22].

⁷ «Fiend An evil spirit generally; a demon, devil, or diabolical being; more fully fiend of hell» [OED].

Когнитивной основой порождения отрицательного оценочного высказывания и его последующей однозначной интерпретации зрителем выступают фоновые знания членов языкового сообщества о Родопе (*Rhodophe*), греческой куртизанке, которая стала царицей Мемфиса и якобы построила третью пирамиду [Shakespeare's Words]. Сравнение национальной героини с куртизанкой обеспечивает скрытое влияние на когнитивную деятельность адресата.

Эксплицитные средства представлены в сцене допроса Жанны герцогом Йорком, которая представляет собой реконструкцию действительности в искаженном ракурсе. В репликах персонажей образ героини вербализован словами, унижающими честь и достоинство объекта номинации: *Strumpet*⁸ 'шлюха', *minister of hell*⁹ 'служанка дьявола' [Shakespeare: Act 5, Scene 4, Lines 85-94]. Прагматический эффект реплики графа Уорика (*she hath been liberal and free* [Shakespeare: Act 5, Scene 4, Line 83]) основан на контекстуальном приращении смысла узуальных прилагательных, которые приобретают значение «распущенная, развратная». Таким образом, выбор слов обеспечивает реализацию авторской интенции – завоевать доверие зрителя и сформировать его оценку поступающей информации как истинной.

(3) Лживость и трусость. Пытаясь избежать мучительной казни, Жанна сначала отрекается от отца-пастуха и говорит о своем якобы благородном происхождении [Shakespeare: Act 5, Scene 4, Lines 3-54], а затем заявляет о мнимой беременности и несколько раз меняет показания о том, кто является отцом ребенка [Shakespeare: Act 5, Scene 4, Lines 60-79].

Эмоционально-окрашенные лексические единицы, репрезентирующие социальный статус персонажей, формируют оппозицию *noble :: peasant*. Элементы первого члена оппозиции содержат положительные оценочные коннотации, второго – отрицательные. Называя предполагаемого отца ребенка, Жанна меняет имена, поскольку каждая кандидатура вызывает резкую негативную реакцию собеседников, выраженную

– «говорящим» именем собственным *Machiavel*, импликационал которого содержит обусловленные особенностями культурного развития социально неприемлемые семантические признаки,

– эмоционально окрашенным негативно-оценочным эпитетом *notorious*,

– именем прилагательным *intolerable* в форме превосходной степени.

Использованные в речи персонажа синонимы *deceive*, *delude* эксплицирует

⁸ «Chiefly derogatory. A female prostitute; (also) a mistress, a concubine. More generally: a sexually promiscuous or lascivious woman» [OED].

⁹ «A servant, an attendant; a person who waits upon or ministers to the wants of another» [OED].

признание Жанны в обмане. Таким образом, авторский выбор языковых средств поведение только укрепляет уверенность зрителей елизаветинского театра в правомерности позиции палачей и законности наказания.

Автор оскверняет светлый образ Орлеанской девы, однако интерпретация шекспировского текста с точки зрения морально-этических норм современности не позволяет говорить о положительной оценке поведения англичан, глумятся над пленным врагом; они не только уничтожают, но и унижают политического оппонента. «Последнее появление Жанны в этой пьесе самым возмутительным образом порочит ее, происходящее настолько очевидно обусловлено английскими предрассудками, что именно эта сцена, как ничто иное, затрудняет постановку пьесы на современной сцене» [Asimov, 2020: 569].

Анализ пьесы Шекспира «Генрих VI» позволяет утверждать, что практика намеренного введения в заблуждение адресата текста имеет многовековую историю и значительно старше, чем традиционные СМИ. Автор текста целенаправленно создает и предлагает зрителю в вербализованной форме отвечающую его интересам интерпретацию важных фрагментов действительности. Социально-коммуникативная ситуация, в которой факты оказываются менее значимыми для формирования общественного мнения, чем точка зрения автора, обусловлена потенциальной интерпретативной вариативностью исторического события. Именно вариативность, в свою очередь, является гносеологической основой для создания фейков и распространения выдуманной версии событий прошлого под видом достоверной информации. Выбор языковых средств репрезентации авторского ментального конструкта «Joan la PUCELLE, also Joan of Arc» обеспечивает не критическое восприятие воспринимаемой адресатом информации, а также вносит когнитивные изменения в его картину мира и систему оценок: народная героиня Франция представлена зрителю как колдунья и распутница, казнь которой была справедливым и богоугодным деянием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Поэтика; Риторика. Санкт-Петербург: Азбука, 2000. 346 с. Доступ: <https://royallib.com/read/aristotel/poetika.html#20480>. (дата обращения: 08.10.2024).
2. Макурова Д. А. Дезинформация в современном англоязычном расистском медиадискурсе // Политическая лингвистика. 2021. № 5 (89). С. 55-61. DOI 10.26170/1999-2629_2021_05_06.
3. Микеладзе Н. Э. О чем трубят театральные трубы? (Публичный театр как среда и средство коммуникации века Шекспира) // Медиаскоп. 2008. № 1. Доступ: https://elibrary.ru/download/elibrary_17064653_22817971.pdf. (дата обращения: 18.10.2024).
4. Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания: (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07. Москва: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.
5. Трофимов Р. В. Фейк как не критическое восприятие информации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 113-118. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_113.

6. Щирова И. А., Гурочкина А. Г. Лингвистика на междисциплинарных перекрестках: интегративные научные исследования как объективная необходимость // Вопросы психолингвистики. 2022. № 1 (51). С. 48-55.

7. Asimov I. *Asimov's Guide to Shakespeare*. New York: Wings Book, 2020. Vol. 2. *The English Plays*. 843 p.

8. Barclay D. *Fake News, Propaganda, and Plain Old Lies: How to Find Trustworthy Information in the Digital Age*. New York: Rowman & Littlefield, 2018. 244 p.

9. Boudana S., Segev E. Fake News Makes the News: Definitions and Framing of Fake News in Mainstream Media // *Journalism Practice*. 2024. DOI: 10.1080/17512786.2024.2379898 (preprint version). (дата обращения: 11.10.2024).

10. Drucker S., Chun R., Murillo M. A. Fake News and the Covid-19 Pandemic. *Proceedings of the New York State Communication Association: Vol. 2020, Article 13*. Доступ: <https://docs.rwu.edu/nyscaproceedings/vol2020/iss1/13>. (дата обращения: 11.10.2024).

11. Kavanagh J., Rich M. D. *Truth Decay: An Initial Exploration of the Diminishing Role of Facts and Analysis in American Public Life*. Santa Monica, California: RAND, 2018. 324 p.

12. Wardle C. Fake news: it's complicated. 2017 Доступ: <https://firstdraftnews.org/articles/fake-news-complicated>. (дата обращения: 23.10.2024).

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Britannica. Доступ: <https://www.britannica.com>. (дата обращения: 10.10.2024). [Britannica].

2. Cambridge Dictionary. Доступ: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english>. (дата обращения: 10.10.2024). [CD].

3. Collins English Dictionary. Доступ: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>. (дата обращения: 10.10.2024). [CED].

4. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Oxford: MacMillan Education, 2002. 1658 p. [MED].

5. Merriam Webster Dictionary. Доступ: <https://www.merriam-webster.com/dictionary>. (дата обращения: 10.10.2024). [MWD].

6. Oxford English Dictionary. Доступ: <https://www.oed.com/dictionary>. (дата обращения: 10.10.2024). [OED].

7. Shakespeare's Words. Доступ: <https://www.shakespeareswords.com/public/glossary.aspx?id=21965>. (дата обращения: 10.10.2024).

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ

Shakespeare W. Henry VI. Part 1. Доступ: https://folger-main-site-assets.s3.amazonaws.com/uploads/2022/11/henry-vi-part-1_PDF_FolgerShakespeare.pdf. (дата обращения: 11.10.2024). [Shakespeare].

REFERENCES

1. Aristotel (2000). *Poetika; Ritorika* [Poetics. Rhetoric]. Sankt-Peterburg: Azbuka. Available at: <https://royallib.com/read/aristotel/poetika.html#20480>. (accessed: 08.10.2024). (In Russ.).

2. Makurova, D. A. (2021). *Dezinformatsiya v sovremennom angloyazychnom rasistskom mediadiskurse* [Desinformation in modern English racist mediadiscourse]. In *Politicheskaya lingvistika*. No 5 (89). Pp. 55-61. DOI 10.26170/1999- 2629_2021_05_06. (In Russ.).

3. Mikeladze, N. E. (2008). *O chem trubyat teatralnye truby? (Publichnyy teatr kak sreda i sredstvo kommunikatsii veka Shekspira)* [What do theatre trumpets tell about? (Public theatre as medium and means of communication of Shakespeare's time)]. In *Mediaskop*. No 1. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_17064653_22817971.pdf. (accessed: 18.10.2024). (In Russ.).

4. Repina, L. P. (2003). *Kulturnaya pamyat i problemy istoriopisaniya: (istoriograficheskie zametki)* [Cultural memory and problems of history description (historiography notes)]. Preprint WP6/2003/07. Moskva: GU VShE. (In Russ.).

5. Trofimov, R. V. (2023). *Feyk kak nekriticheskoe vospriyatie informatsii* [Fake as as the non-critical perception of information]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo*

universiteta. Gumanitarnye nauki. Iss. 10 (878). Pp. 113-118. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_113. (In Russ.).

6. Shchirova, I. A., Gurochkina, A. G. (2022). *Lingvistika na mezhdistsiplinarnykh perekrestkakh: integrativnye nauchnye issledovaniya kak obektivnaya neobkhodimost* [Linguistics at interdisciplinary crossroads: integrated studies as an objective necessity]. In *Voprosy psikholingvistiki*. No 1 (51). Pp. 48-55. (In Russ.).

7. Asimov, I. (2020). *Asimov's Guide to Shakespeare*. New York: Wings Book. Vol. 2. The English Plays.

8. Barclay, D. (2018). *Fake News, Propaganda, and Plain Old Lies: How to Find Trustworthy Information in the Digital Age*. New York: Rowman & Littlefield.

9. Boudana, S., Segev, E. (2024). Fake News Makes the News: Definitions and Framing of Fake News in Mainstream Media. In *Journalism Practice*. DOI: 10.1080/17512786.2024.2379898 (preprint version). (accessed: 11.10.2024).

10. Drucker, S., Chun, R., Murillo, M.A. *Fake News and the Covid-19 Pandemic*. Proceedings of the New York State Communication Association: Vol. 2020, Article 13. Available at: <https://docs.rwu.edu/nyscaproceedings/vol2020/iss1/13>. (accessed: 01.10.2024).

11. Kavanagh, J., Rich, M. D. (2018). *Truth Decay: An Initial Exploration of the Diminishing Role of Facts and Analysis in American Public Life*. Santa Monica, California: RAND.

12. Wardle, C. (2017). *Fake news: it's complicated*. Available at: <https://firstdraftnews.org/articles/fake-news-complicated>. (accessed: 23.10.2024).

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Britannica. Available at: <https://www.britannica.com>. (accessed: 10.10.2024).

2. Cambridge Dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english>. (accessed: 10.10.2024).

3. Collins English Dictionary. Available at: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>. (accessed: 10.10.2024).

4. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Oxford: MacMillan Education, 2002.

5. Merriam Webster Dictionary. Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary>. (accessed: 10.10.2024).

6. Oxford English Dictionary. Available at: <https://www.oed.com/dictionary>. (accessed: 10.10.2024).

7. Shakespeare's Words Available at: <https://www.shakespeareswords.com/public/glossary.aspx?id=21965>. (accessed: 10.10.2024).

SOURCE OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

Shakespeare, W. (2022). *Henry VI*. Available at: https://folger-main-site-assets.s3.amazonaws.com/uploads/2022/11/henry-vi-part-1_PDF_FolgerShakespeare.pdf. (accessed: 11.10.2024).

Клейменова Виктория Юрьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии (e-mail: victoria.kleimenova@yandex.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» 191023, Санкт-Петербург, набережная Реки Мойки, д. 48

Kleimenova Victoria Yu. – Doctor of Philology, Professor of English Philology Department (e-mail: victoria.kleimenova@yandex.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State Pedagogical University» 48, Moika Embankment, St-Petersburg, 191023

Поступила в редакцию 12 ноября 2024 г.

СПОСОБЫ ПРОЯВЛЕНИЯ КОГЕЗИИ И КОГЕРЕНТНОСТИ В ЗАГОЛОВОЧНОМ КОМПЛЕКСЕ КРЕОЛИЗОВАННОГО МЕДИАТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА «DER SPIEGEL»)

Статья посвящена проблеме разграничения понятий когезии и когерентности, а также способам их проявления в креолизованном медиатексте с учетом его вербальной и визуальной составляющих. Особое внимание уделяется визуальным вариантам когезии, которые могут быть представлены средствами фонетики, лексики и стилистики. Автором предложено выделять в креолизованном медиатексте различные виды когезии, а именно вербальную, вербально-визуальную и визуальную.

Ключевые слова: креолизованный медиатекст, когезия, когерентность, медиадискурс.

© 2025 Т. А. Lenkova

WAYS OF COHESION AND COHERENCE MANIFESTATION IN THE HEADLINE COMPLEX OF A CREOLIZED MEDIA TEXT (BASED ON THE MATERIAL OF «DER SPIEGEL» MAGAZINE)

The article considers the problem of distinguishing the concepts of cohesion and coherence, as well as the ways of their manifestation in a creolized media text, taking into account its verbal and visual components. Special attention is paid to visual variants of cohesion, which can be represented by means of phonetics, vocabulary and stylistics. The author proposes to distinguish different types of cohesion in the creolized media text, namely verbal, verbal-visual and visual.

Key words: creolized media text, cohesion, coherence, media discourse.

Лингвистика как наука постоянно развивается, развиваются знания о тексте и его типологии. Так, в 1990 году отечественные филологи Ю. А. Сорокин и Е. Ф. Тарасов предложили новое понятие «креолизованный текст» [Сорокин, Тарасов, 1990: 178-187], подразумевающее смысловое единство вербального и визуального. Буквально сразу креолизованный текст завоевал медиасферу, поддержав традиционные печатные СМИ в новых условиях конкуренции.

Категории когезии и когерентности являются неперенными условиями существования любого текста.

Несмотря на то, что иногда суть этих понятий вызывает некоторые споры, попробуем их разграничить, показав специфику их применения не только в креолизованном медиатексте, но и конкретно в его заголовочном комплексе.

Среди отечественных ученых большое внимание этой проблеме уделял И. Р. Гальперин, в понимании которого когезия – это особый вид связи, обеспечивающий континуум или логическую последовательность, временную и/или пространственную

взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий [Гальперин, 1981]. Исследователь указывает на текстообразующую роль когезии, классифицирует ее виды, выделяя дистантную, образную, ассоциативную, композиционно-структурную, стилистическую и ритмообразующую когезию. Когезия или, в русской терминологии, категория связности – один из фундаментальных аспектов характеристики текста / дискурса [Валгина, 2004], активно рассматриваемый современными лингвистами. Она включает в себя языковые средства (грамматические, лексические, фонетические), благодаря которым предложения в тексте соединяются в более крупные единицы на структурном уровне. Под когезией понимаются внутритекстовые связи, обеспечивающие целостность и единство любого словесного произведения.

Ставшая уже классической работа, посвященная когезии текста, принадлежит не российским, а англоязычным исследователям, М. А. К. Халлидею и Р. Хасану [Halliday, Hasan, 1976], их можно считать «пионерами» в этом лингвистическом направлении. Исследователи предлагают рассматривать пять аспектов языковых отношений, определяющих формально-грамматическую связность дискурса: указательную, личную и сравнительную референцию; замену имени, глагола и предикативной группы; эллипсис имени, глагола и предикативной группы; союзные слова и другие соединительные элементы, а также лексическую связность, которая часто достигается повторением лексических единиц в соседних предложениях: через повторение одного и того же слова или лексического эквивалента исходного слова, повторение родового понятия и т. д. К явлениям этого уровня относятся широко изучаемые в лингвистике текста механизмы ко- и кросс-референции, анафоры и прономинализации.

Как именно соотносятся между собой категории когезии и когерентности? Чтобы ответить на этот вопрос, приведем мнения некоторых исследователей, чьи точки зрения кажутся нам наиболее близкими. Так, Т. В. Милевская дает следующее определение соотношения этих терминов: «Когезия – это свойство элементов текста, а когерентность – свойство текста в целом» [Милевская, 2003: 61]. По мнению М. Л. Макарова, когерентность шире когезии: если когезия – это формально-грамматическая связность дискурса, то когерентность охватывает также «семантико-прагматические (тематические и функциональные в том числе) аспекты семантической и деятельностной (интерактивной) связности дискурса, как локальной, так и глобальной» [Макаров, 1998: 195]. Соответственно, когерентность означает концептуальную и смысловую целостность текста, тогда как когезия – это использование соответствующих языковых единиц, форм и эксплицитных

связок. Когезия в текстах возникает при участии различных грамматических, лексических и стилистических средств, таких как отражение, замена, эллипсис, парафраз, метафоризация, повтор.

Признание категорий когерентности и когезии в качестве основных признаков медиатекста не исключает существующих противоречивых трактовок обеих категорий и их функционального соотношения. На уровне грамматических средств, обеспечивающих связность медиатекста, проблема решается достаточно просто, но с точки зрения его когнитивно-дискурсивной организации в свете репрезентации знаний вопросов больше, чем ответов. Для их решения необходимо, прежде всего, разграничить понятия цельности и связности медиатекста.

Здесь уместно вспомнить высказывание А. А. Леонтьева о том, что «связность обычно является условием цельности, но цельность не может быть полностью определена через связность. С другой стороны, связный текст не всегда обладает свойством цельности» [Леонтьев, 1975: 170]. Чаще всего под цельностью предлагается понимать определенное смысловое единство медиатекста, единство его плана содержания, а под связностью – единство плана выражения медиатекста, формальное выражение цельности. Так, А. А. Леонтьев считает, что когезия связывает воедино лишь отдельные фрагменты текста, а цельность – это категориальное свойство текста в целом, имеющее скорее психическую, чем языковую природу. Цельность медиатекста – это, прежде всего, его тематическое, концептуальное и модальное единство. «В отличие от связности, целенаправленность является характеристикой текста как смыслового единства, как единой структуры, и определяется на материале всего текста. Она не соотносится непосредственно с языковыми категориями и единицами и имеет психолингвистическую природу» [Леонтьев, 1975: 168].

Некоторые исследователи под целостностью понимают комплексную связность – семантическую, структурную и коммуникативную. Такой подход по своей сути восходит к теории связности текста, разработанной Г. В. Колшанским [Колшанский, 2007: 12].

Здесь же стоит упомянуть о таком важном свойстве текста, как закон инкорпорации, который был выведен Л. Н. Мурзиным; суть этого свойства заключается в том, что каждое последующее предложение текста включает в себя предыдущее [Мурзин, Штерн, 1991: 46]. Действие этого закона, по сути, обеспечивает два основных свойства текста – связность и цельность. Здесь мы можем говорить о двух видах отношений, а именно об уточнении и объяснении. В случае отношений уточнения второе предложение добавляет какую-то важную информацию о ранее упомянутом объекте, а в случае объяснения второе

предложение поясняет то, что написано в первом.

Соглашаясь с мнением Н. И. Клушиной, мы исходим из понимания связности как цельности текста, которая заключается в логико-семантической, синтаксической и стилистической взаимозависимости его частей [Клушина, 2008: 53]. Связность текста – это результат взаимодействия различных видов связности: логико-семантической, синтаксической и стилистической. Логико-семантическая связность возглавляет этот ряд не случайно: она является доминирующей для формирования связности медиатекста. Таким образом, когерентность нельзя отождествлять с когезией: когерентность – это свойство текста, а когезия – свойство элементов текста, которые представляют собой не менее чем предложение-выражение. Когерентность шире когезии, она охватывает не только формально-грамматические аспекты связи предложений, но и семантико-прагматические (тематические, функциональные и т. д.) аспекты смысла и деятельности (интеракции).

Медиадискурс является одновременно формообразующим и смыслопорождающим источником вторичного семиозиса [Алефиренко, 2016]. В нем происходит не только когнитивно-синергетическая обработка событийной, социокультурной, коммуникативно-прагматической и языковой информации, но и ее трансмутация в процессе погружения в особый виртуальный мир для семиотической репрезентации ментальной структуры одного из возможных миров. В связи с этим стоит отметить очень важный момент во вторичном семиозисе: роль интенциональности в семантическом устройстве медиадискурса. Интенциональность связывает невидимыми нитями языковую и речевую семантику составляющих медиадискурс единиц, то есть координирует языковые значения слов и словоформ с намерениями и коммуникативными целями коммуникантов. В результате такого взаимодействия возникает необходимая для вторичного семиозиса энергия, под воздействием которой образующийся знак вторичной номинации становится одним из средств кодирования и выражения социально значимых речевых смыслов, интерпретируемых и «переплавляемых» в когнитивно-дискурсивном «котле». Элементами медиадискурса являются коммуникативные события, участники этих событий, перформативная информация и «не-события» – обстоятельства, сопровождающие события; социокультурный фон, оценочное отношение к участникам коммуникативного события и т. д.

Интересно мнение Н. Ф. Алефиренко о том, что перформативная информация играет особую роль в порождении дискурса. Ссылаясь на А. Лидова, исследователь называет концепцию перформативности одним из главных вызовов для всех современных гуманитарных наук [Лидов, 2011]. По его мнению, до недавнего времени

исследовательские методологии основывались на фундаментальном принципе «культура как текст», то есть нечто принципиально сохраняемое, неподвижное, фиксированное в виде визуального или литературного текста. Сейчас приходит осознание того, что существует огромный пласт культуры – культура перформативного существования, то есть то, что находится в постоянном движении и изменении как принцип – *modus vivendi* (образ жизни, способ существования, дух познания).

Принцип *modus vivendi* как нельзя лучше описывает сущность креолизованного медиатекста, который постоянно находится «в движении», изменяясь и адаптируясь к потребностям целевой аудитории, требованиям заказчика материала и постоянным вызовам медиарынка.

Особенность креолизованного медиатекста заключается в том, что, с одной стороны, категория связности выражается в нем традиционными языковыми средствами (лексическими, грамматическими, стилистическими), а с другой стороны, креолизация предполагает наличие невербальных средств связности. Более того, для того чтобы интересующий нас тип текста обладал связностью и целостностью, вербальные и невербальные средства должны правильно соотноситься друг с другом, не противоречить, а дополнять друг друга. Иными словами, креолизованный текст требует, так сказать, более высокого уровня связности.

Поскольку в печатных СМИ встречаются тексты с разной степенью креолизации, даже те, где вербальный компонент сведен к минимуму, вероятно, уместно говорить о вербальной, вербально-визуальной и визуальной когезии.

Как правило, изображение мы воспринимаем одновременно, сразу и целиком, а информацию в вербальной части материала – последовательно, то есть поступательно. В результате взаимодействия разнородных ментальных структур, вербальной и визуальной, возникает такое когнитивное пространство, в основе которого лежит генетическая предрасположенность человеческого мышления к сопряжению разнородных ментальных пространств, способных в силу структуры человеческого мышления функционировать как единое смысловое целое.

Мы полагаем, что в результате взаимодействия вербальных и визуальных компонентов в креолизованном тексте возникает некий надтроп, который обозначает когнитивное пространство, возникающее в семиосфере медиатекста под влиянием визуально-вербальных тропов. Отличительной особенностью надтропа является то, что для выражения определенных смыслов продуцент вербализует одну часть мыслительного содержания, а визуализирует другую. По этой причине именно визуально-вербальный

стилистический прием становится наиболее ярким и наглядным примером сопряжения двух генетически несхожих ментальных пространств. Восприятие фотографической составляющей текста трансформируется в представление, которое включается в общую систему знаний реципиента, становясь необходимой основой для возможности вербального выражения некоторого мыслительного содержания.

На наш взгляд, надтроп является, во-первых, основным элементом или средством связности в креолизованном медиатексте, особенно в его заголовочном комплексе, поскольку именно в нем креолизация проявляется наиболее ярко, и, во-вторых, только появление надтропа становится гарантией связности всего медиатекста.

Приведем пример из статьи 1967 года, которая звучит «*Israels Blitzkrieg*» ‘«Молниеносная война Израиля»’, хотя мы чаще говорим «блицкриг». Название хорошо понятно и русским, и немцам, отсылая нас к трагическим событиям 1941 года и планам Гитлера по молниеносному завоеванию СССР. Вербальная часть статьи подтверждает и «оправдывает» название: 5 июня 1967 года Израиль нанес упреждающий удар по Египту, начав шестидневную войну со своими арабскими соседями, в ходе которой Израиль получил контроль над территорией, в 3,5 раза превышающей его довоенную площадь.

Восприятие этого визуально-вербального надтропа имеет свои особенности. Сначала включается механизм одновременности, читатель «схватывает» визуальную картинку, но дело в том, что она представлена довольно крупной словесной надписью, занимающей большую часть пространства. Поэтому почти сразу же вынужденно включается второй механизм восприятия – сукцессивность: реципиент начинает читать слова, осмысливать их. Завершение когнитивного пространства надтропом происходит, когда читатель обращает свой взгляд на нижнюю часть страницы и видит современную военную технику и солдат в соответствующей форме. На этом этапе возникает определенный диссонанс, толкающий к познанию: во-первых, опираясь на фоновые знания, можно сказать, что вербальная часть надтропа имеет признаки оксюморона, так как «молниеносная война» ассоциируется не с Израилем, а с Германией; во-вторых, временные интервалы блицкрига «сдвинуты»; в-третьих, техника и форма времен «молниеносной войны» также были другими. Можно сказать, что в результате слияния двух ментальных пространств мы получаем надтроп, основанный на аллюзии и оксюморон.

Когезия в креолизованном медиатексте может выражаться не только на уровне стилистики. Так, в текстах массмедиа широко распространён звуковой символизм – связь между звучанием и значением языковых единиц, обусловленная способностью звуков

вызывать в сознании слушающего определённые слуховые, визуальные, эмоциональные и другие ассоциации, а значит порождать единое когнитивное пространство, связывающее воедино весь массив текста.

В журнале «Der Spiegel» Nr. 7/07.02.2020 представлен пример звукового графона за счёт подмены гласной «e» на гласную «ä»: Der Demokrat = Der Dämokrat, то есть в слове «демократ» скрывается слово «демон». Сознательная подмена всего лишь одной буквы помогает журналисту выразить отношение к лидеру партии правых. Под названием титульной статьи есть подпись «*Wie der Flirt mit Höckes AfD die Berliner Republik vergiftet*» ‘«Как отравляет Берлинскую республику заигрывание Хокес АдГ»’. Лидер правых Бьёрн Хоке использовал в своих целях партии CDU, FDP (ХДС, СДПГ), чтобы помешать выборам премьер-министра от партии левых. Теперь же руководители берлинских отделений партий оказались в некрасивой ситуации и ждут новых выборов. Таким образом «обольститель-демон» Хоке, добившись своих целей, внёс разлад в союз двух партий и «отравил» берлинскую республику. Слово «vergiftet» в данном случае употреблено метафорически.

В журнале «Der Spiegel» Nr. 31/24.07.2020 представлен графон «The President». С одной стороны, автор предлагает англоязычный вариант написания слова, но при этом меняет последнюю согласную, придавая тем самым экспрессивности слову и наделяя его, таким образом, двойным смыслом. Как известно «end» означает «конец». Общий заголовок подкреплён подзаголовком, который тоже наполнен выразительностью: «*Wie Corona den Populisten Donald Trump entzaubert*» «*Trumps letztes Gefecht*» ‘«Как корона расколдовывает Дональда Трампа»» «Последняя битва Трампа»’.

В подзаголовке представлено уже не фонетическое, а лексическое средство выразительности, а именно энантиосемия – разновидность многозначности или полисемии, – (от греч. *enantios* ‘противоположный’ и *sema* ‘знак’) – внутрисловная антонимия или антонимия значений: наличие у одного многозначного (полисемантического) слова взаимоисключающих, противоположных, антонимичных значений. Так слово *entzaubern* ‘разочаровывать’ означает в данном контексте не *снимать чары* или *расколдовывать*, а, скорее, *лишать иллюзий*.

Интересно проследить сочетание слов *Corona* и *entzaubert*. Если их рассматривать в прямом значении, как *корона* и *расколдовывать*, то слова относятся к одному тематическому полю. Но в данном случае слово «корона» употреблено как название вируса, а слово «расколдовывать» принимает значение «разочаровывать».

Вторая часть подзаголовка «*Trumps letztes Gefecht*» ‘«Последняя битва Трампа»’

и последующая вербальная часть непосредственно статьи говорят о том, что президент проиграл борьбу с ковидом в США, а в его руках не корона, а бейсболка.

Категории когезии и когерентности присущи креолизованному медиатексту, как и любому другому тексту. Однако особенности данного типа текста обуславливают проявление вербальной и невербальной когезии. В ходе нашей работы мы предложили, во-первых, выделить различные виды когезии в креолизованном тексте (вербальную, вербально-визуальную и визуальную), во-вторых, считаем, что вербально-визуальный надтроп, возникающий в результате целостного восприятия информации реципиентом, является основным средством когезии в креолизованном медиатексте и главным условием его связности. Проблема связности и целостности креолизованного медиатекста, на наш взгляд, находится в самом начале своего решения и имеет благоприятные перспективы развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н. Ф. Медиадискурс и его коммуникативно-прагматическая сущность // Медиалингвистика. 2016. № 1 (11). С. 49-57.
2. Валгина В. С. Теория текста. Москва: Логос, 2004. 280 с.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва: Наука, 1981. 139 с.
4. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. Москва: МедиаМир, 2008. 244 с.
5. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. 3-е изд. Москва: Издательство ЛКИ, 2007. 176 с. (Лингвистическое наследие XX века).
6. Леонтьев А. А. Признаки связности и цельности текста // Лингвистика текста. Москва: Моск. гос. пед. ин-т иностр. языков, 1975. Ч. 1. С. 168-172.
7. Лидов А. М. Пространственные иконы. Перформативное в Византии и Древней Руси. Москва: Индрик, 2011. 704 с.
8. Макаров М. Л. Языковое общение в малой группе: опыт интерпретативного анализа дискурса: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Тверь, 1998. 443 с.
9. Милевская Т. В. Связность как категория дискурса и текста. Ростов н/Д, 2003. 390 с.
10. Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 171 с.
11. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. Москва: Высшая школа, 1990. С. 178-187.
12. Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. London: Longman, 1976. 374 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. «Der Spiegel». 1967. Доступ: <https://www.spiegel.de/spiegel/print/index-1967.html>. (дата обращения: 19.10.2024).
2. «Der Spiegel». 2020. Доступ: <https://www.spiegel.de/spiegel/print/index-2020.html>. (дата обращения: 19.10.2024).

REFERENCES

1. Alefirenko, N. F. (2016). Mediadiskurs i ego kommunikativno-pragmaticeskaya suschnost [Media discourse and its communicative and pragmatic essence]. In *Medialingvistika*. No 1 (11). Pp. 49-57. (In Russ.).
2. Valgina, V. S. (2004). *Teoriya teksta* [Text theory]. Moskva: Logos. (In Russ.).
3. Galperin, I. R. (1981). *Tekst kak obekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
4. Klushina, N. I. (2008). *Stilistika publitsisticheskogo teksta* [The style of the journalistic text]. Moskva: MediaMir. (In Russ.).
5. Kolshanskiy, G. V. (2007). *Kommunikativnaya funktsiya i struktura yazyka* [The communicative function and structure of language]. 3-e izd. Moskva: Izdatelstvo LKI. (Lingvisticheskoe nasledie XX veka). (In Russ.).
6. Leontev, A. A. (1975). Priznaki svyaznosti i tselnosti teksta [Signs of coherence and integrity of the text]. In *Lingvistika teksta*. Moskva: Mosk. gos. ped. in-t inostr. yazykov. Ch. 1. Pp. 168-172. (In Russ.).
7. Lidov, A. M. (2011). *Prostranstvennyye ikony. Performativnoe v Vizantii i Drevney Rusi* [Spatial icons. Performative in Byzantium and Ancient Russia]. Moskva: Indrik. (In Russ.).
8. Makarov, M. L. (1998). *Yazykovoe obshchenie v maloy gruppe: opyt interpretativnogo analiza diskursa* [Language communication in a small group: the experience of interpretative analysis of discourse]: diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. Tver. (In Russ.).
9. Milevskaya, T. V. (2003). *Svyaznost kak kategoriya diskursa i teksta* [Coherence as a category of discourse and text]. Rostov n/D: Izd-vo RGU. (In Russ.).
10. Murzin, L. N., Shtern, A. S. (1991). *Tekst i ego vospriyatie* [The text and its perception]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta. (In Russ.).
11. Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. (1990). Kreolizovannyye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya [Creolized texts and their communicative function]. In *Optimizatsiya rechevogo vozdeistviya*. Moskva: Vysshaya shkola. Pp. 178-187. (In Russ.).
12. Halliday, M.A.K., Hasan, R. (1976). *Cohesion in English*. London: Longman.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. «Der Spiegel». 1967. Available at: <https://www.spiegel.de/spiegel/print/index-1967.html>. (accessed: 19.10.2024).
2. «Der Spiegel». 2020. Available at: <https://www.spiegel.de/spiegel/print/index-2020.html>. (accessed: 19.10.2024).

Ленкова Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германских языков и методики их преподавания (e-mail: talenk@yandex.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина» 390028, Рязань, Свободы, 46

Lenkova Tatyana A. – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Languages and Teaching Method (e-mail: talenk@yandex.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ryazan State University named after S. A. Esenin» 46, Svobody, Ryazan, 390028

Поступила в редакцию 25 октября 2024 г.

АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ ЮРИСТА

Статья посвящена исследованию англоязычной юридической терминологии как средства репрезентации профессионального языкового сознания юриста. Профессиональное языковое сознание юриста выступает вербальной моделью сознания и репрезентируется терминологической лексикой. Автор отмечает, что юридическая терминология отличается национально-культурной маркированностью, что прослеживается на уровне разных вариантов английского языка, британского и американского. На основе проведенного анализа расхождений в значении юридических терминов в двух вариантах английского языка автор приходит к выводу о том, что юридическая терминология выступает отражением национального варианта профессионального языкового сознания, поскольку в ней прослеживаются культурная специфика двух стран. В условиях глобализации и интеграции правовых систем, понимание этих различий становится критически важным для осуществления эффективной профессиональной юридической коммуникации и подготовке будущих специалистов в сфере права.

Ключевые слова: профессиональное языковое сознание, юридическая терминология, английский язык, национально-культурная маркированность, экстралингвистические факторы, британский вариант английского языка, американский вариант английского языка.

ENGLISH LEGAL TERMINOLOGY AS THE REFLECTION OF THE NATIONAL VARIANT OF VERBAL CONSCIOUSNESS OF A LAWYER

The article deals with the study of English-language legal terminology as a means of representing the professional verbal consciousness of a lawyer. The professional verbal consciousness of a lawyer acts as a verbal model of consciousness and is represented by terminological vocabulary. The author notes that legal terminology differs in national and cultural labeling, which can be traced at the level of different versions of the English language, British and American. Based on the analysis of discrepancies in the meaning of legal terms in the two versions of the English language, the author comes to the conclusion that legal terminology reflects the national version of professional verbal consciousness, since it traces the cultural specifics of the two countries. In the context of globalization and integration of legal systems, understanding these differences becomes critically important for effective professional legal communication and training of future specialists in the field of law.

Key words: professional verbal consciousness, legal terminology, English, national and cultural labeling, extralinguistic factors, British English, American English.

Введение

Мировые общественно-политические процессы, оказывающие значительное влияние на профессиональную деятельность, актуализируют все большее количество вопросов, связанных с профессионально-ориентированным языком как важнейшим инструментом профессиональной коммуникации. Особенности функционирования профессионально-ориентированного языка в условиях глобализации и интернационализации, в том числе под воздействием стремительных технологических изменений обуславливают необходимость понимания различий в профессиональной культуре разных стран, их правовых и этических стандартов, неизбежно отражающихся в языке и оказывающих влияние на практику взаимодействия специалистов. Кроме того, изменение требований к качеству подготовки будущих специалистов объясняет необходимость пересмотра подходов к обучению таким образом, чтобы адаптировать образовательные программы к современным реалиям. Особой важностью в условиях современных вызовов обладает изучение профессионального языкового сознания, открывая новые горизонты для понимания не только языка, но и самой профессии, ее развития и влияния на общество в целом. Во-первых, профессиональное языковое сознание способствует повышению эффективности профессиональной коммуникации. Во-вторых, его изучение помогает выявить культурные особенности, обуславливающие специфику профессионального языка. В-третьих, языковое сознание участвует в формировании профессиональной идентичности специалистов, что имеет особое значение для разработки образовательных программ, учитывающих современные требования к подготовке будущих выпускников.

Профессиональное языковое сознание репрезентируется единицами профессиональной лексики [Литвишко, 2024б: 47], т. е. терминологическими единицами, поскольку именно термины выступают единицами языка для специальных целей [Лату, 2012: 362]. В свою очередь, «терминологическая лексика выступает важнейшим средством исследования профессионального языкового сознания, поскольку в ней отражается национальная профессиональная картина мира» [Литвишко, 2024а: 35]. Полагаем, что англоязычная юридическая терминология выступает отражением национального варианта профессионального языкового сознания юриста, т. к. в ней представлены исторические, культурные и социальные особенности англо-саксонской правовой семьи в целом, а в случае проведения сравнительного анализа терминосистем англоязычных стран – она «несет на себе отпечаток той правовой культуры, которую она обслуживает» [Кузнецов 2006: 38].

Цель исследования заключается в анализе англоязычной юридической терминологии как средства репрезентации профессионального языкового сознания юристов.

Предпринимаемое исследование выполнено на **материале** учебников по юридическому английскому языку, переводных, толковых и этимологических словарей юридических терминов с использованием лексикографического метода и сравнительно-сопоставительного метода.

Англоязычная юридическая терминология играет ключевую роль в правоприменительной практике мирового сообщества в целом, при этом выражает уникальные особенности правовых систем и культурных контекстов государств англосаксонской правовой семьи. **Объектом** исследования выступает англоязычная юридическая терминология и ее взаимосвязь с профессиональным языковым сознанием юриста, **предметом** – юридические термины, используемые в правовых системах англоязычных стран, в частности, Великобритании и США.

Теоретические основы исследования

Профессиональное языковое сознание – это специфическая форма языкового сознания, формирующаяся у специалистов определенной профессиональной области, которая отражает их знания и опыт, связанные с профессиональной деятельностью. В обобщенном виде языковое сознание предстает «вербальной моделью» сознания человека, т. е. отображает «во внешней и общепонятной форме образы индивидуального сознания» [Российская психолингвистика: итоги и перспективы, 2021: 10]. По мнению сторонников психолингвистического направления в отечественной лингвистике, языковое сознание выступает суммой всех форм сознания, сформированных с помощью языка, отражая взаимопроникновение внутреннего мира, мыслей и их внешних форм выражения в языке и речи.

Разработкой данного теоретического направления с 1990-х гг. занимаются представители российской школы психолингвистики, среди которых особо выделим Е. Ф. Тарасова и Н. В. Уфимцеву. В стремлении объяснить процессы производства и восприятия речи в рамках развиваемой им теории речевой деятельности, Е. Ф. Тарасов, отталкиваясь от мнения А. Н. Леонтьева о существовании взаимосвязи сознания с предметной деятельностью и способности человеческого сознания «опредмечивать» деятельность, понимает языковое сознание как «образы сознания, формируемые и овнешняемые при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов, 1993: 26].

При этом важно отметить, что языковое сознание человека формируется при «присвоении» определенной национальной культуры [Тарасов, 2004: 39], соответственно, в отсутствие одинаковых национальных культур наблюдается отсутствие одинаковых образов сознания, а значит языковое сознание «всегда несет в себе элементы национально культурной специфики» [Тарасов, 2004: 45].

В исследованиях Н. В. Уфимцевой также делается вывод о взаимосвязи между языком, сознанием и культурой. Позиция Н. В. Уфимцевой о релевантности культуры для сознания [Уфимцева, 2011: 243-245] наиболее близка нам в контексте предпринимаемого исследования. Отмечая, что в человеческой психике язык играет центральную роль в обеспечении «доступа к культуре (образу мира как основной образующей культуры)» и дает «возможность превратить внутреннюю смысловую структуру мысли во внешнюю структуру формального языка и тем самым сделать ее доступной для самонаблюдения и внешнего наблюдателя», исследователь также отмечает, что язык, выступая деятельностной структурой, предоставляет «возможность взаимопонимания с другими носителями данной культуры» [Уфимцева, 2011: 248]. Основываясь на мнении Н. В. Уфимцевой, предлагаем рассматривать культуру в широком смысле, т. е. имеющую как национальное, так и профессиональное измерения, поскольку для профессионального языкового сознания важны оба понимания культуры. Как справедливо в данной связи отмечает Н. В. Уфимцева, «сознание соотносится с языком как социальной системой», а язык функционирует как «система ориентиров, необходимых человеку для деятельности в мире его родной культуры» [Уфимцева, 2011: 243]. Касательно профессионального измерения культуры, мы разделяем мнение С. В. Мыскина о неоднородности / гетерогенности / многослойности профессионального языкового сознания (модель «ядро-периферия» [Мыскин, 2015: 59], модель «глубинный уровень-метаязыковой уровень» [Колясева, 2014: 152]), поскольку, с одной стороны, оно базируется на национальном языке и «формируется при участии профессионального языка, выступающего средством обобщения образов сознания, возникающих в деятельности» [Мыскин, 2015: 61], т. е. определенной профессиональной культуры. С другой стороны, включает полипрофильные знания, т. е. представлено различными функциональными типами профессиональных терминов [Мыскин, 2015: 61-62].

Таким образом, формирование профессионального языкового сознания происходит на основе и под влиянием национально-культурных факторов при ведущей роли профессионального языка, представленного профессиональной терминологией. Применительно к сфере права, следует отметить, что правовая терминология существенным

образом отличается от общеупотребительного словаря, а ее правильное понимание требует профессиональных юридических знаний и владения специализированной лексикой. Несмотря на кажущуюся со стороны трудность юридических терминов, их точность и единообразие обеспечивают единый стандарт общения в профессиональном юридическом сообществе. Единым основанием для понимания и применения терминов выступают правовые нормы, законы и судебные прецеденты.

Результаты исследования

Прежде, чем перейти к описанию результатов непосредственно самого исследования, отметим, что англоязычная юридическая терминология обладает рядом особенностей, упоминание которых представляется необходимым в контексте рассматриваемой проблематики. Данные особенности достаточно парадоксальны, что будет продемонстрировано нами ниже.

1. Несмотря на тот факт, что сегодня англоязычная юридическая терминология вследствие интернационализации права проникает во многие языки мира, большое количество юридических терминов представлено заимствованными единицами (латинские и французские заимствования) [Коларькова, Ипатов, Савина, 2015; Коларькова, Савина, 2014; Kemmer, 2019], сохранившими оригинальное написание языка-источника, что объясняется историческими, политическими и социальными процессами, актуальными для того периода, в который происходило формирование того или иного пласта терминологической лексики [Попова, 2019], например:

– *Ex parte (Latin). On the part of one side only. the lawyer made an ex parte application to the court to obtain an emergency injunction* [Haigh, 2009: 306] ‘Исходящий лишь от одной стороны (лат), т. е. в отсутствие другой стороны или без уведомления другой стороны: адвокат подал в суд заявление от имени одной стороны о вынесении судебного запрета в экстренном порядке’;

– *Éminence grise (French). A person who has power or influence without holding an official position* [Haigh, 2009, p. 305]: A: «*Why should I worry about what Bob thinks? He doesn't even have a title!*» B: «*Yes, but he's the éminence grise of the firm, and the partners really value his opinion*» [Merriam-Webster Dictionary] ‘Серый кардинал (фр.): лицо, обладающее властью или влиянием, не занимая официальной должности: «Почему я должен беспокоиться о том, что думает Боб? У него даже нет титула!» Б: «Да, но он – самая важная персона в фирме, и партнеры действительно ценят его мнение»’.

2. Принимая во внимание все разнообразие структурно-семантических моделей

англоязычных терминов права, которые включают однокомпонентные, двухкомпонентные, многокомпонентные термины, образованные практически всеми существующими в английском языке способами словообразования, отметим, что наиболее частотными терминами являются непроизводные существительные и глаголы [Литвишко, 2024б: 35-65].

– *Clause (n.). A sentence or paragraph in a contract* [Haigh, 2009, p. 312]: *When meeting with a client to discuss a dispute, a lawyer will generally explain how the law relates to the contract in question. It will often be necessary to examine a particular clause, or section of the contract, carefully* [Krois-Lindner, Firth, 2008: 22] ‘Пункт, условие (сущ.). Предложение или параграф в контракте: При встрече с клиентом для обсуждения спора юрист, как правило, объясняет, как закон соотносится с данным контрактом. Часто бывает необходимо тщательно изучить тот или иной пункт или раздел контракта’.

– *Discharge (v.). To release from an obligation: the parties shall be discharged from all liability once all the terms of the contract have been performed in full* [Haigh, 2009: 314] ‘Освободить от обязательств (гл.): стороны освобождаются от всякой ответственности после того, как все условия договора будут выполнены в полном объеме’.

3. Несмотря на тот факт, что терминология права стремится к высокой степени точности и специфичности, многие юридические термины имеют несколько значений в зависимости от контекста и / или сферы употребления [Новикова, Чернявская, 2022]. Рассмотрим данную тенденцию на примере термина *bill* [The Free Dictionary by Farlex]:

1) *A draft of a proposed law presented for approval to a legislative body* – *законопроект* (конституционное право);

2) *A document containing the formal statement of a case in equity; a complaint seeking equitable relief* – *иск* (право справедливости);

3) *An indictment or charge in an indictment against an accused person* – *судебный приказ* (уголовное право).

4. Учитывая наличие в англоязычной терминосистеме права большого количества узкопрофессиональных терминов, призванных максимально точно обозначать специфические юридические понятия, наблюдается активное использование общеупотребительной лексики в терминологизированном значении [Попова, 2019] (см. табл. 1).

Таблица 1. Сравнение юридического и общеупотребительного значения

<i>Юридическое значение</i>	<i>Общеупотребительное значение</i>
<i>Redemption</i> means the return or repossession of property offered as security on payment of a mortgage debt or charge	<i>Redemption</i> usually means Christian salvation
<i>Выкуп</i> означает возврат или повторное вступление во владение имуществом, предлагаемым в качестве обеспечения выплаты ипотечного долга или комиссии	<i>Искупление</i> обычно означает христианское спасение

4. При всей консервативности юридического языка, он является одним из наиболее гибких в отношении появления новых терминов, поскольку вследствие развития информационных технологий появляются новые виды технологичных преступлений и преступлений, связанных с нарушением интеллектуальной собственности., и как следствие, новые термины.

– *Bin raiding (BrE) / dumpster diving (AmE): looking through rubbish for bills or other paper containing detailed information* [Krois-Lindner, Firth, 2008: 45] ‘Рытье в мусорной корзине: просмотр мусора с целью найти счета или другие документы, содержащие детальную информацию’.

Эмпирический анализ материала исследования убедительно продемонстрировал расхождения в значениях ряда терминов гражданского, уголовного, конституционного, финансового права, функционирующих в пределах двух англоязычных систем права, Великобритании и США, и, соответственно, представляющих национальные варианты профессионального языкового сознания юриста. В работе Е.А. Дегтяревой предложена следующая классификация терминов (см. табл. 2) (оригинальная классификация дополнена примерами из других источников) [Дегтярева, 2022; Мамулян, Кашкин, 2005; Granet; The Free Dictionary by Farlex].

Таблица 2. Классификация юридических терминов Великобритании и США

Британский вариант	Американский вариант
<i>Одинаковые термины с разным значением</i>	
prison jury	prison jury
<i>Разные термины для обозначения одного и того же понятия</i>	
company Company law memorandum of association competition law barrister	corporation Corporate law articles of incorporation antitrust law lawyer / attorney

<i>Термины, существующие только в одном варианте английского языка</i>	
Crown Court witness for the Crown 'свидетель обвинения' tribunal (e.g. employment tribunal) 'суд специальной юрисдикции'	witness for the Commonwealth 'в некоторых штатах свидетель обвинения' witness for the People 'в некоторых штатах свидетель обвинения' witness for the Government 'в федеральных судах свидетель обвинения' witness for the State 'в судах штатов свидетель обвинения' witness stand 'свидетельская трибуна' take the stand

Рассмотрим более подробно некоторые из приведенных в таблице примеров терминов.

1) Одинаковые термины с разным значением

Под термином *prison* в британском варианте английского языка подразумеваются все без исключения исправительные учреждения, тогда как в американском английском это тюрьма, в которой содержатся осужденные за серьезные преступления: *an institution (such as one under state jurisdiction) for confinement of persons convicted of serious crimes* [Merriam-Webster Dictionary]. В США осужденные за менее тяжкие преступления обычно отбывают срок наказания в учреждении, обозначаемом термином *jail*. В британском варианте юридического английского термин *jail* отсутствует, поэтому его использование в массмедийном дискурсе с привязкой к профессиональному юридическому контексту вызывает недоумение, что с одной стороны, можно объяснить культурным влиянием США, с другой стороны, стремлением к лаконичности изложения, или языковой экономией, свойственной массмедийному дискурсу:

The justice secretary has said he wants to end short prison sentences because they do not work and hopes that technology and more community sentences will provide better alternatives to jail [The Guardian].

2) Разные термины для обозначения одного и того же понятия

Анализ таких терминов требует учета ряда экстралингвистических факторов, в частности, таких как политические разногласия между Великобританией и США в XVIII-XIX вв., в результате которых государства, несмотря на цивилизационную близость, взяли курс на раздельное развитие. Принимая во внимание многонациональный состав США, справедливым будет предположение о необходимости языка как объединяющего элемента, с помощью которого было бы возможным преодолеть национальные различия. С другой стороны, как отмечал «отец-основатель» американского английского языка Н. Вебстер, новое государство нуждалось в языковой самобытности

[Кравченко, 2023: 84], что и объясняет расхождения не только в общеупотребительной лексике, но также и в профессиональных терминосистемах.

Например, для обозначения комплексной отрасли права Антимонопольное право в каждом из вариантов юридического английского языка существует отдельный термин – *competition law* и *antitrust law*. Разница в терминах объясняется спецификой развития данной отрасли в обеих странах. Исторически целью антимонопольного права в Великобритании было стимулирование и поддержание свободной конкуренции посредством регулирования анти-конкурентного поведения компаний, тогда как в США продвижение конкуренции требовало введения действенных мер против объединения компаний в так называемые трасты, или промышленные объединения, т. е. против «практик сговора» (*collusive practices*) [The Free Dictionary by Farlex], создававших угрозу появления монополий на рынке. Следовательно, законодательные меры были направлены против формирования трастов, что буквально представлено в термине *antitrust*.

Заключение

На основании проведенного исследования представляется возможным сформулировать следующие выводы:

1. В условиях глобализации и интеграции правовых систем знание специфики профессионального языка становится неотъемлемой частью эффективной юридической коммуникации. Понимание различий в юридической терминологии между разными вариантами английского языка позволяет легче ориентирования в сложной юридической лексике и способствует более качественной, соответствующей реалиям времени подготовке будущих специалистов в области права.

2. Англоязычная юридическая терминология выступает отражением национального варианта профессионального языкового сознания юриста, поскольку ряд терминов характеризуется национально-культурной маркированностью, обусловленной экстралингвистическими факторами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айвазян Н. Б., Гарамян А. В., Литвишко О. М. Терминологические лакуны в контексте дигитализации англоязычной терминосистемы уголовного права // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 2. С. 43-53.
2. Дегтярева Е. А. Юридические термины и их особенности в британском и американском вариантах английского языка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. № 3 (22). С. 285-288.
3. Коларькова О. Г., Ипатова И. С., Савина А. А. Латинизмы в английской юридической терминологии // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 89-92.

4. Коларькова О. Г., Савина А. А. Заимствования юридической терминологии в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11 (77): в 3-х ч. Ч. 1. С. 109-111.
5. Колясева А. Ф. Терминология в зеркале языкового сознания // Филология и человек. 2014. № 2. С. 151-161.
6. Кравченко В. И. Различие между британским и американским вариантами английского языка // Инновационная наука. 2023. № 2-1. С. 83-86.
7. Кузнецов А. М. Реферат книги: Максименко Е. С. Национально-культурная специфика отраслевых терминосистем: (на материале англ. и амер. юрид. терминологии). Саратов: Науч. кн., 2004. 132 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание: Реферативный журнал. 2006. № 1. С. 38-41.
8. Лату М. Н. Лексико-грамматические аспекты терминологической номинации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6-1. С. 362-366.
9. Литвишко О. М. Культурная обусловленность профессионального языкового сознания юриста (на материале английского языка) // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2024а. № 17-3. С. 29-37.
10. Литвишко О. М. Современный юридический дискурс: онтология, вербализация, концептуализация. Москва: Проспект, 2024б. 136 с.
11. Милетова Е. В., Литвишко О. М. Сравнительный анализ структурно-семантических особенностей терминологических единиц профессионально-ориентированного дискурса (на материале английского языка) // Филология и человек. 2021. № 1. С. 49-67.
12. Мыскин С. В. Введение в теорию профессионального языкового сознания. Москва: ООО «Сам Полиграфист», 2015. 331 с.
13. Новикова Е. А., Чернявская О. Г. О многозначности английской юридической терминологии // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2022. Т. 1. С. 533-538.
14. Попова Е. П. Взаимодействие общеупотребительного и юридического языков: история, современность и перспективы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. 2019. № 4. С. 79-95.
15. Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021) / научн. ред. И. А. Стернин, Н. В. Уфимцева, Е. Ю. Мягкова. Москва: Институт языкознания–ММА, 2021. 626 с.
16. Тарасов Е. Ф. Язык и сознание: парадоксальная рациональность. Москва: Институт языкознания, 1993. 174 с.
17. Тарасов Е. Ф. Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2. С. 34-47.
18. Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. Москва: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.
19. Kemmer S. Loanwords: Major Periods of Borrowing in the History of English. 2019. Available at: <http://www.ruf.rice.edu/~kemmer/Words/loanwords.html>. (accessed: 25.10.2024).

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Мамулян А. С., Кашкин С. Ю. Англо-русский полный юридический словарь. Москва: Советникъ, 2005. 813 с.
2. Cambridge Free English Dictionary and Thesaurus. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary>. (accessed: 25.10.2024).
3. Merriam-Webster: America's Most Trusted Dictionary. Available at: <https://www.merriam-webster.com>. (accessed: 25.10.2024).
4. The Free Dictionary by Farlex. Available at: <https://www.thefreedictionary.com>. (accessed: 25.10.2024).

5. The Oxford Dictionary of English Etymology / ed. by C. T. Onions. The Clarendon Press, 1995. 1040 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Granet E. No Gavels Please, We're British: Six Legal Americanisms That Are Meaningless in England and Wales. Available at: <https://www.lawsociety.org.uk/topics/blogs/no-gavels-please-were-british>. (accessed: 25.10.2024).

2. Haigh R. Legal English. Routledge-Cavendish, 2009. 330 p.

3. Krois-Lindner A., Firth M. Introduction to International Legal English. A Course for Classroom or Self-Study Use. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 160 p.

4. 'Prison isn't working': David Gauke Calls for End to Short Jail Terms // The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/society/2019/feb/18/prison-simply-is-not-working-justice-secretary-david-gauke-calls-for-end-to-short-jail-terms>. (accessed: 25.10.2024).

REFERENCES

1. Ayvazyan, N. B., Garamyan, A. V., Litvishko, O. M. (2022). Terminologicheskie lakuny v kontekste digitalizatsii angloyazychnoy terminosistemy ugovnogo prava [Terminological Gaps in the Context of Digitalization of English-Language Terminological System of Criminal Law]. In *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. No 2. Pp. 43-53. (In Russ.).

2. Degtyareva, E. A. (2022). Yuridicheskie terminy i ikh osobennosti v britanskom i amerikanskom variantakh angliyskogo yazyka [Legal terms and their peculiarities in British and American variants of English]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. No 3 (22). Pp. 285-288. (In Russ.).

3. Kolarkova, O. G., Ipatova, I. S., Savina, A. A. (2018). Latinizmy v angliyskoy yuridicheskoy terminologii [Latinisms in English Legal Terminology]. In *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. Vol. 7. No 1 (22). Pp. 89-92. (In Russ.).

4. Kolarkova, O. G., Savina, A. A. (2017). Zaimstvovaniya yuridicheskoy terminologii v angliyskom yazyke [Borrowings of Legal Terminology in the English Language]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No 11 (77): v 3-h ch. Ch. 1. Pp. 109-111. (In Russ.).

5. Kolyaseva, A. F. (2014). Terminologiya v zerkale yazykovogo soznaniya [Terminology in the Mirror of Verbal Consciousness]. In *Filologiya i chelovek*. No 2. Pp. 151-161. (In Russ.).

6. Kravchenko, V. I. (2023). Razlichie mezhdru britanskim i amerikanskim variantami angliyskogo yazyka [The Difference between British and American Variants of English]. *Innovatsionnaya nauka*. No 2-1. Pp. 83-86. (In Russ.).

7. Kuznetsov, A. M. Referat na knigu: Maksimenko, E. S. (2006). Natsionalno-kulturnaya spetsifika otraslevykh terminosistem: (na materiale angl. i amer. yurid. terminologii) [National-Cultural Specifics of Professional Terminological Systems (based on the material of English and American Legal Terminology)]. Saratov: Nauch. kn., 2004. 132 s. In *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 6. Yazykoznanie: Referativnyy zhurnal*. No 1. Pp. 38-41. (In Russ.).

8. Latu, M. N. (2012). Leksiko-grammaticheskie aspekty terminologicheskoy nominatsii [Lexical and grammatical aspects of term nomination]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. No 6-1. Pp. 362-366. (In Russ.).

9. Litvishko, O. M. (2024a). Kulturnaya obuslovlennost professionalnogo yazykovogo soznaniya yurista (na materiale angliyskogo yazyka) [Culture causality of a lawyer's professional verbal consciousness (based on the material of the English language)]. In *Professionalnaya kommunikatsiya: aktualnye voprosy lingvistiki i metodiki*. No 17-3. Pp. 29-37. (In Russ.).

10. Litvishko, O. M. (2024b). *Sovremennyy yuridicheskiy diskurs: ontologiya, verbalizatsiya, kontseptualizatsiya* [Modern legal discourse: ontology, verbalization, conceptualization]. Moskva: Prospekt. (In Russ.).

11. Miletova, E. V., Litvishko, O. M. (2021). Sravnitelnyy analiz strukturno-semanticeskikh osobennostey terminologicheskikh edinits professionalno-orientirovannogo diskursa (na materiale angliyskogo yazyka) [Comparative Analysis of Structural-Semantic Features of Terminological Units of Professionally-Oriented Discourse (based on the material of English)]. In *Filologiya i chelovek*. No 1. Pp. 49-67. (In Russ.).

12. Myskin, S. V. (2015). *Vvedenie v teoriyu professionalnogo yazykovogo soznaniya* [Introduction to the theory of professional language consciousness]. Moskva: OOO «Sam Poligrafist». (In Russ.).

13. Novikova, E. A., Chernyavskaya, O. G. (2022). O mnogoznachnosti angliyskoy yuridicheskoy terminologii [On Polysemy of Meanings of English Legal Terminology]. In *Konvergentnye tekhnologii XXI: variativnost, kombinatorika, kommunikatsiya*. Simferopol: Krymskiy federalnyy universitet im. V. I. Vernadskogo. Vol. 1. Pp. 533-538. (In Russ.).

14. Popova, E. P. (2019). Vzaimodeystvie obshchepotrebitelnogo i yuridicheskogo yazykov: istoriya, sovremennost i perspektivy [Interaction of General and Legal Languages: History, Modernity and Prospects]. In *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 6. Yazykoznanie: Referativnyy zhurnal*. No 4. Pp. 79-95. (In Russ.).

15. *Rossiyskaya psiholingvistika: itogi i perspektivy (1966–2021)* [Russian Psycholinguistics: Results and Prospects (1966-2021)] / nauchn. red. I. A. Sternin, N. V. Ufimceva, E. Yu. Myagkova. Moskva: Institut yazykoznaniiya–MMA, 2021. (In Russ.).

16. Tarasov, E. F. (1993). *Yazyk i soznanie: paradoksalnaya ratsionalnost* [Language and Consciousness: Paradox Rationality]. Moskva: Institut yazykoznaniiya. (In Russ.).

17. Tarasov, E. F. (2004). Yazykovoe soznanie [Verbal Consciousness]. In *Voprosy psiholingvistiki*. No 2. Pp. 34-47. (In Russ.).

18. Ufimtseva, N. V. (2011). *Yazykovoe soznanie: dinamika i variativnost* [Verbal Consciousness: Dynamics and Variations]. Moskva: Institut yazykoznaniiya RAN. (In Russ.).

19. Kemmer, S. (2019). *Loanwords: Major Periods of Borrowing in the History of English*. Available at: <http://www.ruf.rice.edu/~kemmer/Words/loanwords.html>. (accessed: 25.10.2024).

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Mamulyan, A. S., Kashkin, S. Yu. (2005). *Anglo-russkiy polnyy yuridicheskiy slovar* [English-Russian Complete Legal Dictionary]. Moskva: Sovetnik. (In Russ.).

2. *Cambridge Free English Dictionary and Thesaurus*. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary>. (accessed: 25.10.2024).

3. *Merriam-Webster: America's Most Trusted Dictionary*. Available at: <https://www.merriam-webster.com>. (accessed: 25.10.2024).

4. *The Free Dictionary by Farlex*. Available at: <https://www.thefreedictionary.com>. (accessed: 25.10.2024).

5. *The Oxford Dictionary of English Etymology* / ed. by C. T. Onions. The Clarendon Press, 1995.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Granet E. *No Gavels Please, We're British: Six Legal Americanisms That Are Meaningless in England and Wales*. Available at: <https://www.lawsociety.org.uk/topics/blogs/no-gavels-please-were-british>. (accessed: 25.10.2024).

2. Haigh R. *Legal English*. Routledge-Cavendish, 2009.

3. Krois-Lindner A., Firth M. *Introduction to International Legal English. A Course for Classroom or Self-Study Use*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

4. 'Prison Isn't Working': David Gauke Calls for End to Short Jail Terms. In *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/society/2019/feb/18/prison-simply-is-not-working-justice-secretary-david-gauke-calls-for-end-to-short-jail-terms>. (accessed: 25.10.2024).

Литвишко Ольга Михайловна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации (e-mail: olitivishko@yandex.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет»
357532, Пятигорск, пр. Калинина, 9

Litvishko Olga M. – Candidate of Political Science, Associate Professor, Assistant Professor of English and Professional Communication Department (e-mail: olitivishko@yandex.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University»
9 Kalinina, Pyatigorsk, 357532

Поступила в редакцию 14 ноября 2024 г.

УДК 811.111

© 2025 Е. А. Нильсен, Ю. А. Казачкова

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕДИЦИНЫ В РОМАНЕ ДЭНИЕЛА МЕЙСОНА «THE WINTER SOLDIER»

В статье рассматривается метафорическая репрезентация медицины в романе Дэниела Мейсона «The Winter Soldier». При проведении исследования мы опираемся на теорию блендинга или концептуальной интеграции, предложенную Ж. Фоконье и М. Тернером. В фокусе внимания находятся метафоры «MEDICINE is a THEATER», «MEDICINE is DIVINITY» и «MEDICINE is a CRAFT», демонстрирующие многогранное восприятие медицины.

Ключевые слова: медицина, Дэниел Мейсон, «The Winter Soldier», когнитивная метафора, концептуальная интеграция.

© 2025 E. A. Nilsen, Y. A. Kazachkova

METAPHORICAL REPRESENTATION OF MEDICINE IN DANIEL MASON'S NOVEL «THE WINTER SOLDIER»

The article considers metaphorical representation of medicine in Daniel Mason's novel «The Winter Soldier», using the lens of conceptual integration theory proposed by G. Fauconnier and M. Turner. Through the identification of metaphors such as «MEDICINE is a THEATER», «MEDICINE is DIVINITY», and «MEDICINE is a CRAFT», the article reveals a multi-faceted view of medicine.

Key words: medicine, Daniel Mason, «The Winter Soldier», cognitive metaphor, conceptual integration.

Материалом исследования является роман Дэниела Мейсона «The Winter Soldier», отмеченный престижными наградами, такими как Литературная премия Джойс Кэрол Оутс (2020), а также номинацией на премию «Ясная Поляна» (2023). Роман посвящен сложной и многоаспектной теме: на войне человек сталкивается не только с задачей физического выживания, но и с необходимостью сохранить свою человечность. Конфликт между гуманизмом и бесчеловечностью войны заставляет читателя задуматься о природе гуманизма, в частности, в сфере медицины, когда профессия врача, спасающего жизни, в условиях военной реальности может превратиться в бездуховное ремесло. Центральным вопросом произведения становится сохранение человеческого облика в экстремальных обстоятельствах. Эта тема в современных реалиях приобретает особую актуальность, ее изучение сегодня представляется крайне значимым для осмысления гуманистических ценностей в условиях кризисных ситуаций.

Особую роль в романе «The Winter Soldier» играют метафоры, помогающие автору сделать создаваемые им образы ярче, сильнее воздействовать на читателя и полнее

раскрыть наиболее значимые для анализируемого произведения темы, такие как война, гуманизм, медицина.

Когнитивная метафора является одним из ключевых явлений, привлекающих современных исследователей языка и мышления, поскольку она открывает возможности для глубинного анализа того, как люди структурируют и понимают абстрактные концепты через конкретные образы. С начала развития когнитивной лингвистики в 1980-х годах благодаря работам Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в частности их книге «*Metaphors We Live By*», стало очевидно, что метафоры проникают во все сферы человеческой деятельности и оказывают влияние на восприятие реальности. Согласно теории когнитивной метафоры, метафорические концепты позволяют людям переносить значения из одной сферы опыта (источника) в другую (цель), что способствует созданию новых смысловых связей и когнитивных структур [Lakoff, Johnson, 1980].

Отечественные исследователи по-разному описывают концептуальную метафору, однако в их работах прослеживается общее понимание концептуальной метафоры как универсального когнитивного механизма, который организует человеческое мышление, восприятие и коммуникацию [Коннова, Хорохорина, 2024].

Также концептуальная метафора может рассматриваться в когнитивно-семиотическом ключе, где она выступает в роли инструмента, связывающего различные знаковые системы и культурные контексты. Согласно этому подходу, метафоры создают мост между индивидуальными и коллективными знаниями, позволяя не только сохранять, но и переосмысливать культурные смыслы [Козлова, Кремнева, 2021]. В художественном дискурсе метафоры обретают уникальность, выражая личный авторский опыт, который через универсальные концепты достигает читательской аудитории. Это усиливает их эстетическую и когнитивную роль, способствуя многослойной интерпретации текста [Рябых, 2021]. Метафоры также выступают когнитивным инструментом, который делает абстрактные идеи доступными и понятными для широкой аудитории, облегчая процесс терминологической адаптации [Mironova, 2022].

Все исследования отечественных и зарубежных ученых подтверждают, что концептуальная метафора является не просто когнитивным инструментом, но и мощным способом интеграции смыслов из различных областей человеческого опыта. Этот интеграционный аспект напрямую связывает концептуальную метафору с теорией блендинга, предложенной Ж. Фоконье и М. Тернером. Основные идеи их теории были изложены в книге «*The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden*

Complexities» [Fauconnier, 2003]. Согласно их подходу, метафоры возникают в результате слияния различных ментальных пространств, где создается новое, смешанное пространство.

Теория блендинга утверждает, что существует два исходных ментальных пространства, или *input spaces*. Первое из них можно назвать *input space 1* или *исходное пространство 1*, оно представляет концептуальную базу или основу, откуда берутся идеи, символы или свойства, которые будут перенесены в другое пространство. Исходное пространство 1 содержит набор конкретных характеристик, ассоциаций или символических элементов, которые определяют направление метафорического процесса. Например, если исходное пространство связано с концептом TIME, то в нем могут присутствовать ассоциации с течением, движением или даже владением [Нильсен, 2014; 2023].

Второе ментальное пространство, *input space 2* или *исходное пространство 2*, представляет ту область, на которую накладываются свойства из исходного пространства 1.

Эти два пространства объединяются в так называемом *generic space* (*общее пространство*). Общее пространство содержит ключевые характеристики, связывающие два исходных пространства, и выступает в роли абстрактного фундамента для метафорического перехода. Оно представляет элементы, которые являются универсальными или понятными как для источника, так и для цели, например, фреймы (структуры, формирующие основные элементы ситуации), роли (типы взаимодействия или функций) и схемы (общие когнитивные модели) [Ковальчук, 2011].

Следующий ключевой компонент теории блендинга – это *blending space* или смешанное пространство. Смешанное пространство – это место, где объединяются и преобразуются черты обоих исходных пространств, создавая новую уникальную структуру, которая становится самостоятельным концептом или образом. В этом пространстве свойства и элементы исходного пространства 1 переносятся на исходное пространство 2 таким образом, что образуется новый смысл.

Рассмотрим метафорические модели репрезентации медицины в романе Дэниела Мейсона «The Winter Soldier» [Mason, 2018], используя методiku, предложенную Ж. Фоконье и М. Тернером.

При изучении когнитивных метафор, медицинские и экзистенциальные темы занимают особое место, так как они не только дают нам представление о биологических процессах, но и позволяют исследовать социальные, культурные и философские аспекты человеческой жизни. Медицина, как отмечает Андреас Мусолфф, является одной из тех областей, где когнитивные метафоры наиболее активно применяются для объяснения сложных понятий, связанных с телом, болезнью и исцелением [Musolff, 2010].

Очевидно, что когнитивная метафора усиливает взаимосвязь между различными областями человеческого знания. Так, в романе Д. Мейсона «The Winter Soldier» метафора играет центральную роль в интерпретации медицинской и экзистенциальной тематики. Когнитивная метафора позволяет автору представить медицину не только как научную дисциплину, но и как социально значимый феномен, влияющий на восприятие жизни, смерти, страдания и спасения.

В рассматриваемом романе наиболее значимыми являются метафоры «MEDICINE is a THEATER», «MEDICINE is DIVINITY» и «MEDICINE is a CRAFT». Они становятся когнитивными инструментами, через которые автор раскрывает темы страдания, исцеления и духовного спасения, сплетая воедино античные философские идеи и современные социальные проблемы. Метафоры в тексте Д. Мейсона выступают не просто как стилистические приемы, но как концептуальные рефрены, которые позволяют углубить понимание медицины как гуманитарной дисциплины, уходящей корнями в философию и религию.

Основным лексическим репрезентантом понятия «медицина» в английском языке является существительное *medicine*, происходящее от древнефранцузского слова *medecine*, которое, в свою очередь, берет начало от латинского *medicina* – «исцеление», «лечение». В толковом словаре «The Oxford English Dictionary» оно определяется как: 1) the study and treatment of diseases and injuries; 2) a substance that you take in order to cure an illness, especially a liquid that you drink or swallow [Murray, 1989]. В романе «The Winter Soldier» слово *medicine* обретает дополнительные смысловые оттенки, связанные с театрализованностью, а также с божественным и ремесленным началом. Медицина предстает перед читателем как сценическое действие, где каждый врач и медсестра исполняют свою роль. Этот процесс также приобретает значение священнодействия: врачи, словно посланники небес, принимают решения о жизни и смерти, управляя судьбами пациентов. Вместе с тем, медицина проявляется и как ремесло – грубое и механическое, требующее физических усилий и определенных навыков, но лишенное подлинного творчества, сводя роль врача к функции исполнителя.

Одной из наиболее ярких метафор в романе является метафора «MEDICINE is a THEATER».

Рассмотрим процесс формирования этой метафоры в терминах теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера.

Восприятие медицины как театральной постановки не является общепринятой. В отличие от классической традиции, где театральное представление выполняет роль морального наставления, в романе Д. Мейсона «The Winter Soldier» метафора «MEDICINE

is a THEATER» функционирует как критический инструмент, подчеркивающий обезличенность современной медицины, где пациент становится объектом театрализованного процесса, лишённого подлинного смысла и искренности. Соответственно, при формировании метафоры «MEDICINE is a THEATER» в роли исходного пространства 1 (или концептуального референта) выступает MEDICINE, а в роли исходного пространства 2 (или концептуального коррелята) – THEATER (схема 1).

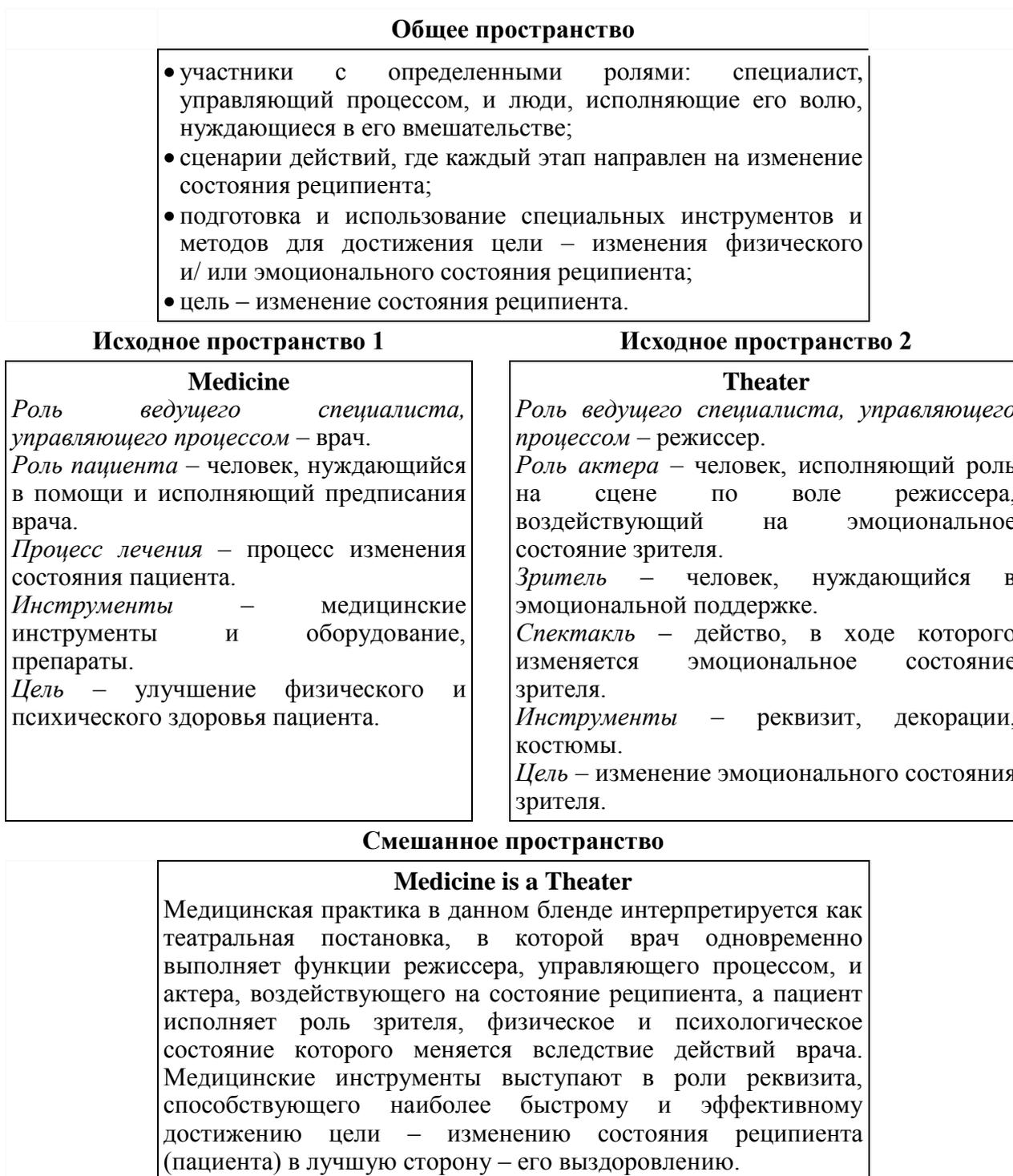


Схема 1. Метафора MEDICINE is a THEATER

Описание того, как аплодисменты раздаются после постановки смертельного диагноза, как будто это триумфальное завершение пьесы, отражает отчуждение современной медицины от человеческой эмпатии и сострадания. В этом контексте когнитивная метафора «MEDICINE is a THEATER» развивает идею о том, что человеческие страдания становятся элементом спектакля, а не поводом для сострадания: *His diagnosis of early brainstem herniation and the relentless destruction of the breathing centers and death, was met by rising, even thunderous, applause* [Mason, 2018: 15] ‘Его диагноз – ранняя грыжа ствола головного мозга, которая безжалостно разрушила дыхательные центры, и, как следствие, привела к смерти – был встречен бурными аплодисментами’.

Эпизод, когда герой видит во сне театр, в котором он извлекает «невозможные органы» из людей, наполовину человеческие, наполовину свиные, также репрезентирует модель «MEDICINE is a THEATER»: *By the time war was declared, he was dreaming nightly of the theater: long, demanding dreams in which he extracted impossible organs, half-man, half-pig. (It was on butcher's scraps he practiced)* [Mason, 2018: 7] ‘К моменту объявления войны ему часто снились сны о театре. В этих снах он проводил долгие и мучительные операции, доставая органы, которые казались ему невозможными – они были наполовину человеческими, наполовину свиными. (Он часто практиковался на мясных обрезках, чтобы отточить свои навыки)’.

В данном случае театр символизирует не только место действия (операционная или госпиталь), но и драматизм и ритуальность действия. Сцена, в которой герой «играет» роль хирурга, оперирующего людей с органами свиней, указывает на театрализованность и искусственность процесса. Описание действий врача указывает на внутренний конфликт и страхи героя, которые выражаются через сновидения: медицинская практика в его глазах становится не чем-то реальным, а вычурной, неестественной постановкой. Включение элементов «half-man», «half-pig» усиливает абсурдность и алогичность происходящего, превращая процесс лечения в сюрреалистическое представление.

Фраза «It was on butcher's scraps he practiced» наводит на мысль о связи с метафорой «MEDICINE is a CRAFT», которую мы разбираем ниже, где хирургия ассоциируется с физической, грубой работой. Однако в рамках метафоры «MEDICINE is a THEATER» мясные обрезки, на которых практиковался Люциуш, становятся реквизитом и декорацией, поддерживающей театральность его опыта. Этот «театр» – не возвышенное пространство искусства, как могло бы быть в античности, а место, где происходят жестокие и механические действия, подобные работе мясника.

В романе также представлена метафора «MEDICINE is DIVINITY», отражающая

идею врачебной миссии как проводника божественной воли. Эта метафора восходит к той же эпистеме, где врач не просто следует научным принципам, а выполняет некий высший, сакральный долг, следуя зову свыше. В процессе формирования метафоры «MEDICINE is DIVINITY» исходное пространство 1 (или концептуальный референт) представлено медициной, которая включает образы врачей, методов и средств лечения, взаимодействия с пациентом и цели восстановления здоровья. Исходное пространство 2 (или концептуальный коррелят) – это божественная сфера, содержащая такие элементы, как божественное вмешательство, святые целители, чудеса исцеления, сакральные ритуалы и духовное спасение. Взаимодействие этих исходных пространств порождает новое смешанное пространство, в котором врач воспринимается как «священник» или «целитель», лечение становится своего рода священным актом, а выздоровление пациента символизирует чудо исцеления, дарованное высшими силами. В бленде «MEDICINE is DIVINITY» медицина рассматривается как деятельность, связанная с проявлением божественной силы, где врач исполняет роль посредника высших сил (схема 2).



Схема 2. Метафора MEDICINE is DIVINITY

Хотя во многих классических произведениях, например, в романах И. С. Тургенева, лекарь представлялся как нигилист, в других произведениях образ врача выглядит совсем иначе. В них центральную роль играет интуиция и прозрение, которые выступают как важнейшие элементы врачебного искусства. Это ставит врача в позицию посредника между пациентом и Богом, где он не только исцеляет, но и решает, что проявить — божественную милость или наказание: *As I said earlier, Doctor, God has given his children morphine. But He has also given the discretion to withhold it, too* [Mason, 2018: 59] ‘Как я уже говорил ранее, доктор, Бог дал своим детям морфий. Однако Он также наделил их правом воздерживаться от его употребления’.

Метафора «MEDICINE is DIVINITY» подчеркивает власть врача над телом и судьбой пациента, создавая символический образ врача как носителя божественного замысла, наделенного правом как даровать, так и отнимать благодать исцеления. Метафора «MEDICINE is DIVINITY» представляет противоположную по сравнению с метафорой «MEDICINE is a THEATER» сторону восприятия медицины. Здесь, в отличие от театрализации, возникает образ сакрального врачевания, где доктор становится проводником божественного начала.

Образ героини, которая уверена, что Бог ведет руки во время операций, обращает нас к философии древности, где врачевание рассматривалось как дар свыше, а врач был посредником между миром смертных и божественным началом. Эта метафора воплощает в себе дуализм человеческой природы – разрыв между материальным и духовным, рациональным и интуитивным: «*And God has worked by those hands alone?*» *A pause, a little smile, as if she understood the impact of what she'd said. «Sister?» «God has given us morphine and ether, Doctor». «Yes», said Lucius, staring. «Yes, yes. He has»* [Mason, 2018: 59] ‘«И Бог действовал только этими руками?» Пауза, легкая улыбка, как будто она осознала, какой эффект произвели ее слова. «Сестра?» «Бог дал нам морфий и эфир, доктор.» «Да», – произнес Люциуш, широко уставившись в одну точку. «Да, да. Он нам их дал»’.

Девушка в полевом госпитале творит чудеса, интуитивно руководствуясь волей высших сил: *What is happening seems nothing less than a resurrection, <...>, I've seen men come out of comas, and others gently thaw to life after being pulled from frozen rivers. But I've never seen such a transformation. Someone so unreachable return with just a little pill. Someone in such despair. Woundless, and yet seeming to bear, like some scapegoat, the misery felt by everyone else* [Mason, 2018: 111] ‘Происходящее кажется настоящим чудом. <...>, Я видел, как люди выходили из комы, а другие постепенно возвращались к жизни после того, как

их вытащили из замерзших рек. Но никогда прежде я не наблюдал такого преобразования. Кто-то, кто, казалось, уже недоступен для мира живых, теперь возвращается к жизни после приема всего лишь одной маленькой таблетки. А кто-то в совершенном отчаянии, хотя даже не был ранен, но, кажется, несет в себе, словно козел отпущения, страдания, которые испытывают все остальные’.

Герой романа переживает внутреннюю трансформацию, случайно осознавая свою божественность, когда делится своим медицинским опытом: *He had no explanation for the strange magic he had just discovered. <...> Like Lazarus, he wrote to Feuermann, then crossed this out, embarrassed by the grandiosity it implied. If Horváth was Lazarus, then who did that make him?* [Mason, 2018: 111] ‘Он не мог найти объяснения странной магии, которую только что обнаружил. Как и Лазарь, он написал Ферману, но затем зачеркнул написанное, смущенный тем, что это могло означать. Если Хорват был Лазарем, то кем же тогда был он сам?’. Отсылка к Лазарю с последующей рефлексией *если он Лазарь, то я кто* – отсылает читателя к той же модели. Данная аллюзия на Лазаря не только подчеркивает акт воскрешения, но и инициирует рефлексия героя. Эта самооценка становится частью его внутренней борьбы, вписываясь в ту же парадигму, что и модель «MEDICINE is DIVINITY». Он осознает свою роль как врача, способного не только исцелять, но и выступать в качестве посредника между жизнью и смертью, как и Лазарь, который был возвращен к жизни благодаря божественному вмешательству.

Пример с Люциушом, который сравнивает хирургические процедуры с работой мясника, вводит в роман метафору «MEDICINE is a CRAFT». Эта метафора подчеркивает физическую жестокость медицинских вмешательств, обнажая грубую сторону профессии, которая требует вырезания некротических тканей и работы с телом, лишенной эстетики. В метафоре «MEDICINE is a CRAFT» исходное пространство 1 (концептуальный референт) представлено медициной, включающей образы врачей, их инструментов и цели, как уже описывалось ранее. Исходное пространство 2 (концептуальный коррелят) – это ремесло, которое включает такие элементы, как мастерство ремесленника, его инструменты, ручной труд и создание изделия из исходного материала. При взаимодействии этих исходных пространств возникает смешанное пространство, где врач рассматривается как «мастер-ремесленник», пациент – как «объект работы» или «изделие», требующее восстановления, а лечебный процесс уподобляется кропотливому ремесленному труду (схема 3).

Когда Люциуш начинает ассоциировать хирургические манипуляции с механическим и бесчеловечным «вырезанием» плоти, он ощущает, что его работа становится похожей на ремесло мясника: *Yes, a butcher’s work, he thought, this carving out of necrotic flesh*

[Mason, 2018: 73] ‘Да, это работа мясника, – подумал он, – вырезать куски омертвевшей плоти’. Эта метафора отражает отчуждение врача от пациента, когда медицина становится рутиной, а человек – просто набором тканей для механической обработки.



Схема 3. Метафора MEDICINE is CRAFT

Метафора «MEDICINE is a CRAFT» подчеркивает восприятие медицинской практики как прагматичной и бездушной, лишенной какого-либо возвышенного смысла или духовного измерения. В этом контексте работа врача воспринимается как грубый физический труд, который не оставляет места для гуманности и эмоциональной вовлеченности.

Автор не раз возвратится к данной метафоре. В этом контексте Люциуш размышляет о своей роли в процессе лечения, выражает глубокое сомнение в том, что он действительно занимается медициной: *Sometimes it didn't even seem like medicine. Butchery, again. Carver of flesh, sawyer of bone* [Mason, 2018: 174] 'Иногда это даже не напоминало медицину. Это было больше похоже на скотобойню. Резчик по мясу, распиловщик костей'.

В примере *That wasn't medicine anyway – it was butchery. War medicine was for nurses* [Mason, 2018: 32] 'В любом случае, это не было медициной – это была скотобойня. Военная медицина была уделом медсестер' мы можем увидеть развитие модели «MEDICINE is a CRAFT», акцентирующей внимание на грубом, механическом и даже примитивном характере военной медицины. Говоря о «военной медицине», герой делает четкое различие между истинной медициной как искусством или наукой и хирургической практикой военного времени, которая сводится к базовым, физическим операциям – «butchery». В рамках модели «MEDICINE is a CRAFT» хирургия рассматривается не как сложный интеллектуальный процесс, требующий глубоких знаний и умений, а как ремесло, связанное с физическим трудом, где хирург выступает скорее как ремесленник, выполняющий механическую работу.

Когда герой называет военную медицину «butchery», он фактически дискредитирует этот вид медицинской практики, видя в нем не заботу о пациенте или продуманные решения, а простые и грубые действия, которые могут быть поручены даже медсестрам. В контексте метафоры «MEDICINE is a CRAFT» мы можем проследить снижение статуса врача до уровня исполнителя физических манипуляций.

Таким образом, рассмотрев метафорическую экспликацию медицины в романе Д. Мейсона «The Winter Soldier», можно прийти к выводу, что наиболее значимыми метафорами в рассматриваемом тексте являются «MEDICINE is a THEATER», «MEDICINE is DIVINITY» и «MEDICINE is a CRAFT». Они репрезентируют многогранное восприятие медицины как сферы, которая соединяет научные, социальные и духовные принципы. Анализ этих метафор позволяет глубже понять авторский взгляд на медицину, сочетающий «ремесленный» и «театральный» подходы к медицине, при которых пациент превращается то в бездушный материал, с которым врач совершает манипуляции, то в зрителя театрализованного представления, от которого не может

зависеть жизнь человека, с сакральным подходом к лечению и спасению жизней, когда врач предстает перед читателем в роли посланника небес и исполнителя их священной воли, способного как спасти жизнь, так и отнять ее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковальчук Л. Д. Теория концептуальной интеграции Ж. Фоконы и М. Тернера // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2011. № 1 (8). С. 97-101.
2. Коннова М. Н., Хорохорина С. Е. Пространственные метафоры в поэзии Э. Дикинсон: к вопросу о ценностной интерпретации времени // *Когнитивные исследования языка*. 2024. № 3-2 (54). С. 135-139.
3. Коннова М. Н., Хорохорина С. Е. Пространственные метафоры в поэзии Э. Дикинсон: аксиологическое измерение // *Когнитивные исследования языка*. 2024. № 2-2 (58). С. 706-711.
4. Козлова Л. А., Кремнева А. В. Концептуальная метафора в когнитивно-семиотическом осмыслении // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2021. № 1. С. 47-59.
5. Нильсен Е. А. Очерки дихронической лингвоконцептологии: эволюция темпоральных номинаций в английском языке. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского гос. экономического ун-та, 2014. 220 с.
6. Нильсен Е. А. Метафоры времени в английском травелогге // *Когнитивные исследования языка*. 2023. № 3-2 (54). С. 738-742.
7. Рябых Е. Б. Порождение, понимание и распознавание индивидуально-авторской метафоры в рамках художественного дискурса // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2021. № 4. С. 90-98.
8. Fauconnier G. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books. 2003. 464 p.
9. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 256 p.
10. Mironova M. Yu. The role of conceptual metaphor in term formation // *Когнитивные исследования языка*. 2022. № 3 (50). P. 791-794.
11. Musolff A. *Metaphor, nation and the holocaust: the concept of the body politic* // Routledge New York. 2010. P. 2-23.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Murray J. *The Oxford English Dictionary*. Oxford: Oxford University Press. 1989. Vol. 6.

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ

Mason D. *The Winter Soldier*. Boston: Little, Brown and Company, 2018. 336 p.

REFERENCES

1. Kovalchuk, L. D. (2011). *Teoriya kontseptualnoy integratsii Zh. Fokone i M. Ternera* [The theory of conceptual integration, as proposed by J. Fauconnier and M. Turner]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No 1 (8). Pp. 97-101. (In Russ.).
2. Konnova, M. N., Khorokhorina, S. E. (2024). *Prostranstvennyye metafory v poezii E. Dikinson: k voprosu o tsennostnoy interpretatsii vremeni* [Orientational metaphors in the poetry of E. Dickinson: the issue of the value of time interpretation]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. No 3-2 (54). Pp. 135-139. (In Russ.).
3. Konnova, M. N., Khorokhorina, S. E. (2024). *Prostranstvennyye metafory v poezii E. Dikinson: aksiologicheskoe izmerenie* [Spatial metaphors in the poetry of E. Dickinson: axiological perspective]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. No 2-2 (58). Pp. 706-711. (In Russ.).
4. Kozlova, L. A., Kremneva, A. V. (2021). *Kontseptualnaya metafora v kognitivno-*

semioticheskom osmyslenii [Conceptual metaphor in the framework of cognitive-semiotic comprehension]. In *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. No 1. Pp. 47-59. (In Russ.).

5. Nilsen, E. A. (2014). *Ocherki dikhronicheskoy lingvokontseptologii: evolyutsiya temporalnykh nominatsiy v angliyskom yazyke* [Essays on diachronic conceptology: the evolution of temporal nomination in the English language]. Sankt-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gos. ekonomicheskogo un-ta. (In Russ.).

6. Nilsen, E. A. (2023). Metaforы vremeni v angliyskom traveloge. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Metaphors of Time in English Travel Literature]. No 3-2 (54). Pp. 738-742. (In Russ.).

7. Ryabykh, E. B. (2021). Porozhdenie, ponimanie i raspoznavanie individualno-avtorskoy metafory v ramkakh khudozhestvennogo diskursa [The generation, understanding, and recognition of a single author's metaphor within the context of artistic discourse]. In *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. No 4. Pp. 90-98. (In Russ.).

8. Fauconnier, G. (2003). *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books.

9. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press.

10. Mironova, M. Yu. (2022). The role of conceptual metaphor in term formation. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. No 3 (50). Pp. 791-794.

11. Musolff, A. (2010). Metaphor, nation and the holocaust: the concept of the body politic. In *Routledge New York*. Pp. 2-23.

LEXICOGRAPHIC SOURCE

Murray, J. (1989). *The Oxford English Dictionary*. Oxford: Oxford University Press. Vol. 6.

SOURCE OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

Mason, D. (2018). *The Winter Soldier*. Boston: Little, Brown and Company.

Нильсен Евгения Александровна – доктор филологических наук, профессор, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, заведующий кафедрой английской филологии и перевода (e-mail: janenilsen@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» 191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 30-32, литер А

Nilsen Evgeniia A. – Doctor of Philological Sciences, Professor of Linguistics, Honoured Worker of Higher Education of the Russian Federation, Head of the Department of the English Philology and Translation (e-mail: janenilsen@mail.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education «Saint-Petersburg State University of Economics» 30-32, A, Griboedov canal emb., St. Petersburg, 191023

Казачкова Юлия Александровна – ассистент кафедры английской филологии и перевода (e-mail: kazachkova.yu@unecon.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» 191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 30-32, литер А

Kazachkova Yulia A. – Assistant of the Department of the English Philology and Translation (e-mail: kazachkova.yu@unecon.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education «Saint-Petersburg State University of Economics» 30-32, A, Griboedov canal emb., St. Petersburg, 191023

Поступила в редакцию 02 декабря 2024 г.

КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОДУКТИВНОСТИ АДВЕРБИАЛЬНЫХ СУФФИКСОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена изучению словообразовательной продуктивности суффиксов -weise и -erweise в немецком языке. В работе раскрывается содержание понятий продуктивности и частотности, анализируются возможности их количественного измерения методами корпусного анализа. Для оценки продуктивности суффиксов -weise и -erweise используются методы частотного и вероятностного анализа. В результате исследования получены данные, доказывающие более высокую продуктивность -erweise.

Ключевые слова: вероятностный анализ, гапакс (hapax legomenon), измерение продуктивности, новые слова, словообразовательная продуктивность, суффикс -weise, частотность, метод частотного анализа.

CORPUS STUDY OF ADVERBIAL SUFFIXES PRODUCTIVITY IN GERMAN

The article addresses the derivational productivity of the suffixes -weise and -erweise in German. The paper reveals the concept of productivity and frequency, analyzes the possibilities of their quantitative measurement by corpus analysis methods. To assess the productivity of the suffixes -weise and -erweise, frequency and probability analysis methods are used. As a result of the study, data were obtained demonstrating higher productivity of the suffix -erweise.

Key words: derivational productivity, frequency, frequency analysis, hapax legomenon, measuring productivity, new words, probabilistic analysis, suffix -weise.

Феномен морфологической продуктивности стал предметом оживленных дискуссий только в последние 50 лет, получив изначально статус «одной из центральных загадок деривационной морфологии» [Aronoff, 1976: 35], «практически неразрешимой проблемы» [Арутюнова, 2007: 22]. Эта ситуация стала меняться с появлением национальных корпусов языка, оснащенных лингвистической разметкой и инструментами поиска, содержащих миллиарды словоупотреблений. Такие корпуса дали лингвистам доступ к достоверному изучению продуктивности словообразовательных формантов и моделей.

Продуктивность – это способность словообразовательного форманта образовывать новые слова в соответствии с правилами словообразования конкретного языка, иными словами «способность служить образцом для производства новых слов» [Лопатин, Улуханов, 2016: 34]. Под новыми словами мы, вслед за Н. В. Федоровой, понимаем слова, которым предстоит «пройти стадии социализации (закрепления в обществе) и лексикализации (закрепления в языке)» [Федорова, 2018: 217], пройти процесс включения в словарь неологизмов, а в дальнейшем и в толковый словарь. В отличие от самого

феномена словообразования, подробно изученного как в синхронии, так и в диахронии, продуктивность до сих пор остается во многом неучтенной. В то же время динамика увеличения или снижения продуктивности поддается статистическому измерению при условии, что имеется достаточно материала для ее изучения. Это является особенно **актуальным** для корпусных эмпирических исследований.

Цель данной статьи заключается в количественном измерении продуктивности немецких словообразовательных аффиксов *-weise* и *-erweise* в синхронии. Исходя из цели, предполагается решить ряд **задач**: 1) уточнить соотношение понятий продуктивности и частотности в словообразовании; 2) описать методы количественного измерения продуктивности и применить их для оценки продуктивности адвербиальных суффиксов *-weise* и *-erweise*; 3) провести эксперимент с германистами (не носителями языка) и сопоставить полученные эмпирические данные с результатами корпусной выборки.

Материал и методы исследования. Исследование проведено с применением методов корпусного анализа, что позволило отобрать и обработать репрезентативный объем эмпирического материала, получить объективные статистические данные и установить определенные языковые закономерности. Для интерпретации полученных результатов использовались сравнительный и описательный методы.

Алгоритм исследования. На первом этапе по заданным критериям было проведено несколько корпусных выборок за 2023 год: а) все наречия, оканчивающиеся на *-weise* вместе; б) наречия на *-weise* и наречия на *-erweise* по отдельности. Из-за большого объема данных выборка осознанно ограничена рамками одного года. Следующим шагом полученные списки были обработаны вручную для устранения опечаток, символов и т. д. На втором этапе были решены непосредственно лингвистические задачи, касающиеся количественной оценки формантов *-weise* и *-erweise*, доли новых слов. Третьим шагом был проведен эксперимент с преподавателями немецкого языка с целью получения «живых» данных об используемых наречиях и их последующей интерпретацией.

Исследование продуктивности суффикса *-weise* стало возможным благодаря корпусу немецкого языка DWDS (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache). Корпус охватывает более 70 миллиардов словоупотреблений в исторических и современных текстах, распределенных в метакорпуса (WebXL, Historische Korpora) и различные тематические подкорпуса (публицистика, спорт, юриспруденция, мода, медицина и т. д.). В данном исследовании был использован ежедневно обновляемый подкорпус Webmonitor (4 671 442 283 токенов), содержащий коллекцию текстов из различных областей жизни, что особенно важно для сбора эмпирического материала, непривязанного к жанровой

специфике. Корпус DWDS оснащен лингвистической разметкой и разнообразными инструментами поиска, позволяющими устанавливать временные рамки, сортировать по частям речи, выбирать функциональные стили и т. д. Все это не только упрощает процесс обработки больших массивов текстов, но и позволяет с большей степенью достоверности отследить происходящие в языке изменения, выявить прототипы.

Понятия продуктивности и частотности

Продуктивность и частотность – тесно связанные между собой понятия в словообразовании. Частотность является статистической характеристикой и позволяет оценить, насколько часто образованные по определённой модели слова употребляются в речи и встречаются в текстах. Высокая частотность свидетельствует об устойчивости и распространенности в языке определенного слова или определенной модели.

Продуктивность относится к способности словообразовательной модели или форманта создавать новые слова. Высокая продуктивность указывает на то, что данная модель (данный формант) широко применяется в языке и может генерировать множество новых слов. Продуктивные словообразовательные процессы происходят при низком уровне их осознания носителями языка [Evert, Lüdeling, 2001]. Слово воспринимается как единое целое и не разбивается на словообразовательные единицы. Кроме того, продуктивность является градуальным качеством словообразовательных моделей («Produktivität ist eine graduierte Eigenschaft von Wortbildungsmodellen») [Fleischer, Barz, 2012: 74].

Высокая продуктивность не обязательно приводит к высокой частотности, так как производные слова не всегда находят широкое применение в речи. Некоторые слова, напротив, могут быть широко распространены, но не обязательно образованы по продуктивной модели. Таким образом, продуктивность и частотность в словообразовании помогают понять, как язык развивается, какие модели активно используются и какие слова становятся частью повседневной речи.

Словообразовательные модели и аффиксы традиционно разделяют на продуктивные и непродуктивные. При таком разделении неучтенной остается градуальность¹ продуктивности моделей и аффиксов. Очевидно, что между полярными противоположностями могут быть переходные звенья, внутренняя градация. На этот факт обращают внимание В. Флейшер и И. Барц [Fleischer, Barz, 2012: 74]. Градацию словообразовательных моделей или суффиксов можно представить следующим образом: высокопродуктивные, продуктивные, низкопродуктивные, непродуктивные. Сложность

¹ Способность языка выражать степень интенсивности какого-либо качества или признака.

заключается в том, что точных сведений о разделении продуктивности по уровням в настоящее время нет. Информация в лингвистической литературе часто представляет факт констатации, неподкрепленный систематически анализируемыми эмпирическими данными [Hentschel, 2020: 216-217; Lohde, 2006: 295]. На наш взгляд, для установления градуальности продуктивности аффиксов нужны определенные языковые конвенции.

В. Флейшер и И. Барц описывают суффиксы как высокопродуктивные, если их словообразовательные модели имеют лишь незначительные ограничения в отношении фонологических, морфологических, синтаксических и семантических качеств входных данных (качественный критерий) и могут также в значительной степени использоваться для образования окказионализмов (количественный критерий) [Fleischer, Barz, 2012: 57].

Качественный критерий неуловим, поскольку ограничения, снижающие продуктивность аффикса, касаются разных уровней (фонологии, морфологии, синтаксиса и т. д.) и не могут быть взвешены математически. С другой стороны, количественный критерий, для которого решающим фактором является количество образованных новых слов, можно представить доказательно. Данный факт стал также отправной точкой для настоящей работы.

Характеристика суффиксов *-weise* и *-erweise*

Относительно суффиксов *-weise* и *-erweise* (например, в словах *schrittweise* / шаг за шагом и *klugerweise* / разумно) в германистике существуют две точки зрения. Представитель первой точки зрения Д. Элснер предлагает рассматривать *-erweise* и *-weise* как два разных суффикса, аргументируя это тем, что *-weise* участвует в образовании наречий от существительных, а *-erweise* – от прилагательных и причастий [Elsner, 2016: 104, 120]. Приверженец второй точки зрения В. Гойдер полагает, что *-erweise* не является самостоятельным суффиксом, так как при объединении двух слов сочинительной связью *-er* всегда отделяется вместе с производящей основой. Он поясняет это на примере *kluger*- и *vorausschauenderweise* (вместо **klug-* и *vorausschauenderweise*) и предлагает рассматривать *-weise* как суффикс, а *-er* как интерфикс [Geuder, 2019: 210-211].

Оба суффикса обладают богатым деривационным потенциалом. В процессе деривации *-weise* способен сочетаться с существительными (*gruppenweise* ‘группами’), глаголами (*mietweise* ‘внаем’) и числительными (*hundertweise* ‘сотнями’), а *-erweise* – с прилагательными (*dummerweise* ‘по глупости’) и причастиями (*verbotenerweise* ‘несмотря на запрет’) [Первак, 2024]. Очевидно, что «чем шире и богаче связи данного аффикса со словами и основами, тем он продуктивнее, и наоборот» [Сулейбанова, 2019: 119]. Семантически суффикс *-erweise* выражает, что что-то происходит определенным образом, например,

idealerweise ‘в идеале’ в примере (1) означает, что в идеале температура перед приготовлением на гриле должна составлять 20°C:

(1) *Idealerweise sollte die Kerntemperatur vor dem Grillen 20°C betragen* [DWDS] ‘В идеале перед приготовлением на гриле температура внутри продукта должна составлять 20°C’.

Суффикс *-weise*, в зависимости от производящей основы, может передавать значения времени (*stundenweise* ‘часами’), движения (*schubweise* ‘партиями’), меры или количества (*eimerweise* ‘ведрами’), разделение процесса (*etappenweise* ‘поэтапно’), абстрактного сравнения (*vergleichsweise* ‘сравнительно’), существования в форме чего-либо (*aushilfsweise* ‘внештатно’). Так, в примере (2) предлагается продавать мед не стаканами (*glasweise* ‘банками’), а ведрами (*eimerweise* ‘ведрами’), если у вас его много:

(2) *Wenn Sie viel Honig haben, können Sie ihn anstatt glasweise auch eimerweise an Restaurants, Bäckereien und Hotels verkaufen* [DWDS] ‘Если у вас много меда, вы можете продавать его ресторанам, пекарням и гостиницам не банками, а ведрами’.

Германисты сходятся во мнении о том, что *-weise* и *-erweise* являются самыми продуктивными адвербиальными суффиксами [Fleischer / Barz, 2012; Hentschel: 2016]. Для количественного измерения продуктивности *-weise* и *-erweise* можно применять как частотный, так и вероятностный анализ.

Частотные методы анализа

Г. Баайен предложил использовать статистические методы корпусной лингвистики для определения степени морфологической продуктивности. Количественные методы Г. Баайена основываются на понятиях *type count* (количество лексем в словообразовательном типе), *token frequency* (частота употребления словоформ) и *hapax legomena* (гапакс, слово с однократным употреблением) [Ваауен, 2009].

С позиции **частотности** следует, что с помощью продуктивного суффикса можно образовывать множество слов, а это в свою очередь отражается как на количестве типов, так и на количестве токенов². Также измерять продуктивность можно по **количеству токенов**. Здесь важно понимать, что будет выражать высокую продуктивность типа – высокая или низкая частотность токенов. Как полагает М. Аронофф, частотность токенов ниже у лексем с продуктивными аффиксами, чем частотность токенов с менее продуктивными аффиксами [Aronoff, 1976: 36-37]. Это явление объясняется тем, что

² Тип (именование класса) и токен (именование отдельных экземпляров) – понятия, сформулированные Чарльзом Сандерсом Пирсом в 1906 году.

слова, образованные продуктивными аффиксами по определенной модели, могут встретиться в тексте / речи только один раз, так как были созданы, например, для особого случая или явления. И, наоборот, слова, образованные непродуктивными аффиксами, как правило, входят в словарный состав языка, подвержены полисемии и идиоматизации.

Количество токенов с формантами *-weise* и *-erweise* в корпусе Webmonitor за 2023 г. в целом составляет 665300, количество типов – 608. Сравним в табл. 1 количество токенов и типов по двум основным словообразовательным моделям: существительное / глагол / числительное + *-weise* и прилагательное / причастие + *-erweise*. Больше количество токенов и меньшее количество типов наблюдается у модели с *-weise*. Этот факт свидетельствует о том, что в настоящий момент модель с *-erweise* является более продуктивной.

Таблица 1. *Результаты выборки из корпуса DWDS за 2023 г.*

Суффиксы	Токены	Типы	Гапаксы	Отношение типов – токенов	Потенциальная продуктивность
-weise	446873	152	18	0,00034	0,00004028
-erweise	218427	456	146	0,00209	0,0006684

По мнению Г. Виммер, частотность токенов и типов можно анализировать не только по отдельности, но и во взаимодействии [Wimmer, 2005]. Один из способов статистического учета продуктивности с помощью этого метода – это найти **отношение между количеством типов и количеством токенов** по формуле:

$$\text{Отношение типов и токенов} = \text{типы} / \text{токены}$$

Продуктивный аффикс будет создавать множество различных типов. Чем выше значение и чем ближе оно к 1, тем выше продуктивность аффикса. Применяв данный метод к моделям с *-weise* и *-erweise*, мы также видим, что по отношению типов и токенов суффикс *-erweise* показывает более высокую продуктивность (см. табл. 1). Типы, зафиксированные в корпусе только один раз у модели с *-erweise*, составляют 146 из 456.

Вероятностный анализ

Применение вероятностного анализа для определения продуктивности позволяет судить о развитии продуктивности и, следовательно, о появлении новых слов в ближайшем будущем. Среди вероятностных методов анализа мы рассмотрим потенциальную продуктивность (*P*) и растущую продуктивность (*P**), предложенные Г. Баайеном [Baayen, 2009: 7].

Индекс продуктивности *P* основан на отношении количества гапаксов³ с

³ В корпусной лингвистике *hapax legomenon* означает слово или выражение, которое встречается только один раз в контексте: либо в письменности всего языка, либо в произведениях определенного автора, либо в отдельном тексте [https://spb.hse.ru/data/2023/11/07/2054820852/5.1.%20Hapax%20legomenon.pdf].

определенным суффиксом к количеству токенов с этим же суффиксом и рассчитывается по следующей формуле [Ваауен, 2009: 7-8]:

$$P = V(I, C, N) / N(C)$$

В числителе указано количество уникальных новообразований, встречающихся однократно (гапаксов), в знаменателе – общее количество словоформ (токенов).

Количество гапаксов с суффиксом *-weise* составляет 18, общее количество токенов – 446873, индекс потенциальной продуктивности P равен 0,00004028. Количество гапаксов с суффиксом *-erweise* составляет 146, общее количество токенов – 218427, индекс потенциальной продуктивности P равен 0,0006684 (см. табл. 1).

Индекс продуктивности P Г. Баайен называет категориально-обусловленным. Предполагается, что продуктивная словообразовательная модель будет порождать множество низкочастотных новых слов и, следовательно, большое количество гапаксов, в то время как у непродуктивной словообразовательной модели новообразования редки или даже маловероятны. Полученные данные также указывают на более высокую продуктивность модели с *-erweise*.

Индекс продуктивности P^* основан на отношении гапаксов с определенным суффиксом к количеству всех гапаксов в исследуемом корпусе и рассчитывается по формуле:

$$P^* = V(I, C, N) / V(I, N)$$

Индекс продуктивности P^* определяет долю каждого аффикса в образовании новых слов, которыми, вероятно, и являются гапаксы. Г. Баайен называет данную меру продуктивности гапакс-обусловленной [Ваауен, 2009: 7]. В связи с большим объемом подкорпуса Webmonitor и ограниченностью поиска (до 5000 токенов), была проведена выборка гапаксов не по всему подкорпусу, а только по классу наречий. Индекс продуктивности P^* составил 0,0058 у моделей с *-weise* и 0,047 – у моделей с *-erweise*, что тоже указывает на более высокую продуктивность *-erweise*.

Эксперимент

В рамках данного исследования был проведен эксперимент с целью сравнения корпусных и фактических данных. Суть эксперимента заключалась в следующем. Десяти участникам эксперимента⁴ было предложено записать как можно больше слов с суффиксами *-weise/-erweise* в течение трех минут. Участникам заранее сообщили, что можно указывать как существующие и часто используемые слова, так и создавать окказионализмы, которых нет в словарях, но которые, по их мнению, имеют смысл и без привлечения контекста будут понятны другим пользователям языка.

⁴ Участниками эксперимента выступили германисты, преподающие немецкий язык в вузе.

Собранные данные оценивались с позиции частотности токенов и типов слов, наличия новых слов. В общей сложности спонтанно было написано 47 слов, представляющих 24 типа. Частотность пяти типов (*beispielsweise, möglicherweise, glücklicherweise, normalerweise, logischerweise*) составила 57% от всех указанных слов. Следующим шагом частотность слов была сопоставлена с корпусными данными. Подтвердилась гипотеза о том, что наречия, указанные участниками эксперимента, входят в 20 самых употребительных наречий в корпусе Webmonitor (табл. 2).

Таблица 2. Частотность наречий в корпусе DWDS за 2023 г.

Тип -weise	Количество токенов	Тип -erweise	Количество токенов
beispielsweise <i>например</i>	218892	möglicherweise / <i>быть может</i>	84534
teilweise <i>частично</i>	109922	normalerweise / <i>обычно</i>	38079
zeitweise <i>эпизодически</i>	31178	glücklicherweise / <i>к счастью</i>	21062
vergleichsweise <i>сравнительно</i>	26664	üblicherweise <i>по обыкновению</i>	10415
wahlweise <i>на выбор</i>	8612	idealerweise <i>в идеале</i>	7476
schätzungsweise <i>примерно</i>	6666	fälschlicherweise <i>по недоразумению</i>	5003
stellenweise <i>местами</i>	5343	interessanterweise <i>удивительным образом</i>	4073
ausnahmsweise <i>в виде исключения</i>	4840	typischerweise <i>в типичном случае</i>	3911
ansatzweise <i>частично</i>	3892	logischerweise / <i>естественно</i>	3168
gebietsweise <i>местами</i>	3832	überraschenderweise <i>неожиданно</i>	2995

Одновременно есть интересные наблюдения относительно новых слов. Участники эксперимента спонтанно, опираясь на языковое чутье и существующие словообразовательные модели, образовали слова *pflichtweise* ‘по обязанности’, *stummweise* ‘молча’, *opferweise* ‘жертвенно’, *bestimmterweise* ‘определенно’, *schiedsrichterlicherweise* ‘по-третейски’. Данные слова встречаются в корпусе DWDS, но не зафиксированы в лексикографических источниках, в частности в словаре DWDS. Аналогичная ситуация наблюдается и в корпусной выборке за 2023 год: 289 типов из 608 типов – это новые слова с частотностью 1–3 токена. Тот факт, что словари не успевают за реальным развитием словарного состава, так же может рассматриваться как признак высокой продуктивности суффикса.

Заключение

В данной работе была проведена количественная оценка продуктивности немецких суффиксов *-weise* и *-erweise* с применением методов корпусного анализа. Чтобы получить количественно измеримые данные о морфологической продуктивности обоих суффиксов, к корпусной выборке были применены методы частотного анализа (частота токена, частота типов, отношение типы–токены) и вероятностного анализа (потенциальная продуктивность P и растущая продуктивность P^* Г. Баайена). При анализе полученных данных сделан вывод о том, что по всем вышеуказанным мерам измерения продуктивности суффикс *-erweise* опережает суффикс *-weise*. Большое количество уникальных образований (новых слов) также указывает на более высокую продуктивность суффикса *-erweise*. Тем не менее, оба суффикса входят в число высокопродуктивных суффиксов в немецком языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Проблемы морфологии и словообразования: (На материале испанского языка). Москва: Языки славянских культур, 2007. 288 с.
2. Лопатин В. В., Улуханов И. С. Словарь словообразовательных суффиксов современного русского языка. Москва: Азбуковник, 2016. 812 с.
3. Первак Т. В. Производные наречия и модальные слова в немецком языке: морфология, синтаксис, семантика. Москва: Государственный университет просвещения, 2024. 138 с.
4. Федорова Н. В. Неологизмы и тенденции их словообразования в современном английском языке (на материале текстов СМИ) // *Litera*. 2018. № 2. С. 216-225.
5. Сулейбанова М. У. Морфематические связи и продуктивность словообразовательных и формообразующих суффиксов в разносистемных языках // *Гуманитарные и социальные науки*. 2019. № 3. С. 118-125.
6. Aronoff M. *Word formation in generative grammar*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1976. 134 p.
7. Baayen H. *Corpus linguistics in morphology: Morphological Productivity* // A. Lüdeling und M. Kytö (Hrsg.). *Corpus linguistics. An international handbook*. Berlin: Mouton de Gruyter. 2009. Band 2. S. 899-919.
8. Elsner D. *Bereichsadverbiale kontrastiv – Die Grenzen des adverbialen Suffixes -(er)weise* // Zhu, J., Zhao, J., Szurawitzki, M. (Hgg.): *Akten des XII. Internationalen Germanistenkongresses Shanghai Germanistik zwischen Tradition und Innovation*. Frankfurt/Main: Peter Lang, 2016. Band 2. S. 125-129.
9. Evert S. und Lüdeling A. *Measuring morphological productivity: Is automatic preprocessing sufficient?* // P. Rayson, A. Wilson, T. McEnery, A. Hardie und S. Khoja (Hrsg.). *Proceedings of the Corpus Linguistics conference, Lancaster*. 2001. P. 167-175.
10. Fleischer W., Barz I. *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. 4., völlig neu bearbeitete Auflage. Berlin: de Gruyter, 2012. 504 S.
11. Geuder W. *Eine Art Wortart: Das Adverb im Deutschen* // *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. 2019. 38(2). S. 191-241.
12. Hentschel E. *Basiswissen deutsche Wortbildung*. 1. Aufl. UTB GmbH, 2020. 241 S.

13. Lohde M. Wortbildung des modernen Deutschen. Ein Lehr- und Übungsbuch. Tübingen: Narr studienbücher, 2006. 350 S.

14. Wimmer G. The type-token-relation // G. R. G. P. Reinhard Köhler, Gabriel Altmann (Hrsg.), *Quantitative Linguistik – Quantitative Linguistics. Ein internationales Handbuch.* Berlin / New York: de Gruyter, 2005. S. 325-348.

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ

Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Доступ: <https://www.dwds.de>. (дата обращения: 19.10.2024). [DWDS].

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (2007). *Problemy morfologii i slovoobrazovaniya: (Na materiale ispanskogo yazyka)* [Problematic morphology in word formation: (Based on the Spanish language)]. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. (In Russ.).

2. Lopatin, V. V., Ulukhanov, I. S. (2016). *Slovar slovoobrazovatelnykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of word-formation affixes of the modern Russian language]. Moskva: Azbukovnik. (In Russ.).

3. Pervak, T. V. (2024). *Proizvodnye narechiya i modalnye slova v nemetskom yazyke: morfologiya, sintaksis, semantika* [Derivative adverbs and sentence adverbs in German: Morphology, Syntax, Semantics]. Moskva: Gosudarstvennyy universitet prosveshheniya. (In Russ.).

4. Fedorova, N. V. (2018). Neologizmy i tendentsii ikh slovoobrazovaniya v sovremennom angliyskom yazyke (na materiale tekstov SMI) [Neologisms and their word formation trends in modern English (based on media texts)]. In *Litera*. No 2. Pp. 216-225. (In Russ.).

5. Suleybanova, M. U. (2019). Morfematische svyazi i produktivnost slovoobrazovatelnykh i formoobrazuyuschikh affiksov v raznosistemnykh yazykakh [Morphematic connections and productivity of word-forming and form-building affixes in languages of different systems]. In *Gumanitarnye i sotsialnye nauki*. No 3. Pp. 118-125. (In Russ.).

6. Aronoff, M. (1976). *Word formation in generative grammar*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

7. Baayen, H. (2009). Corpus linguistics in morphology: Morphological Productivity. In A. Lüdeling und M. Kytö (Hrsg.). *Corpus linguistics. An international handbook*. Berlin: Mouton de Gruyter. Band 2. Pp. 899-919.

8. Elsner, D. (2016). Bereichsadverbiale kontrastiv – Die Grenzen des adverbialen Suffixes -(er)weise. In Zhu, J., Zhao, J., Szurawitzki, M. (Hgg.). *Akten des XII. Internationalen Germanistenkongresses Shanghai Germanistik zwischen Tradition und Innovation*. Frankfurt/Main : Peter Lang. Band 2. S. 125-129.

9. Evert, S. und Lüdeling, A. (2001). Measuring morphological productivity: Is automatic preprocessing sufficient? In P. Rayson, A. Wilson, T. McEnery, A. Hardie und S. Khoja (Hrsg.). *Proceedings of the Corpus Linguistics conference, Lancaster*. Pp. 167-175.

10. Fleischer, W., Barz, I. (2012). *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. 4., völlig neu bearbeitete Auflage. Berlin: de Gruyter.

11. Geuder, W. (2019). Eine Art Wortart: Das Adverb im Deutschen. In *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. 38(2). S. 191-241.

12. Hentschel, E. (2020). *Basiswissen deutsche Wortbildung*. 1. Aufl. Tübingen: Narr Francke Attempto.

13. Lohde, M. (2006). *Wortbildung des modernen Deutschen. Ein Lehr- und Übungsbuch*. Tübingen: Narr studienbücher.

14. Wimmer, G. (2005). The type-token-relation. In G. R. G. P. Reinhard Köhler, Gabriel Altmann (Hrsg.). *Quantitative Linguistik – Quantitative Linguistics. Ein internationales Handbuch*. Berlin / New York: de Gruyter, Pp. 325-348.

SOURCE OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Available at: <https://www.dwds.de>. (accessed: 19.10.2024).

Первак Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры германской и романской филологии (e-mail: alexfirst@yandex.ru), Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет просвещения» 105005, Москва, ул. Радио, 10а, стр. 2

Pervak Tatiana V. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of German and Roman Philology, (e-mail: alexfirst@yandex.ru), Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education «Federal State University of Education» 10 / 2 Radio, Moscow, 105005

Поступила в редакцию 06 ноября 2024 г.

УДК 811.111.01

© 2025 И. М. Подгайская

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПЕРИФЕРИЙНОЙ СЕМАНТИКИ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ СТРОИТЕЛЬСТВА *

Статья посвящена изучению периферийной семантики глаголов, обозначающих процесс строительства в древнеанглийском языке. Периферийные семы значения 'строить' рассматриваются на основе анализа сочетаемости глаголов в текстах древнеанглийских рукописей.

Ключевые слова: значение, ядерная сема, периферийная сема, сочетаемость, древнеанглийский язык.

© 2025 I. M. Podgaiskaya

ACTUALIZATION OF PERIPHERAL SEMANTICS OF OLD ENGLISH VERBS DENOTING THE PROCESS OF BUILDING

The article is concerned with the study of peripheral semantics of verbs denoting the process of building in Old English. Peripheral semes of the meaning 'to build' are studied in terms of verbs combinability in Old English manuscripts.

Key words: meaning, kernel seme, peripheral seme, combinability, Old English.

1. Вводные замечания. Словарный состав любого языка представляет собой результат долгого исторического развития, являясь «динамической и постоянно изменяющейся комплексной структурой, в которой новые слова появляются, старые исчезают или изменяются тем или иным образом» [Кортъевская-Тамм, 2008: 6]. Понять современное устройство лексической системы языка и функционирование отдельных лексем, входящих в её состав, невозможно без знания особенностей развития значения слов и их употребления на разных этапах языкового развития. О перспективности исторического подхода в изучении лексики свидетельствует неослабевающий уже много лет интерес российских и зарубежных лингвистов к диахроническим исследованиям на материале германских, романских и славянских языков [см., например, Климова, 1981; Державина, 1984; Нильсен, 2001; Лянзбург, 2003; Левицкий, 2006; Stockwell, Minkova, 2009; Kilpiö, 2010; Громова, 2011; Taranu, 2012; Dance, 2014; Растворова, 2015; Гапотченко, 2015; Карасенко, 2017; Ветрова, 2018; Калиущенко, 2019; Кремзикова, 2023; Ягупова, 2023; Ус, 2024].

Как известно, в лексической системе каждого языка выделяются слова, образующие так называемый основной словарный фонд, который сохраняется в языке на протяжении длительного времени, и является «главной устойчивой материальной и структурной

* Исследование проводилось в рамках НИР ДонГУ (номер госрегистрации 12411180021-7).

основой обогащения и развития словарного состава языка» [Виноградов, 1977: 47-48]. Такие слова, функционирующие в языке на протяжении долгого периода времени, в течение которого они изменяют свои значения, развивают новые и утрачивают старые, вступают в парадигматические и синтагматические связи с другими словами, переходят из одной лексико-семантической группы в другую и т. д., представляют собой ценный материал для исследований по исторической семантике.

К основному лексическому фонду английского языка относятся, например, глагольные лексемы, обозначающие понятие 'строить'. Это понятие, связанное с насущной потребностью первобытного человека укрыться от непогоды, находит своё отражение в языке, по-видимому, ещё до появления письменности. В древнеанглийский период оно передается целым рядом глаголов, которые активно используются в достаточно большом количестве письменных памятников англосаксонского периода истории Англии, сохранившихся до наших дней. Эти источники представляют собой разные по жанру тексты, в основном исторического и религиозного содержания – «Англосаксонская хроника», «Церковная история английского народа» Беда Достопочтенного, «Англосаксонская версия краткой мировой истории Оросия», Библия, проповеди, жития святых, англосаксонская поэзия.

В данной статье представлен анализ периферийных сем глаголов, обладающих значением 'строить' в древнеанглийский период, и особенностей актуализации таких сем в контексте, что даст возможность сформировать более полное представление об особенностях семантики глаголов строительства в изучаемый период. Исследование проводится на материале лексикографических источников [An Anglo-Saxon Dictionary, An Anglo-Saxon Dictionary Supplement, The Oxford English Dictionary] и текстов древнеанглийских рукописей (см. Список источников иллюстративного материала).

2. Ядро значения 'строить' в древнеанглийский период. Анализ словарных дефиниций глаголов, передающих в древнеанглийском языке значение 'строить', позволяет выявить ядерные семы, которые образуют ядро данного значения и указывают на постоянные признаки процесса, описываемого глаголами [Стернин, 1985: 31], что дает достаточно полное представление о специфике изучаемого значения в исследуемый период. Общими для всех древнеанглийских глаголов строительства являются зафиксированные в дефинициях интегральные семы, 'строить' ('build') и 'сооружать' ('construct'). Дифференциальные семы выявляются в дефинициях отдельных глаголов, они уточняют значение, характеризуя особенности процесса строительства в англосаксонский период. В частности, исходя из

семантических определений глаголов, представленных в словарях, можно утверждать, что в исследуемый исторический период значение 'строить' конкретизируется относительно направления строительства, места, способа и цели сооружения постройки, а также повторяемости действия или его незавершенности [Подгайская, 2019].

3. Периферийные семы древнеанглийского значения 'строить'. Кроме ядерных сем, указывающих на постоянные признаки процесса и фиксирующихся толковыми словарями, по мнению исследователей, значение слова включает периферийные семы, которые обычно не отражаются в словарях, но «дополняют ядро и в значительной степени обуславливают семантическое развитие слова и его коммуникативное варьирование» [Маклакова, Стернин 2013: 67]. Периферийные семы не всегда могут самостоятельно актуализироваться в составе значения, им нужна эксплицитная лексическая поддержка. Другими словами, они «нуждаются в обязательном эксплицитном вербальном дублировании (экспликации, редупликации)» [Маклакова, Стернин 2013: 186], что свидетельствует о важности изучения семантики глагола не только на основе анализа его значения в лексикографических источниках, дающего представление о ядерных семах значения, но и на основе исследования его употребления в конкретном контексте в текстах древнеанглийских письменных памятников.

Как показывает анализ материала, одним из способов, обеспечивающих актуализацию периферийных сем исследуемого глагольного значения, является сочетаемость глагола, выявляющая его семантические синтагматические отношения в определенном контексте, т. е. отношения, «которые устанавливаются между значениями слов в пределах одного речевого отрезка – словосочетания или предложения – и являются той информацией, добавляемой к значениям слов, которая обеспечивает общее значение целого речевого отрезка» [Влавацкая, 2013: 18]. В древнеанглийских рукописях глаголы строительства употребляются вместе с лексемами, обозначающими объект строительства и материал строительства, что предоставляет дополнительную информацию о специфике строительного процесса в исследуемый исторический период. Исходя из этого, можно считать, что древнеанглийское значение 'строить' характеризуется наличием по крайней мере двух периферийных сем – 'объект строительства' и 'материал строительства'.

3.1. Объект строительства в древнеанглийский период имеет разнообразный характер, охватывая не только отдельные здания и жилые помещения, но и такие комплексы сооружений, как населенные пункты, крепости, монастыри и т. д. На основе анализа лексем, обозначающих объект строительства, по типу сооружения можно выделить следующие группы таких объектов:

3.1.1. Жилые помещения и сооружения: *hus* ‘дом, дом, здание, жилье’, *sele* ‘жилье, дом, дом’, *gebytlu* ‘дом, кров’, *tun* ‘вилла, особняк, дом, жилье’, *eardwic* ‘жилье, дом, жилье’, *botle (bold)* ‘жилье, дворец’, *eardunghus* ‘дом, жилое помещение’, *eardungstowa* ‘дом, жилое помещение’, *reced* ‘дом, дворец’

(1) *Ɔa betwux ȝam oȝrum geseah he hwær man bytlode ane gebytlu eal mid smætum golde* (The Homilies of the Anglo-Saxon Church, Vol. 2: 354) ‘Тогда среди других увидел он, где люди строили дом весь из чистого золота’.

(2) *flodas coman, windas bleowan and þæt hus swiȝlice gespurnun, and hit no feol, forȝu þe hit gestapolod wæs ofer fæstum stane* (The Rule of S. Benet: 5) ‘наводнения случались, ветры дули, а тот дом хорошо выдержал, и он не упал, потому что был построен на безопасной скале’.

(3) *Ɔes tun wæs forlæten, and ofer wæs getimbred* (An Anglo-Saxon Dictionary: 1019) – ‘Эту виллу оставили, а другую построили’.

(4) *Ɔær se halga heahsteap reced, burh timbrede and bearo sette, weobedd worhte* (Bibliothek der angelsächsischen Poesie, Bd.2: 440) ‘Там святой очень высокий дом-крепость соорудил и рощу посадил, алтарь построил’.

(5) *Ælc þara þe þas min word gehierþ and þa wyrçþ, biþ gelic þæm wisan were, se his hus ofer stan getimbrode. Ɔa com þær regen and micel flod, and þær bleowon windas, and ahruron on þæt hus, and hit na ne feoll; soþlice hit wæs ofer stan getimbrod* (The Anglo-Saxon Version of the Holy Gospels: 15) ‘Каждый, кто мое слово слышит и затем соответственно действует, похож на того мудрого человека, который свой дом на скале соорудил. Потом там шел дождь, и было наводнение, и ветры дули и обрушивались на тот дом, а он так и не упал, потому что он был на скале построен’.

3.1.2. Часть здания: *sæl* ‘зал, комната’, *stapol* ‘фундамент, опора’, *hrof* ‘крыша’

(6) *Nymþe hus timbrige halig drihten, on idel gylp oȝre winnaȝ þe þæs huses hrof staȝeliaȝ* (Bibliothek der angelsächsischen Poesie, Bd. 3: 450) ‘Если святой Господь не построит дом, в тщетной самоуверенности работает тот, кто строит крышу своего дома’.

(7) *Guman onetton, sigon ætsomne, oþþæt hy sæl timbred, geatolic ond goldfah, ongyton mihton* (Beowulf: 18-19) ‘Люди спешили, шли вместе, чтобы этот зал, хорошо построенный и богато украшенный золотом, увидеть могли’.

3.1.3. Населенные пункты, включающие обозначения родовых понятий (*eardunghus* ‘поселок’, *eardungstowa* ‘поселок’, *ceaster* ‘город, городок’) и названия конкретных географических объектов (*Romeburg* ‘Рим’, *Bebbanburh* ‘Бамбург’, *Tantun* ‘Таунтон’,

Tameweorðe ‘Тамворт’, *Wærinwic* ‘Уорик’, *Babilon (Babylonia burg)* ‘город Вавилон’, *Cartaina* ‘Карфаген’, *Bizantium* ‘Византия’, *Bremesburh* ‘Бремесбюри’, *Staffordaburh* ‘Стаффорд’, *Hierusalem* ‘Иерусалим’, *Hrofesceastre* ‘Рочестер’):

(8) *Siddan fæsten ongon mid þam sneomagum ceastre timbran* (Bibliothek der angelsächsischen Poesie, Bd. 2: 369) ‘Потом быстро начал со своими родственниками город строить’.

(9) *Hu Romane heton eft getimbrian Cartaina* (King Alfred’s Anglo-Saxon Version of the Compendious History of the World by Orosius: 13) ‘Римляне приказали восстановить Карфаген’.

(10) *He funde ane weste stowe, in þære he him sylfum geworhte tela unmycel eardunghus* (An Anglo-Saxon Dictionary Supplement: 170) ‘Он нашел безлюдное место, и там он сам построил старательно небольшой поселок’.

(11) *Her Æpelfled getimbrode Tameweorðe, eac Staffordaburh* (Manuscript D: The Anglo-Saxon Chronicle) ‘В это время Этельфледа построила Тамворт и Стаффорд’.

3.1.4. Религиозные сооружения: *wibed* (*wēofod*, *weobedd*) ‘алтарь’, *mynster* ‘монастырь’, *ciricean* (*cirican*) ‘церковь’, *lif* ‘монастырь, обитель’, *gebedhus* ‘часовня, молельня’, *tempel gode* ‘храм Господний’, *godes cyrcan* ‘храм Божий’, *temple* ‘храм, церковь’, *tempel dryhtnes* ‘храм Господний’, *eardunghus* ‘храм, молельня’, *eardungstowa* ‘храм, молельня’.

(12) *Eac ymb þara biscopa lif & forþfore we geacsodan fram þam broðrum þæs mynstres, ðe hi sylf astemnedon, ðe Læstinga ea is nemned* (The Old English Version of Bede’s Ecclesiastical History: 4) ‘И о жизни и смерти этих епископов мы узнали от братьев того монастыря, который они сами построили, и который зовется Ластингемом’.

(13) *Weras on wonge wibed setton neah þam þe Abraham æror rærde his waldende þa westan com* (Bibliothek der angelsächsischen Poesie, Bd. 2: 403) ‘Мужчины на равнине алтарь воздвигли рядом с тем, который Авраам ранее возвел своему Богу, когда с Запада пришел’.

(14) *Þæt anlipige godes tempel wæs wundorlice gecræft þurh gastlicum gerynum* (The Homilies of the Anglo-Saxon Church: 574) ‘Этот уединенный храм Божий был прекрасно построен’.

(15) *Se Kenwealh het atimbrian ða ealdan cyricean on Wintanceastre* (Manuscript B: The Anglo-Saxon Chronicle) ‘Тогда Кенвалх приказал построить большую церковь в Винчестере’.

(16) *Paules mynster forbarn, þy ilcan geare wearð eft gestabelad* (Two of the Saxon Chronicles Parallel: 114) ‘Собор Павла сгорел, и в том же году его начали строить снова’.

3.1.5. Фортификационные сооружения: *burh* ‘крепость, обнесенный стенами город, форт’, *weall* ‘вал, стена’, *weorc* (*geweorc*) ‘крепость, укрепление’, *fæsten* ‘крепость,

укрепления, вал', *castel* 'крепость', *ceastre* (*ceaster*) 'крепость', *torr* 'башня', *wighús* 'башня, укрепление', *becn* 'сигнальная башня', *wah* 'стена'.

(17) *Se casere het ahebban ænne wah* (An Anglo-Saxon Dictionary Supplement: 30) 'Император приказал построить стену'.

(18) *Syndon þa foreweallas fægre gesteppe* (Two Old English Poems: 18) 'Были эти стены великолепно построены'.

(19) *þæs on Eastron worhte Ælfred cyning lytle werede geweorc æt Æþelingaeigge* (Two of the Saxon Chronicles Parallel: 76) 'Потом на Пасху король Альфред с небольшим отрядом построил укрепление на острове Этелни'.

(20) *Her todælde se foresprecena here on tu, oper dæl east. oper dæl to Hrofesceastre; ymbsæton ða ceastre, worhton oper fæsten ymb hie selfe* (Two of the Saxon Chronicles Parallel: 78) 'Тогда армия, о которой уже шла речь, поделилась надвое, одна часть осталась на востоке, а часть подошла к Рочестеру. Они осадили город и построили собственные укрепления'.

(21) *Man þa burh worhte and getrymode æt Witanham* (Manuscript D: The Anglo-Saxon Chronicle) 'Люди бург построили и укрепили (возвели укрепления) в Витангеме'.

3.1.6. Корабли, суда: *langscipu* 'корабль, лодка', *æsc* 'лодка, корабль', *fæt* 'судно, корабль', *bat* 'лодка, корабль, судно'.

(22) *þa het Ælfred cyng timbran langscipu ongen ða æscas* (Two of the Saxon Chronicles Parallel: 90) 'Затем король Альфред приказал построить длинные корабли, чтобы сражаться с эсками'.

(23) *Se bat wæs geworht of þridan healfre hyde þe hi on foron* (Two of the Saxon Chronicles Parallel: 82) 'Лодка, на которой они плыли, была сооружена из двух с половиной шкур'.

3.1.7. Другие сооружения: *becn* 'маяк', *byrgen* 'склеп', *brycg* 'мост', *stret* (*stræt*) 'дорога, улица', *an-lícnes* 'статуя, идол'.

(24) *Ceastre and torras and stræta and brycge geworhte wæron* (An Anglo-Saxon Dictionary Supplement: 108) 'Замки, башни, дороги и мосты были сооружены'.

(25) *He ne gemunde ða, for ðam micclum gramam, ðære leasan brycge þe he alecgan het* (The Homilies of the Anglo-Saxon Church, Vol. 2: 304) 'Он не вспомнил в своей ярости фальшивый мост, который он приказал построить'.

3.2. Материал строительства. По данным анализа контекстов, в которых исследуемые глаголы употребляются в древнеанглийских рукописях, основным материалом строительства в древнеанглийский период оказываются древесина и камень,

выраженные лексемами *treow* ‘дерево, древесина’, *beam* ‘дерево, древесина, ствол, колонна’ и *stan* ‘камень’ соответственно. Такие контексты встречаются, в основном, в источниках, повествующих об истории английского народа.

(26) *Dis wæs gedon on Eoferwic. þær he ær het getimbrian cyrican of treowe, seo wæs gehalgod on sancte Petres naman. Þær se cining sealde Pauline biscopsetl. þær he het eft timbrian maran cyrican of stane* (The Anglo-Saxon Chronicle: A collaborative edition: 24) ‘Это было сделано в Йорке, где он сначала приказал построить церковь из дерева, которую освятили именем святого Петра. Там король предоставил Паулину престол епископа, там он приказал затем построить большую церковь из камня’.

(27) *Onð þa æfter þon het Neron gewyrcean mycelne tor of treowum & of mycclum beamum* (The Blickling Homilies: 187) ‘И после этого приказал Нерон построить большую башню из дерева и больших бревен’.

(28) *Þa gewunade Oswia se cyning, þæt he hine trymede & lærde, þætte he ongete þætte ne meahthen godo beon, þa ðe monna hondum geworhte wæron of eorðlicum timbre, oðþe of treóm, oðþe of stanum* (The Old English Version of Bede’s Ecclesiastical History of the English People: 224) ‘В то время король Освия имел обыкновение переубеждать его и учить его понимать, что это не могли быть могущественные боги, которые были созданы человеческими руками из земного материала, либо дерева, либо камня’.

Как показывает анализ материала, слова, с помощью которых актуализируется сема материала строительства в древнеанглийском значении ‘строить’, не всегда прямо сочетаются с глаголами строительства, как в приведенных выше примерах. В некоторых случаях употребляются адъективные производные от этих лексем, которые характеризуют объект строительства (например, *stænen* ‘каменный’), в других случаях такие слова составляют часть сложного слова, обозначающего объект строительства (например, *treowgeweorc* ‘деревянная постройка’). Другими словами, в ряде контекстов слова, обозначающие материал строительства в древнеанглийском языке, связаны не с глаголами строительства, а с лексемами, обозначающими объект строительства.

(29) *Ne meahthe hie gewurðan weall stænenne up forð timbran, ac hie earmlice hearum tohlocon, hleoðrum gedælde* (Bibliothek der angelsächsischen Poesie, Bd. 2: 395) ‘Не смогли они объединиться, чтобы дальше каменную стену строить, потому что они разделились на племена, разрозненные языком’.

(30) *Is ofer his byrgenne stowe treowgeweorc on gelicnesse medmicles huses geworht mid hrægle gegyrwed*. (The Old English Version of Bede’s Ecclesiastical History: 272) ‘На месте, где его похоронили, соорудили деревянную постройку, похожую на небольшой дом с навесом’

В религиозно-дидактических текстах, к которым относятся проповеди ученого монаха Эльфрика, можно найти упоминание и о другом материале строительства. Следует отметить, что в таких контекстах глаголы строительства употребляются как в прямом (31), так и в переносном значении (32), в отличие от контекстов, связанных с описанием исторических событий, в которых реализуются периферийные семы объекта и материала строительства в пределах только прямого значения.

(31) *Hi worhton him anlicnyssa, sume of golde, sume of seolfre, sume of stānum, sume of treōwe, and sceopon him naman* (The Homilies of the Anglo-Saxon Church, Vol. 1: 22) ‘Они воздвигли им статуи, одни из золота, другие из серебра, камня и дерева, и придумали им имена’.

(32) *Swa hwa swa getimbrað ofer ðisum grundwealle gold oððe seolfor, oððe deorwurðe stanas, oððe treowa, strew, oððe ceaf, anes gehwilces mannes weorc bið swutel* (The Homilies of the Anglo-Saxon Church, Vol. 2: 588) ‘Кто бы ни строил на этом фундаменте из золота, или серебра, или драгоценных камней, или дерева, или соломы, действие каждого человека будет понятным’.

4. Выводы. Таким образом, древнеанглийское значение ‘строить’ состоит из ядерных и периферийных сем. К ядерным семам, которые обнаруживаются в словарных дефинициях древнеанглийских глаголов строительства, относятся интегральная сема ‘строить, сооружать’ и несколько дифференциальных сем, указывающих на направление строительства, место, способ и цель создания сооружения, повторяемость действия или его невыполненный характер. Периферийные семы исследуемого значения добавляют информацию об объекте строительства, которым в древнеанглийский период являются не только отдельные сооружения, но и целые комплексы строений, а также о материале строительства в данный период. Такие семы не фиксируются словарями. Способом их актуализации в речи являются лексические единицы, с которыми древнеанглийские глаголы сочетаются в конкретном контексте. Анализ этих лексем позволяет не только установить периферийную семантику древнеанглийских глаголов строительства, но и выявить тенденцию к формированию их переносных значений в изучаемый период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка // Избранные труды: Лексикология и лексикография. Москва: Наука, 1977. С. 47-68.
2. Ветрова Э. С. Этикетные речевые единицы в сопоставительном аспекте. Донецк: ДонНУ, 2018. 399 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т. 15).

3. Влавацкая М. В. Теоретические основы комбинаторной лингвистики: лексикологический и лексикографический аспекты (на материале русского и английского языков): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Кемерово, 2013. 51 с.
4. Гапотченко Н. Е. Лингвокультурологический аспект официальных франкоязычных дискурсов в XX-XXI столетиях // Современные технологии обучения иностранным языкам. Ульяновск, 2015. С. 101-106.
5. Державина Е. И. История группы глаголов с общим значением «делать» в русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Москва, 1984. 19 с.
6. Громова Е. А. Диахронические изменения словарного состава английского языка: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Ростов-на-Дону, 2011. 215 с.
7. Калиущенко В. Д. Немецкие отыменные глаголы: синхрония, диахрония, типология. Донецк: ДонНУ, 2019. 250 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т. 17).
8. Карасенко Е. А. Фономорфологические и семантические особенности суффиксальных наименований мужчин в средневерхненемецком языке // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ, 2017. Т. 13. Вып. 1-2 (35-36). С. 48-57.
9. Климова В. В. Историко-семасиологическое исследование английских глаголов со значением «строить» в аспекте системных отношений: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Ленинград, 1981. 181 с.
10. Кремзикова С. Е. Лингвокогнитивные основы моделирования деятельностных ситуаций в дискурсе конфронтации (диахронический аспект) // Актуальные проблемы романской филологии. Минск, 2023. С. 31-38.
11. Левицкий В. В. Семасиология. Винница: Нова Книга, 2006. 512 с.
12. Лянзбург О. В. История слов-обозначений духа и души: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва, 2003. 155 с.
13. Нильсен Е. А. Лексико-семантическое поле звукообозначений в английском языке: Синхронный и диахронический аспекты: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Санкт-Петербург, 2001. 233 с.
14. Маклакова Е. А., Стернин И. А. Теоретические проблемы семной семасиологии. Воронеж: «Истоки», 2013. 277 с.
15. Подгайская И. М. Парадигматические связи древнеанглийских глаголов со значением 'строить' // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ, 2019. Т. 15. Вып. 1-2 (43-44). С. 43-50.
16. Растворова Ю. С. Анализ языковых средств и форм материальной культуры в исследованиях концепта ЖИЛИЩЕ в древнеанглийский период // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Санкт-Петербург, 2015. Вып. 2. Т. 1. № 2. С. 233-244.
17. Ус Ю. Н. Вторичная номинация цветообозначения *blau* 'голубой, синий' в немецком языке (диахронический аспект) // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2024. Т. 20. № 2 (64). С. 25-33.
18. Ягупова Л. Н. Корпусное исследование имен существительных с префиксом *ir-* (на материале средневерхненемецкого языка) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023. Т. 20. С. 339-355.
19. Dance Richard. Getting a word in: Contact, etymology and English vocabulary in the twelfth century // *Journal of the British Academy*. 2014. Vol. 2. P. 153-211.
20. Kilpiö Matti. Old English Vocabulary Dealing with Translation // *Neuphilologische Mitteilungen*. 2010. Vol. 111. No. 2. P. 153-165.
21. Koptjevskaja-Tamm M. Approaching Lexical Typology // From Polysemy to Semantic Change: Towards Typology of Lexical Semantic Associations. John Benjamins

Publishing Company, 2008. P. 3-54.

22. Stockwell Robert, Minkova Donka. English Words: History and Structure. Cambridge: Cambridge University Press. 2009. 220 p.

23. Taranu Catalin. Senses of the Past: The Old English Vocabulary of History // Florilegium. 2012. Vol. 29. P. 65-88.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth. Ed. And Enlarged by T. Northcote Toller. Oxford University Press, 1898. 1302 p.

2. An Anglo-Saxon Dictionary Supplement. Ed. By T. Northcote Toller. Oxford University Press, 1921. 768 p.

3. The Oxford English Dictionary. Oxford University Press, 2009. 1 электрон. Опт. Диск (CD-ROM): Windows 98/2000/XP. Загл. с экрана.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. The Anglo-Saxon Chronicle: A collaborative edition: Vol. 7. MS E: A semi-diplomatic edition with introduction and indices. Ed. By S. Irvine. Cambridge: D. S. Brewer, 2004. 354 p.

2. The Anglo-Saxon Version of the Holy Gospels. Ed. By Benjamin Thorpe from the Original Manuscripts. New York: George P. Putnam, 155 Broadway. Ad 112 Strand, London, 1848. 243 p.

3. Beowulf with the Finnsburg Fragment / Ed. By A. J. Wyatt / New edition revised with introduction and notes by R.W. Chambers. Cambridge: at the University Press, 1914. 256 p.

4. Bibliothek der angelsächsischen Poesie begründet von C.W.M. Grein; neu bearbeitet von R.P.Wülker. Leipzig: Georg H. Wigand's Verlag, 1894. Bd. 2. 570 S.

5. Bibliothek der angelsächsischen Poesie begründet von C.W.M. Grein; neu bearbeitet von R.P.Wülker. Leipzig: Georg H. Wigand's Verlag, 1898. Bd. 3. 490 S.

6. The Blickling Homilies of the Tenth Century edited with a translation and index of words by R. Morris. London: N. Trübner & Co., 57 and 59 Ludgate Hill, 1880. 410 p.

7. The Homilies of the Anglo-Saxon Church. The first part, containing the Sermones Catholici, or Homilies of Ælfric. In the original Anglo-Saxon, with an English Version. Ed. By B. Thorpe. London: Printed for the Ælfric Society, 1844. Vol. 1. xv, 624 p.

8. The Homilies of the Anglo-Saxon Church The first part, containing the Sermones Catholici, or Homilies of Ælfric. In the original Anglo-Saxon, with an English Version. Ed. By B. Thorpe. London: Printed for the Ælfric Society, 1846. Vol. 2. vii, 614 p.

9. King Alfred's Anglo-Saxon Version of the Compendious History of the World by Orosius; Ed. By J. Bosworth. London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1959. 576 p.

10. Manuscript B: Cotton Tiberius B.iv // The Anglo-Saxon Chronicle: An Electronic Edition (Vol 2) literary edition. Available at: <http://asc.jebbo.co.uk/b/b-L.html>. (accessed: 30.11.2024).

11. Manuscript D: Cotton Tiberius B.iv // The Anglo-Saxon Chronicle: An Electronic Edition (Vol 4) literary edition. Available at: <http://asc.jebbo.co.uk/d/d-L.html>. (accessed: 30.11.2024)

12. The Old English Version of Bede's Ecclesiastical History of the English People. Ed. With a Translation and Introduction by Th. Miller. London: N. Trübner & Co., 57 and 59 Ludgate Hill, 1890. Part I. Section 1. 279 p.

13. The Rule of S. Benet. Latin and Anglo-Saxon interlinear version. Ed. With an introduction and notes by H. Logeman. London: N. Trübner and Co., 57 and 59 Ludgate Hill, 1888. 183 p.

14. Two of the Saxon Chronicles Parallel: A revised text; Ed. By Ch. Plummer; on the

basis of an edition by J. Earle. Oxford: At the Clarendon Press, 1892. Vol. 1: Text, Appendices and Glossary. 434 p.

15. Two Old English Poems preserved in MS Junius 11 in the Bodleian Library of the University of Oxford, England. Ed. By Blackburn F.A. Lexington, Massachusetts: D.C. Heath and Co., 1907. 234 p.

REFERENCES

1. Vinogradov, V. V. (1977). Ob osnovnom slovarnom fonde i ego slovoobrazuyushey roli v istorii yazyka [On the Basic Lexical Layer and its Word-building Function in the History of the Language] In *Izbrannyye trudy: Leksikologiya i leksikografiya*. Moskva: Nauka. Pp. 47-68. (In Russ.)

2. Vetrova, E. S. (2018). *Etiketnye rechevye edinitiy v sopostavitel'nom aspekte* [Etiquette Speech Units in the Comparative Aspect]. Donetsk: DonNU. (Tipologicheskie, sopostavitel'nye, diakhricheskie issledovaniya; Vol. 15). (In Russ.)

3. Vlavatskaya, T. V. (2013). *Teoreticheskie osnovy kombinatornoj lingvistiki: leksikologicheskiy i leksikograficheskiy aspekty (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Theoretical Foundations of Combinatorial Linguistics: Lexicological and Lexicographic Aspects (Based on the Russian and English Languages)]: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. Kemerovo. (In Russ.)

4. Gapotchenko, N. E. (2015). Lingvokulturologicheskiy aspekt ofitsialnykh frankoyazychnykh diskursov v XX-XXI stoletiyakh [Linguocultural Aspect of French-language Discourses in the 20th-21st Centuries]. In *Sovremennyye tekhnologii obucheniya inostrannym yazykam*. Ulyanovsk. Pp. 101-106. (In Russ.)

5. Derzhavina, E. I. (1984). Istoriya gruppy glagolov s obschim znacheniem «delat» v russkom yazyke [History of the Group of Verbs Having the Common Meaning of Doing in Russian]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Moskva. (In Russ.)

6. Gromova, E. A. (2011). *Diakhricheskie izmeneniya slovarnogo sostava angliyskogo yazyka* [Diachronic Changes of the English Word-stock]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Rostov-na-Donu. (In Russ.)

7. Kaliuščenko, V. D. (2019). *Nemetskie otymennyye glagoly: sinkhroniya, diakhroniya, tipologiya* [German Verbs Derived from Nouns: Synchrony, Diachrony, Typology]. Donetsk: DonNU. (Tipologicheskie, sopostavitel'nye, diakhricheskie issledovaniya; Vol. 17). (In Russ.)

8. Karasenko, E. A. (2017). Fonomorfologicheskie i semanticheskie osobennosti suffiksalnykh naimenovaniy muzhchin v sredneverkhnemetskom yazyke [Phonomorphological and Semantic Peculiarities of Derivatives Denoting Men in Middle High German]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. Vol. 13. Iss. 1-2 (35-36). Pp. 48-57. (In Russ.)

9. Klimova, V. V. (1981). *Istoriko-semasiologicheskoe issledovanie angliyskikh glagolov so znacheniem 'stroit' v aspekte sistemnykh otnosheniy* [Historical-semasiological Investigation of English Verbs with the Meaning of Building in Terms of Their Systemic Relations]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Leningrad. (In Russ.)

10. Kremzikova, S. E. (2023). Lingvokognitivnye osnovy modelirovaniya deyatel'nostnykh situatsiy v diskurse konfrontatsii (diakhricheskiy aspekt) [Linguocognitive Foundations of Modelling Activity Situations in the Discourse of Confrontation (Diachronic Aspect)]. In *Aktual'nye problemy romanskoy filologii*. Minsk. Pp. 31-38. (In Russ.)

11. Levitskiy, V. V. (2006). *Semasiologiya* [Semasiology]. Vinnitsa: Nova Knyga. (In Russ.)

12. Lyanzburg, O. V. (2003). *Istoriya slov-oboznacheniy dukha i dushi* [History of Words Denoting Spirit and Soul]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Moskva. (In Russ.)

13. Nilsen, E. A. (2001). *Leksiko-semanticheskoe pole zvukooboznacheniy v angliyskom yazyke: Sinkhronnyy i diakhricheskiy aspekty* [Lexical-semantic Field of Words Denoting

Sound in English: Synchronic and Diachronic Aspects]: diss. ... kand.filol.nauk: 10.02.04. Sankt-Peterburg. (In Russ.).

14. Maklakova, E. A., Sternin, I. A. (2013). *Teoreticheskie problemy semnoj semasiologii* [Theoretical Problems of Seme Semasiology]. Voronezh: Istoki. (In Russ.)

15. Podgaiskaya, I. M. (2019). Paradigmatische svyazi drevneangliyskikh glagolov so znacheniem 'stroit' [Paradigmatic Relations of Old English Verbs Having the Meaning of Building]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. Vol. 15. Iss. 1-2 (43-44). Pp. 43-50. (In Russ.)

16. Rastvorova, Yu. S. (2015). Analiz yazykovykh sredstv i form materialnoy kultury v issledovaniyakh kontsepta ZHILISCHE v drevneangliyskiy period [Analysis of Language Means and Forms of Material Culture in the Investigations of the Concept DWELLING in the Old English Period]. In *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*. Sankt-Peterburg. Iss. 2. Vol. 1. Pp. 233-244 (In Russ.).

17. Us, Yu. N. (2024). Vtorichnaya nominatsiya tsvetooboznacheniya *blau* 'goluboy, siniy' v nemetskom yazyke (diakhronicheskiy aspekt) [Secondary Nomination of the Colour Designation *Blau* 'Blue' in German (Diachronic Aspect)]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Vol. 20. Iss. 2 (64). Pp. 25-33. (In Russ.)

18. Yagupova, L. N. (2023). Korpusnoe issledovanie imen suschestvitelnykh s prefiksom *ur-* (na materiale sredneverkhnenemetskogo yazyka) [The Corpus Investigation of the Nouns with the Prefix *ur-* (based on Middle High German)]. In *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov*. Vol. 20. Pp. 339-355. (In Russ.)

19. Dance, Richard. (2014). Getting a word in: Contact, etymology and English vocabulary in the twelfth century. In *Journal of the British Academy*. Vol. 2. Pp. 153-211.

20. Kilpiö, Matti. (2010). Old English Vocabulary Dealing with Translation. In *Neuphilologische Mitteilungen*. Vol. 111. No. 2. Pp. 153-165.

21. Koptjevskaja-Tamm, M. (2008). Approaching Lexical Typology. In *From Polysemy to Semantic Change: Towards Typology of Lexical Semantic Associations*. John Benjamins Publishing Company. Pp. 3-54.

22. Stockwell, Robert and Minkova, Donka. (2009). *English Words: History and Structure*. Cambridge: Cambridge University Press.

23. Taranu, Catalin. (2012). Senses of the Past: The Old English Vocabulary of History. In *Florilegium*. Vol. 29. Pp. 65-88.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth*; Ed. And Enlarged by T. Northcote Toller. Oxford University Press, 1898.

2. *An Anglo-Saxon Dictionary Supplement*; Ed. By T. Northcote Toller. Oxford University Press, 1921.

3. *The Oxford English Dictionary*. Oxford University Press, 2009. 1 elektron. Opt. Disk (CD-ROM): Windows 98/2000/XP. Zagl. s ekrana.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *The Anglo-Saxon Chronicle: A collaborative edition: Vol. 7. MS E: A semi-diplomatic edition with introduction and indices*. Ed. By S. Irvine. Cambridge: D. S. Brewer, 2004.

2. *The Anglo-Saxon Version of the Holy Gospels*. Ed. By Benjamin Thorpe from the Original Manuscripts. New York: George P. Putnam, 155 Broadway. Ad 112 Strand, London, 1848.

3. *Beowulf with the Finnsburg Fragment*. Ed. By A. J. Wyatt; New edition revised with introduction and notes by R.W. Chambers. Cambridge: at the University Press, 1914.

4. *Bibliothek der angelsächsischen Poesie* begründet von C.W.M. Grein; neu bearbeitet von R.P.Wülker. Leipzig: Georg H. Wigand's Verlag, 1894. Bd. 2.

5. *Bibliothek der angelsächsischen Poesie* begründet von C.W.M. Grein; neu bearbeitet von R.P. Wülker. Leipzig: Georg H. Wigand's Verlag, 1898. Bd. 3.

6. *The Blickling Homilies of the Tenth Century* edited with a translation and index of words by R. Morris. London: N. Trübner & Co., 57 and 59 Ludgate Hill, 1880.

7. *The Homilies of the Anglo-Saxon Church*. The first part, containing the Sermones Catholici, or Homilies of Ælfric. In the original Anglo-Saxon, with an English Version. Ed. By B. Thorpe. London: Printed for the Ælfric Society, 1844. Vol. 1.

8. *The Homilies of the Anglo-Saxon Church*. The first part, containing the Sermones Catholici, or Homilies of Ælfric. In the original Anglo-Saxon, with an English Version. Ed. By B. Thorpe. London: Printed for the Ælfric Society, 1846. Vol. 2.

9. *King Alfred's Anglo-Saxon Version of the Compendious History of the World by Orosius*. Ed. By J. Bosworth. London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1959.

10. *Manuscript B: Cotton Tiberius B.iv*. In *The Anglo-Saxon Chronicle: An Electronic Edition* (Vol. 2) literary edition. Available at: <http://asc.jebbo.co.uk/b/b-L.html>. (accessed: 30.11.2024).

11. *Manuscript D: Cotton Tiberius B.iv*. In *The Anglo-Saxon Chronicle: An Electronic Edition* (Vol. 4) literary edition. Available at: <http://asc.jebbo.co.uk/d/d-L.html>. (accessed: 30.11.2024).

12. *The Old English Version of Bede's Ecclesiastical History of the English People*. Ed. With a Translation and Introduction by Th. Miller. London: N. Trübner & Co., 57 and 59 Ludgate Hill, 1890. Part I. Section 1.

13. *The Rule of S. Benet*. Latin and Anglo-Saxon interlinear version. Ed. With an introduction and notes by H. Logeman. London: N. Trübner and Co., 57 and 59 Ludgate Hill, 1888.

14. *Two of the Saxon Chronicles Parallel: A revised text*. Ed. By Ch. Plummer; on the basis of an edition by J. Earle. Oxford: At the Clarendon Press, 1892. Vol. 1: Text, Appendices and Glossary.

15. *Two Old English Poems preserved in MS Junius 11 in the Bodleian Library of the University of Oxford, England*. Ed. By Blackburn F.A. Lexington, Massachusetts: D.C. Heath and Co., 1907.

Подгайская Ирина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода (e-mail: irina-podgaiskaya@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Podgaiskaya Irina M. – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Translation Studies Department (e-mail: irina-podgaiskaya@mail.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University»
24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 09 декабря 2024 г.

ТОПОЛОГИЯ ПАМЯТНЫХ РЕЧЕНИЙ: ОТ ЦИТАТЫ К ИДИОМЕ И ТЕРМИНОЛОГИЗМУ

На материале английского языка в статье рассматривается бытование в речи хорошо известных в культуре и часто воспроизводимых в дискурсах разного типа высказываний. Методами филологической топологии прослеживается путь их развития от цитаты к постепенно утрачивающему авторство крылатым словам и, в конечном итоге, к общеязыковой идиоме или терминологическому фразеологизму (терминологизму).

Ключевые слова: филологическая топология, цитата, крылатые слова, фразеологизм, идиома, терминологический фразеологизм, терминологизм.

TOPOLOGY OF MEMORABLE UTTERANCES: FROM QUOTATION TO IDIOM AND TERMINOLOGICAL PHRASEOLOGICAL UNIT

Using the material of the English language, the article considers the use of well-known utterances often reproduced in discourses of different types. The methods of philological topology are used to trace the development of these utterances from a quotation to winged words that gradually lose their authorship and, finally, to an idiom or terminological phraseological unit (terminologism).

Key words: philological topology, quotation, winged words, phraseological unit, idiom, terminological phraseological unit, terminologism.

1. Введение. Одним из направлений исследований, активно развиваемых в рамках школы англистики МГУ имени М. В. Ломоносова с конца 1970-х гг., является изучение варьирования и инвариантности разнообразных филологических объектов – от отдельных слов до целых текстов, получившее название филологической топологии [Полубиченко, 2017]. Ценным объектом топологических исследований показали себя популярные и часто воспроизводимые цитаты, позволяющие – в силу своей краткости и наличия большого количества разнообразных вариантов воспроизведения – в компактной форме наглядно продемонстрировать применение топологических методов анализа и внести вклад в разработку актуальной проблематики влияния отдельной языковой личности на коллективное языковое сознание социума, изучив закономерности вхождения авторских речений в лингвокультуру и существования в ней и выяснив способствующие этому обстоятельства [Полубиченко, Андросенко, 1989; Бахтуева, 2020; Абрамова, Никитина, 2021]. Было установлено [Полубиченко, 2018], что онтологию так называемых гномических цитат определяет их содержательная сторона (в топологических терминах – семантический инвариант), сконцентрированная в нескольких полнозначных словах,

которые закрепляются в сознании говорящих в первую очередь, а потом воспроизводятся, меняются местами и обыгрываются в их речи. Магистральным путем развития таких цитат в лингвокультуре является их переход с этического на эмикий уровень с естественным изменением при этом своей природы: постепенная утрата языковым сообществом представления об авторстве речения и превращение его из прямой цитаты в крылатые слова, а затем нередко и во фразеологизм (идиому / пословицу / поговорку).

2. Задачи и материал исследования. Малоисследованным аспектом этой проблематики, однако, остается вопрос о роли в данном процессе функционально-стилистической принадлежности текстов – как исходного, из которого заимствуется цитата, так и принимающих. Постараемся пролить на этот вопрос некоторый свет, проанализировав судьбу нескольких известных высказываний из богатого цитатного наследия двух выдающихся английских писателей – Дж. Р. Киплинга (1865–1936) и его младшего современника Джорджа Оруэлла (1903–1950), пополнивших английский язык целым рядом новых слов, выражений и памятных речений, что подтверждается словарями цитат. Произведения этих авторов и цитаты из них ярко свидетельствуют об общности их происхождения и профессиональных интересов, как и о полной противоположности политических взглядов [Ferreira, 2017; Saputri, 2021; Ehrhart, 2023].

3. Ход исследования: цитаты Киплинга. Обратимся к примерам. Стихотворение Киплинга «Mandalay» (1890) получило широкую известность в частности благодаря тому, что было несколько раз положено на музыку и в версии американского композитора Оли Спикса стало популярной песней (1907). Вот начало шестой, завершающей стихотворение строфы:

*Ship me somewheres east of Suez, where the best is like the worst,
Where there aren't no Ten Commandments an' a man can raise a thirst;
For the temple-bells are callin', an' it's there that I would be
By the old Moulmein Pagoda, looking lazy at the sea <...> [Rudyard Kipling «Mandalay»].*

Воплощенное в стихотворении ностальгическое представление о далеком мире «к востоку от Суэца», «где ни заповедей нету, ни на жизнь запрета нет» (русский перевод Е. Полонской, 1935), сконцентрировалось во фразе *East of Suez*, получившей настолько широкое распространение в британском обществе, что в 1922 г. Сомерсет Моэм выбрал ее в качестве аллюзивного заглавия для своей пьесы, экранизированной в 1925 г. под тем же названием кинокомпанией Paramount Pictures с голливудской мегазвездой эпохи немого кино Полой Негри в главной роли. Об известности фразы, постепенно превратившейся в идиому, свидетельствует и ее постоянное обыгрывание, прежде всего в заглавиях самых разных произведений – художественных, публицистических и даже научных: *North of Suez* (книга писателя Уильяма Макфи, 1930), *West of Suez* (англо-американский фильм, 1957;

пьеса Джона Осборна, 1971), *Somewhere West of Suez!* (заглавие политической карикатуры, 1950), *West of Suez: Britain and the Mediterranean, 1704–1967* (название выставки в Лондоне, 2016), *Somewhere South of Suez* (книга журналиста Дугласа Рида, 1951), «*East of Malta, West of Suez*» (монография политолога Лоренса Р. Пратта, 1975), *East and West of Suez: Receding Frontiers* (название главы из книги историка Стюарта Уорда, 2023) и т. д.

Если в обыденном сознании британцев вычленившаяся из киплингской цитаты фраза *East of Suez* превратилась, вобрав в себя все ассоциации и коннотации текста-источника, в собирательное название экзотичных восточных стран, где можно наслаждаться жизнью, презрев моральные запреты «цивилизованной» метрополии, то для британских политиков она стала терминологическим обозначением доктрины военно-политического присутствия Великобритании в «регионе, омываемом водами Индийского океана, включая Персидский залив, восточное побережье и Юг Африки, Южную и Юго-Восточную Азию, а также Австралию» [Годованюк, 2018: 120]. Специальная литература изобилует толкованиями этого термина, сводящимися к тому, что он вводит в заблуждение своей, на первый взгляд, чисто географической принадлежностью, тогда как на самом деле речь идет о «мобильных вооруженных формированиях с остатками сети военных баз» («the term ‘east of Suez’ was a misnomer for mobile forces together with the remnants of the base chain» [Darby, 1970: 655]). Это новое значение данного устойчивого выражения предопределило его употребление в работах историков и политологов уже не в функции обстоятельства места, а в характерной для единиц субстантивного характера роли подлежащего, дополнения или определения (по типичной для английского языка модели N + N): *East of Suez was sacrificed at the altar of the European Economic Community*, *Ending ‘East of Suez’: The British Decision to Withdraw from Malaysia and Singapore 1964-1968*, *Britain’s ‘East of Suez’ role*, *Britain’s East of Suez decision*, *The East of Suez basing strategy*, *America’s ‘East of Suez’ Moment*, *an East of Suez ghost* и пр. Иными словами, здесь мы имеем дело уже не с общеязыковой идиомой, а с неоднословным обозначением специального понятия, особым образом сочетающим в себе характеристики фразеологической единицы и термина: утрачивая свойственные фразеологизмам образность, эмоциональность и оценочность, данная единица формирует вполне конкретное, терминологическое значение, обеспечивающее ей место в соответствующей терминосистеме, то есть превращается в терминологический фразеологизм, или терминологизм [Никулина, 2005].

Быстрой популяризации знаменитой киплингской фразы *the white man’s burden* (бремя белого человека, миссия белого человека либо бремя белых – в зависимости от

перевода) способствовало не только то, что – в отличие от предыдущей – она была вынесена автором в сильную позицию заглавия стихотворения, но и, главным образом, то обстоятельство, что это произведение появилось не в поэтическом сборнике или собрании сочинений писателя, а было опубликовано практически одновременно сразу в двух центральных газетах США и Великобритании – «The New York Sun» (1 февраля 1899) и «The Times» (4 февраля 1899) – в контексте только что завершившейся Испано-американской войны, в результате которой к США отошли принадлежавшие Испании с XVI века Куба, Пуэрто-Рико и Филиппины, и начинающейся войны Филиппинской Республики с Америкой за свою независимость. Отличавшийся имперским сознанием Киплинг напоминал американцам в стихах об огромной ответственности, налагаемой на них «бременем белых», и о предстоящей им большой и трудной работе на новых зависимых от них территориях. Цитата немедленно ушла в народ, запомнилась, но в ядре ее инвариантного значения оказалась уже не киплинговская мысль об ответственности и тяжком труде «белых», а утверждение культурной неполноценности «цивилизуемых» народов, не принимающих ценностей колонизаторов и сопротивляющихся их руководству. Сразу же после публикации киплинговского стихотворения, когда начали массово появляться стихотворные произведения и публицистические тексты, оспаривающие его позицию и иронично или пародийно искажающие его ставшие крылатыми слова (*black / brown / yellow man's burden*), выяснилось, что закрепившееся в сознании носителей английского языка инвариантное представление о форме данной цитаты, обеспечивающее ее узнавание, допускает возможность замены одного (первая, вторая и третья группы примеров ниже) и даже двух (последняя группа примеров) из трех полнозначных компонентов ее трехчленной структуры Adj. + N's + N:

- *red / blue / green / poor / rich / simple / etc. man's burden*
- *white woman's / child's / mom's / Christian's / etc. burden*
- *white man's dilemma / problem / game / decision / grave / work / duty / choice /*
- *black woman's burden / black mothers' burden / etc.*

Столь широкое варьирование данного памятного речения свидетельствует о том, что рожденная Киплингом в конце позапрошлого века фраза, обретя «крылатость», быстро оторвалась от исходного контекста и своего автора, попала благодаря переводу и в другие языки (см., например: [БСКСРЯ], [ЭСКСВ]), несколько переосмыслилась, приобретя исключительно отрицательные коннотации, и в конце концов превратилась в идиому со значением «*Offensive. The belief of white European colonizers that they had a moral obligation to enforce their culture, religion, and ethics on the indigenous populations they enslaved or conquered*» [FDI] – «*Оскорбительно. Вера белых европейских колонизаторов в то, что они*

несут моральную ответственность за навязывание своей культуры, религии и этики коренному населению, которое они поработили или завоевали», употребляемую сегодня либо в деформированном виде, либо в ироническом ключе.

Аналогичные метаморфозы происходят и с целым рядом других памятных речений из художественных произведений Киплинга, породивших не только идиомы, но и термины разных наук (см. подробнее в [Полубиченко, 2024]). *Just-so story* (от названия сборника киплинговских сказок), например, используется в эволюционной биологии развития, социобиологии, эволюционной психологии, поведенческой экологии и ряде других научных дисциплин, возникших на стыке естественных и гуманитарных наук, для уничижительного обозначения не поддающихся проверке истолкований биологических признаков, а также культурных или поведенческих особенностей людей или животных.

4. Ход исследования: цитаты Оруэлла. Джордж Оруэлл, в свою очередь, также обогатил идиоматику английского языка и научную терминологию целым рядом единиц. В частности, именно он ввел в употребление выражение *cold war* в своем эссе, написанном после атомной бомбардировки американцами Хиросимы и Нагасаки: «<...> *the kind of world-view, the kind of beliefs, and the social structure that would probably prevail in a state which was at once both unconquerable and in a permanent state of 'cold war' with its neighbors*» [George Orwell «You and the Atomic Bomb»] ‘<<...> такую идеологию, систему ценностей и социальную структуру, которые будут преобладать в государстве, одновременно непобедимом и находящемся в состоянии вечной «холодной войны» со своими соседями» (Дж. Оруэлл «Вы и атомная бомба»)’. Подхваченное политиками и журналистами, это метафорическое выражение быстро стало крылатым и вошло в общий язык в качестве идиомы в значении «a conflict over ideological differences carried on by methods short of sustained overt military action and usually without breaking off diplomatic relations» и даже еще шире – «a condition of rivalry, mistrust, and often open hostility short of violence especially between power groups (such as labor and management)» [MWD], а также в терминосистеме исторических, политических и социологических наук как терминологизм, обозначающий гораздо более узкое и конкретное понятие: «*specifically, often capitalized C&W: the ideological conflict between the U.S. and the Soviet Union during the second half of the 20th century*» [MWD]. Отметим, что в полном соответствии с выявленными филологической топологией тенденциями бытования в языке освоенных до состояния идиомы гномических цитат, выражение *cold war* нередко обыгрывается, причем ключевое слово *war* обычно остается неизменным, тогда как «температура» конфликта варьируется: *tepid war, lukewarm war, hot war* и пр.

Еще один важный аспект интересующей нас проблематики можно рассмотреть на примере цитаты *Big Brother is watching you* из знаменитого романа-антиутопии Оруэлла «1984» (1949), где она фигурирует в качестве подписи под одним из развешанных по всему городу плакатов с изображением внушающего трепет полумифического главы тоталитарного государства Океания. Эта цитата часто воспроизводится и сегодня, обычно в юмористическом контексте с синонимическим варьированием глагола *watch: look at, see, follow, listen to* и др. Гораздо чаще, однако, используется в речи вычленившаяся из полной цитаты краткая фраза *Big Brother*, быстро превратившаяся в идиому со значением «a leader, a person in authority or a government that tries to control every aspect of people's lives» [FPID] и уже с практически неограниченной сочетаемостью, например: *the "Big Brother" approach of the government, Big Brother Brussels telling us what to do, a Big Brother society, a Big Brother state, the 'Big Brother' risk, the EU's 'big brother' spy satellite, a 'Big Brother'-style European judicial system, a European big brother that intercepts everything and keeps everything on file, big-brother-style surveillance, 'Big Brother' technology* и т. д. и т. п.

5. Выводы. Проведенное исследование в очередной раз подтвердило на новом материале вывод филологической топологии о постепенном переходе популярных цитат с этического на эмический уровень: при регулярном воспроизведении в речи такие цитаты со временем отрываются от своего первоисточника, утрачивают авторство и, редуцируясь до 2-3 слов, превращаются в факт языка – фразеологическую единицу, характеризующуюся большей или меньшей степенью идиоматичности [Полубиченко, 2017: 30-88]. Проанализированный материал позволяет также прийти к заключению, что при сочетании определенных условий художественные произведения даже весьма далеких от науки авторов, причем произведения не только прозаические, но и поэтические, вполне способны становиться источниками пополнения терминосистем разных областей знания терминологическими фразеологизмами, также представляющими собой единицы эмического уровня языка. Наиболее существенными среди условий, необходимых для такого развития событий, являются известность цитируемого произведения и/или его автора и попадание цитаты в дискурс средств массовой информации, что при неоднократном воспроизведении как ничто другое способствует популяризации высказывания в обществе, в том числе и в научной среде, открывая возможности для фразеологизации и даже терминологизации. При этом конкретное научное значение появляющихся таким образом фразеологизмов может сосуществовать с их, как правило, значительно более широким и расплывчатым общеязыковым значением, что ставит вопрос о разграничении полисемии и омонимии этимологически связанных идиом и терминологизмов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова А. Г., Никитина А. Ю. Топология цитат в художественном и научном текстах // *Функциональная грамматика: теория и практика: сб. науч. ст. по итогам Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Л. Н. Оркиной. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2021. С. 311-317.*
2. Бахтуева Е. С. Топологический подход к изучению и лексикографической фиксации цитат в свете антропоцентрической парадигмы // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. Т. XVII. Вып. 1. С. 32-36.*
3. Годованюк К. А. Политика Великобритании «к востоку от Суэца» // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 3. С. 120-126.*
4. Никулина Е. А. Терминологизмы как результат взаимодействия и взаимовлияния терминологии и фразеологии современного английского языка: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. Москва, 2005. 40 с.
5. Полубиченко Л. В. *Филологическая топология: теория и практика.* Москва: ФЛИНТА: Наука, 2017. 280 с.
6. Полубиченко Л. В. Топология цитатной речи: от сферы функционирования к сфере фиксации // *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 37-47.*
7. Полубиченко Л. В. Влияние художника слова на язык науки: случай Дж. Р. Киплинга // *Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. Москва: КДУ, 2024. Вып. 5. С. 102-106.*
8. Полубиченко Л. В., Андросенко В. П. Топология цитат в художественной и научной речи // *Филологические науки. 1989. № 3. С. 58-64.*
9. Darby P. Beyond East of Suez // *International Affairs. 1970. Vol. 46. № 4. P. 655-669. DOI: <https://doi.org/10.2307/2614529>.*
10. Ferreira J. Carlos Viana. Orwell on Kipling: an imperialist, a gentleman and a great artist // *ANGLO SAXONICA. Ser. III. 2017. №. 13. P. 59-72. Available at: https://www.academia.edu/113107224/Orwell_on_Kipling_an_imperialist_a_gentleman_and_a_great_artist. (accessed: 11.03.2024).*
11. Saputri L. Imperialism from the Perspectives of Two British Authors, George Orwell and Rudyard Kipling // *Jurnal Bahasa, Sastra, dan Studi Amerika. 2021. Vol 27. № 1. P. 38-45. Available at: <https://jurnal.uns.ac.id/jbssa/article/view/42860/pdf>. (accessed: 11.03.2024).*
12. Ehrhart S. Rudyard Kipling and George Orwell: British Imperialists Under a Mask of Deceit. 2023. Available at: https://www.academia.edu/105437686/Rudyard_Kipling_and_George_Orwell_British_Imperialists_Under_a_Mask_of_Deceit. (accessed: 10.03.2024).

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. *Большой словарь крылатых слов русского языка.* Москва: АСТ: Астрель: Русские словари, 2005. 623 с. [БСКСРЯ].
2. Серов В. В. *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений.* Москва: Локид-Пресс, 2003. Доступ: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/wing-words/index.htm>. (дата обращения: 03.04.2024). [ЭСКСВ].
3. Farlex Dictionary of Idioms. 2015. Available at: <https://idioms.thefreedictionary.com/the+white+man%27s+burden>. (accessed: 15.03.2024). [FDI].
4. Farlex Partner Idioms Dictionary. 2017. Available at: <https://idioms.thefreedictionary.com/big+brother>. (accessed: 12.03.2024). [FPID].
5. Merriam-Webster Dictionary. Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/cold%20war#h1>. (accessed: 11.10.2024) [MWD].

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Оруэлл Дж. Вы и атомная бомба / перевод Ю. Шуваловой. 2020. Доступ: <https://dzen.ru/a/XocpwwsTzwwtW2AF>. (дата обращения: 04.04.2024).
2. Kipling Rudyard. Mandalay. Available at: https://www.kiplingsociety.co.uk/poem/poems_mandalay.htm. (accessed: 02.03.2024).
3. Orwell George. You and the Atomic Bomb. Tribune, 19 October 1945. Available at: https://orwell.ru/library/articles/ABomb/english/e_abomb. (accessed: 02.03.2024).

REFERENCES

1. Abramova, A. G., Nikitina, A. Yu. (2021). Topologiya tsitat v khudozhestvennom i nauchnom tekstakh [Topology of quotations in literary and scientific texts]. In *Funktsionalnaya grammatika: teoriya i praktika: sb. nauch. st. po itogam Vserossiyskoy s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu so dnya rozhdeniya doktora filologicheskikh nauk, professora L. N. Orkinoy*. Cheboksary: Chuvash. gos. ped. un-t. Pp. 311-317. (In Russ.).
2. Bakhtueva, E. S. (2020). Topologicheskii podkhod k izucheniyu i leksikograficheskoy fiksatsii tsitat v svete antropotsentricheskoy paradigmy [Topological approach to the study and lexicographic fixation of quotations: an anthropocentric perspective]. In *Sotsialnye i gumanitarnye nauki na Dalnem Vostoke*. Vol. XVII. No 1. Pp. 32-36. (In Russ.).
3. Godovanyuk, K. A. (2018). Politika Velikobritanii «k vostoku ot Suetsa» [British policy ‘east of Suez’]. In *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN*. No 3. Pp. 120-126. (In Russ.).
4. Nikulina, E. A. (2005). *Terminologizmy kak rezultat vzaimodeistviya i vzaimovliyaniya terminologii i frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [Terminological phraseologisms as a result of interaction and mutual influence of terminology and phraseology of the modern English language]: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.04. Moskva. (In Russ.).
5. Polubichenko, L. V. (2017). *Filologicheskaya topologiya: teoriya i praktika* [Philological topology: theory and practice]. Moskva: FLINTA: Nauka. (In Russ.).
6. Polubichenko, L. V. (2018). Topologiya tsitatnoy rechi: ot sfery funktsionirovaniya k sfere fiksatsii [The topology of quotation: from the sphere of functioning to the sphere of fixation]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. No 4. Pp. 37-47. (In Russ.).
7. Polubichenko, L. V. (2024). Vliyanie khudozhnika slova na yazyk nauki: sluchai Dzh. R. Kiplinga [The impact of the wordsmith on the language of science: the case of Rudyard Kipling]. In *Yazyk. Kultura. Perevod. Kommunikatsiya*. Moskva: KDU. Iss. 5. Pp. 102-106. (In Russ.).
8. Polubichenko, L. V., Androsenko, V. P. (1989). Topologiya tsitat v khudozhestvennoy i nauchnoy rechi [Topology of quotations in literary and scientific speech]. In *Filologicheskie nauki*. No 3. Pp. 58-64. (In Russ.).
9. Darby, P. (1970). Beyond East of Suez. In *International Affairs*. Vol. 46. No 4. Pp. 655-669. DOI: <https://doi.org/10.2307/2614529>.
10. Ferreira, J. Carlos Viana. (2017). Orwell on Kipling: an imperialist, a gentleman and a great artist. In *ANGLO SAXONICA*. Vol. III. No 13. Pp. 59-72. Available at: https://www.academia.edu/113107224/Orwell_on_Kipling_an_imperialist_a_gentleman_and_a_great_artist. (accessed: 11.03.2024).
11. Saputri, L. (2021). Imperialism from the Perspectives of Two British Authors, George Orwell and Rudyard Kipling. In *Jurnal Bahasa, Sastra, dan Studi Amerika*. Vol 27. No 1. Pp. 38-45. Available at: <https://jurnal.uns.ac.id/jbssa/article/view/42860/pdf>. (accessed: 11.03.2024).
12. Ehrhart, S. (2023). *Rudyard Kipling and George Orwell: British Imperialists Under a Mask of Deceit*. Available at: https://www.academia.edu/105437686/Rudyard_Kipling_and_

George_Orwell_British_Imperialists_Under_a_Mask_of_Deceit. (accessed: 10.03.2024).

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Berkov, V. P., Mokienko, V. M., Shulezhkova, S. G. (2005). *Bolshoy slovar krylatykh slov russkogo yazyka* [Big Dictionary of Winged Words of the Russian Language]. Moskva: AST: Astrel: Russkie slovari. (In Russ.).
2. Serov, V. V. (2003). *Entsiklopedicheskiy slovar krylatykh slov i vyrazheniy* [Encyclopaedic Dictionary of Winged Words and Expressions]. Moskva: Lokid-Press. Available at: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/wing-words/index.htm>. (accessed: 03.04.2024). (In Russ.).
3. *Farlex Dictionary of Idioms*. 2015. Available at: <https://idioms.thefreedictionary.com/the+white+man%27s+burden>. (accessed: 15.03.2024).
4. *Farlex Partner Idioms Dictionary*. 2017. Available at: <https://idioms.thefreedictionary.com/big+brother>. (accessed: 12.03.2024).
5. *Merriam-Webster Dictionary*. Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/cold%20war#h1>. (accessed: 11.10.2024).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Oruell, Dzh. (2020). *Vy i atomnaya bomba* [You and the Atomic Bomb] / perevod Yu. Shuvalovoy. Available at: <https://dzen.ru/a/XocpwosTzwwtW2AF>. (accessed: 04.04.2024). (In Russ.).
2. *Kipling, Rudyard. Mandalay*. Available at: https://www.kiplingsociety.co.uk/poem/poems_mandalay.htm. (accessed: 02.03.2024).
3. Orwell, George. (1945). *You and the Atomic Bomb*. Tribune, 19 October 1945. Available at: https://orwell.ru/library/articles/ABomb/english/e_abomb. (accessed: 02.03.2024).

Полубиченко Лидия Валериановна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка для естественных факультетов (e-mail: lpolubichenko@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Polubichenko Lydia V. – Doctor of Philology, Head of English Department for Science Students of Faculty of Foreign Languages and Area Studies (e-mail: lpolubichenko@mail.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education M. V. Lomonosov Moscow State University GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991

Поступила в редакцию 12 декабря 2024 г.

УДК 811.11

© 2025 О. Е. Теселкина

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЦЕННОСТНОЙ КОНСТАНТЫ «NACHHALTIGKEIT» В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПОДКАСТИНГАХ

*Статья посвящена описанию национально-культурной специфики актуализации и репрезентации ценностной константы *Nachhaltigkeit* посредством определения доминирующих номинаций исследуемой константы. Материалом исследования послужил нарративный контент подкастов Австрии, Германии и Швейцарии. В результате исследования сделаны заключения о сходстве и отличиях в сферах актуализации, зависимости наполнения контента от целевой аудитории и сферы деятельности криэйтора подкаста, а также о национальной специфике понятийного поля константы.*

Ключевые слова: *Nachhaltigkeit*, национально-культурная специфика, репрезентация ценностной константы, подкастинг, медиа-дискурс, интернет-дискурс.

© 2025 О. Е. Teselkina

NATIONAL-CULTURAL SPECIFICITY OF THE VALUE CONSTANT «NACHHALTIGKEIT» REPRESENTATION IN THE GERMAN-LANGUAGE PODCASTINGS

*The article deals with detecting the cultural identity of the actualization-spheres and the representation of the value constant *Nachhaltigkeit* by determining the dominant nominations of the researched constant. The research material was the narrative content of podcasts from Austria, Germany and Switzerland. As a result of the study, conclusions were drawn about similarities and differences in the actualization-spheres, the dependence of the content on the target audience and the activity-fields of the podcast creator, as well as national specifics of the constant conceptual field.*

Key words: *Nachhaltigkeit*, cultural identity, representation of the value constant, podcasting, media-discourse, internet-discourse.

Введение

Увеличение скорости размещения и потребления информации благодаря постоянно совершенствующимся технологиям социальных платформ, поисковой машинерии и новостных агрегаторов создала «феномен информационной пресыщенности», послужившей причиной поисков новой формы подачи контента, борьбу за потенциальную аудиторию и нового формата коммуникационных моделей [Воинова, 2018: 104]. Подкастинг является новой концепцией медийного дискурса, опережающей по вовлечённости населения в эпоху цифровизации всех сфер функционирования социума прочие средства массовой информации. Популярность этого ресурса развивается быстрыми темпами, обусловленная доступностью как для создателей, так и для потенциальной аудитории. Как следствие, он становится предметом изучения таких

отраслей гуманитарного знания как журналистика (Е. А. Воинова, М. Корнев, N. Siegrist), экономика, юриспруденция (Н. В. Бузова), дидактика, философия. Интерес лингвистики (А. Н. Гайфуллина, А. В. Ленец) к интернет-дискурсу проявляется в исследованиях отечественных исследователей с 2010 г. **Актуальность** данного исследования заключается в анализе дискурсивных практик репрезентации константы *Nachhaltigkeit* как лингвокультурного феномена в аудиоконтенте подкастинга.

Целью настоящего **исследования** является описание национально-культурной специфики репрезентации константы *Nachhaltigkeit* в подкастах немецкоязычного ареала. В связи с поставленной целью представляется необходимым решить следующие **задачи**: 1) рассмотреть смысловое наполнение и лексическое содержание лингвокультурной константы *Nachhaltigkeit*; 2) описать сферы актуализации константы *Nachhaltigkeit* в австрийском, немецком и швейцарском подкастах и проанализировать их зависимость от целевой аудитории и сферы деятельности криэйтора подкастинга.

В связи с обозначенной целью **материалом исследования** явились подкаст-сервисы немецкоязычных стран:

Австрия – *FREITAG IN DER ARENA* [Oekostrom^{AG}];

Германия – *AUSGESPROCHEN NACHHALTIG* [Apple Podcasts];

Швейцария – *NACHHALTIGKEITSPodcast CHRUT & RÜEBLI* [Merci].

Выбор данных подкастов обусловлен содержанием лексемы *nachhaltig-* в названии подкаста или в его манифесте, а также их лидирующие позиции по количеству обращений в поисковой машинерии. Всего было проанализировано 168 лексических единиц, входящих в понятийное поле константы и 35 контекстов актуализации исследуемой константы в соответствии с выпусками подкастов, общей продолжительностью примерно 1223 минуты.

Методы исследования. Для получения более точных результатов исследования используется *метод сплошной выборки* – анализируются репрезентации константы *Nachhaltigkeit* и лексемы *nachhaltig-* в выпусках трёх подкастов за 2022 г. *Метод контекстуального анализа* необходим для определения сфер актуализации исследуемой константы, как и *сравнительно-аналитический метод* для установления отличительных особенностей репрезентации искомой единицы в немецкоязычном ареале в медиаформате подкастинга; *метод дистрибутивного анализа* используется для определения национальной специфики номинаций понятийного поля константы.

Новизна данного исследования заключается в анализе лингвокультурной специфики, затрагивающей периферийное поле константы *Nachhaltigkeit* и определении

национальных отличий подкаст-дискурса немецкоязычных стран. Лидерство данной медиаиндустрии бесспорно принадлежит Америке. Германия находится на четвёртом месте в мировом рейтинге по количеству подкастов согласно немецкому ресурсу PodMon, а с 2014 года количество использования данного медиасредства гражданами Германии увеличилось на 157%. Самыми популярными информационными блоками являются развлекательный контент, True crime (документальный жанр массовой культуры, в котором автор исследует настоящие криминальные преступления и представляет их аудитории в литературе, подкастинге, фильмах) и научно-ориентированный контент. В Австрии, согласно ресурсу Statista, проводившего опрос населения в августе 2024 г., на первом месте находятся научные подкасты, затем новостной политический контент и далее развлекательный, в частности, жанры Kabarett / Comedy. В Швейцарии криэйторам подкастинга приходится выдерживать жесткую конкуренцию с немецкими ресурсами, публикующими свои продукты на Hochdeutsch, поэтому количество отечественных швейцарских медиаресурсов подкастинга невелико, а аудитория потребителей в основном молодежь, взрослая часть населения предпочитает более традиционный формат радиопередач [Siegrist, 2023]. Одной из основных причин проблем дистрибуции контента, с одной стороны, и его потребления, с другой, учёные видят в многоканальности цифровых медиа-ресурсов, поскольку пользователь постоянно переключается с одного ресурса на другой, теряя связь с полученной ранее информацией, что обуславливает постоянный поиск форматов дистрибутивных информационных ресурсов [Корнев, 2016].

Термин «подкаст» был введён в обиход в 2004 г. журналистом The Guardian, а через год эта лексическая единица была названа Оксфордским словарем «словом года» и ей давалось следующее определение: «цифровая аудиозапись радиопередачи, размещенная в интернет-пространстве и доступная для свободного скачивания» [OALD]. Основной отличительной особенностью подкастинга является так называемое «отложенное прослушивание», независимое от времени и места потребления контента, и возможность параллельного потребления интернет-контента, например, пролистывание ленты новостей или мессенджера во время прослушивания аудиоконтента подкаста.

Подкастинг как альтернативный ресурс, предполагающий нарративный аудио-или стриминговый формат подачи контента, переживает в настоящее время бум и продолжает эволюционировать в рамках глобальной сети, приобретая всё большую популярность среди пользователей [Бузова, 2021]. Согласно статистике мировых показателей подкастинга Podcast Index (октябрь 2024 г.) общее количество подкастов составляет 4 277 303. Относительно новая форма подачи контента подкастинга отличается

от интернет-версий периодических изданий или телепрограмм, от блогинга, социальных сетей и новостных агрегаторов. Поскольку подкастинг ориентирован на нарративные тексты и является компонентом интернет-дискурса, то вслед за А. Н. Гайфуллиной мы будем подразумевать под нарративным текстом подкастингового контента текст, созданный с определёнными прагматическими интенциями с учётом социокультурной специфики и психологического аспекта, т. е. социально направленное действие, учитывающие сформированные когнитивные связи определенного индивида отдельного социума и взаимовлиянии таковых внутри данного социума [Гайфуллина, 2010: 7]. Интернет-дискурс современного мирового лингвокультурного пространства, интерпретируя информационное содержание медиасредств в соответствии с национальными и жанровыми особенностями контента [Lenets, Bitarova, 2022], призван «фиксировать картину мира того или иного социума в данный момент времени и пространства» [Ленец, Овсиенко, 2021: 76].

Результаты исследования

Лексический инструментарий медиадискурса позволяет активно использовать константы и идиомы для моделирования поведенческих сценариев и программирования когнитивных процессов индивида [Гашева, 2014]. В немецкоязычном медиадискурсе константа *Nachhaltigkeit*, актуализируясь в различных разделах (экономика, политика, спорт, недвижимость), имеет смысловое наполнение, базирующееся на экономическом принципе, берущем начало в лесохозяйстве Германии начиная с XVI в. В настоящее время периферийное поле константы расширяется до глобального принципа стратегического планирования в политике, экономике, производстве, экологии и науке, ориентированный на сохранение ресурсов для последующих поколений [Grossarth-Maticek, 2023; Mader, 2023; Riphahn, 2022]. Разумное использование всех видов ресурсов, регулируемое политикой и экономически оправданное, при этом ориентированное на будущее, стимулирующее научные изыскания и затрагивающее все слои социума для выполнения поставленных задач – это метасемантическое значение ценностной константы *Nachhaltigkeit*.

Рассматриваемая как одна из важнейших ценностных констант современного немецкоязычного социума, лингвокультурная константа *Nachhaltigkeit* является одной из самых частотных языковых единиц немецкого медиа-дискурса [Ленец, Теселкина, 2024]. Согласно DWDS (цифровой словарь немецкого языка) количество репрезентаций исследуемой константы в немецких газетах значительно возрастает с 90-х гг. прошлого века и достигает пика в 2022 г. – 23 735 актуализаций в крупных национальных

(Frankfurter Allgemeine Zeitung, Die Zeit) и периодических изданиях регионального значения (Allgemeine Zeitung, Südkurier, Fränkischer Tag и т. д.), что показано на рисунке.

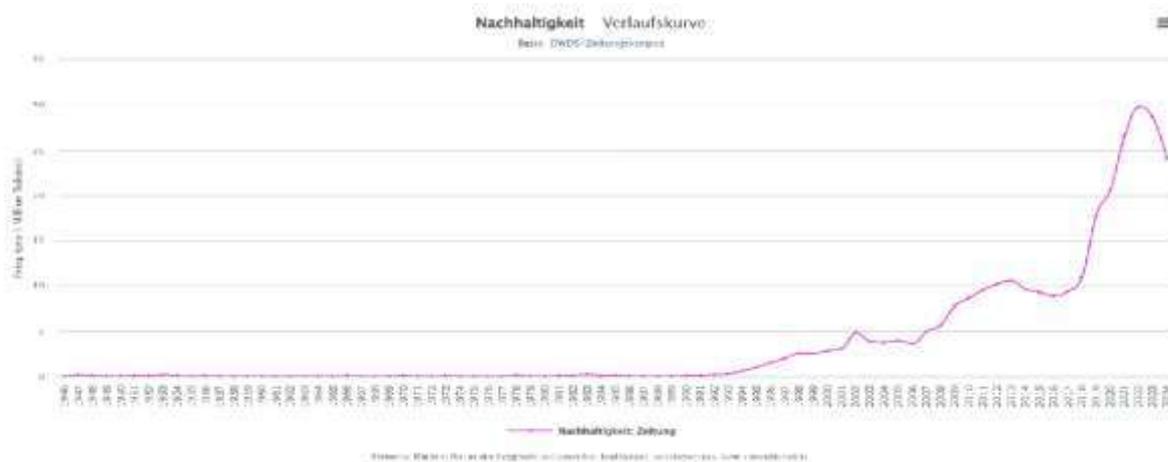


Рис. Частотность репрезентации константы *Nachhaltigkeit* в немецких СМИ

Сферы актуализации данной константы в медиадискурсе включают политическую, экономическую, социальную, экологическую и культурную сферы [Ленец, Теселкина, 2024]. Поскольку пиком частотности актуализации *Nachhaltigkeit* является 2022 г., нами предполагается проанализировать дискурсивные практики и сферы актуализации исследуемой ценностной константы в синхронии (национальноспецифическом аспекте) в подкастах Австрии, Германии и Швейцарии.

Подкаст от австрийского криэйтора *OEKOSTROM AG – FREITAG IN DER ARENA* – представляет собой продукт энергетической компании, целью которой является поиск новых идей и путей решения экологических проблем, связанных с климатическими изменениями, и, конечно же, устойчивым экологическим развитием – в каждом выпуске подкаста выше описанная интенция манифестируется установкой: *Es geht immer um Klima, um Zukunft, um Nachhaltigkeit* ‘речь как всегда пойдет о климате, будущем, об устойчивом экологическом развитии’. Лексема *nachhaltig*- зафиксирована нами в каждом выпуске подкаста (всего их 19, начиная с января 2022 г. – выпуск 1 раз в две недели, продолжительностью в среднем 32 мин.). Актуализация австрийского восприятия феномена всегда происходит в рамках манифестируемых задач по сохранению окружающей среды для будущих поколений, коррелируя с понятийным полем константы. Акцент при этом делается прежде всего на восполняемые источники энергии. Сферы актуализации константы у австрийского криэйтора охватывают политику, финансы, массмедиа, науку (философию, психологию, естественные науки), социальную сферу, транспорт и юриспруденцию. Доминантные номинации, входящие в смысловое поле

константы *Nachhaltigkeit* и определяющие контексты её репрезентации, вербализуются в лексемах *Energie-, klima- (Klima-), politisch (-politik), -krise* и *-wende*.

Важным аспектом репрезентации константы *Nachhaltigkeit* в австрийском подкасте является максимальный акцент на социальную сферу. В каждом выпуске независимо от тематики актуализуется социально-ориентированный смысловой компонент данной ценностной константы, вербализованный в следующих номинациях, имеющих значение «общности индивидов» внутри своей культуры: *Öffentlichkeit* ‘общественность’, *breite Masse* ‘широкие массы’, *Volksbegehren* ‘народная инициатива’, *Gesellschaft* ‘общество’, *wir* ‘мы’.

Немецкий подкаст *AUSGESPROCHEN NACHHALTIG* от криэйтора *KfW-Bankgruppe* (Kreditanstalt für Wiederaufbau, немецкий государственный кредитный банк) манифестируется как средство для мыслящих людей с целью привнесения вклада в устойчивое экологическое развитие и руководство по финансовой поддержке банком в области этих инициатив. Дискурс *Nachhaltigkeit* репрезентуется в начале каждого выпуска: *Herzlich willkommen zu einer neuen Folge der KfW-Podcasts rund um Nachhaltigkeitsthemen* ‘рад приветствовать в новом выпуске подкаста KfW, всё об устойчивом экологическом развитии’ (в 2022 г. вышло 5 выпусков – 1 раз в два месяца, длительностью от 49 мин. до 1,5 часа). Сферы актуализации константы *Nachhaltigkeit* полностью идентичны австрийскому контенту, несмотря на немногочисленность выпусков. Отличительной особенностью немецкого подкаста является социальная сфера актуализации исследуемой лингвокультурной константы. Для немецкой дискурсивной практики в рамках указанной сферы актуализации константы *Nachhaltigkeit* характерно значение глобальной ответственности и интеграции в мировое культурно-экономическое пространство, вербализованное в таких номинациях как *gesellschaftlicher Wandel* ‘трансформация общества’, *globale Lösungen* ‘глобализация решений’, *Menschen* ‘люди’. Но и значение «общности индивидов» внутри своей культуры, как у австрийского криэйтора вербализуется в номинации *wir* ‘мы’.

Доминантными лексемами, входящими в смысловое поле константы *Nachhaltigkeit* и определяющими контексты её репрезентации в контенте немецкого подкаста, выступают номинации, включающие лексемы *Klima-, -krise* и *-wende*, характерные также и для контекстов австрийского подкаста.

Формат **швейцарского** подкаста *NACHHALTIGKEITSPodcast CHRUT & RÜEBLI* от группы компаний *MIGROS-GRUPPE* (11 выпусков ежемесячно, каждый продолжительностью около 15 мин.) значительно отличается от австрийского и

немецкого. Цели, которые ставит перед собой криэйтор подкаста, ориентированы на улучшения качества жизни швейцарского общества, рассматриваемого как потребитель широкого спектра продуктов компании, в том числе сети супермаркетов. Учитывая особенности швейцарского подкастинга, ориентированного в основном на молодое поколение, стиль подачи контента можно определить как *umgangsprachlich*, т. е. стиль обиходной речи, доступный широким массам населения, неформальный. Манифест подкаста полностью соответствует этому стилю и носит популяризирующий характер, а обращение с потенциальной аудиторией на «ты» имеет интенцию на создание доверительных отношений с реципиентом: *Nachhaltigkeitspodcast geht ins Ohr und macht dich grüner* ‘экоподкаст у тебя на слуху, и ты «зеленеешь»’. Кроме того, язык подкаста – *Schweizerdeutsch*, швейцарский немецкий (швейцарский диалект алеманнского наречия), в то время как австрийский и немецкий подкасты генерируются на *Hochdeutsch*, литературном немецком языке. Манифестом концерна *MIGROS-GRUPPE* является *nachhaltige Rentabilität* ‘рентабельность, основанная на устойчивом экологическом развитии’ как результат экономической стратегии группы компаний. Лексема *nachhaltig*-зафиксирована нами в каждом выпуске подкаста, причем часто она атрибутирует различные категории товаров и услуг: *nachhaltiges Schenken* ‘дарение экологичного подарка’, *euer Kaffeekonsum (ist) nachhaltig* ‘ваше потребление кофе экологично’, *nachhaltige Kosmetik* ‘экологичная косметика’. Вербализация исследуемой константы в таком контексте характерна для маркетинговой политики, ориентированной на среднестатистического потребителя, для которого такое определение товара имеет смысловое наполнение, когнитивно и аксиологически связанное скорее с экологичностью продукта. Доминантными лексемами, входящими в смысловое поле константы *Nachhaltigkeit* и определяющими контексты её репрезентации в контенте швейцарского подкаста, выступают номинации, включающие лексемы *bio-*, *Öko-* (*öko-*), *Wasser-*, *Klima-*.

Заключение

Таким образом, лингвокультурная константа *Nachhaltigkeit*, репрезентация которой охватывает все сферы жизнедеятельности немецкоязычных культур, имеет определенные социокультурные отличия в актуализации в немецкоязычных подкастах, обусловленные аудиторией потенциальных реципиентов, сферой деятельности криэйтора и национальными отличиями подкастинга как нового формата медиа-дискурса. В результате исследования установлено, что существенным национально-культурным отличием репрезентации лингвокультурной константы *Nachhaltigkeit* в подкастах Австрии и Германии является включенность социума в мировое культурно-экономическое

пространство, действующее по закону устойчивого экоориентированного экономического развития, – интеграция (Германия) и реакция внутри своей культуры (Австрия). Швейцарский подкаст в принципе не затрагивает проблем политики и экономических стратегий в глобальном значении и внутри своей культуры. Далее, выявлены идентичные сферы актуализации константы подкастинга Австрии и Германии, представленные на литературном немецком языке. Отличная от них социальная сфера актуализации исследуемой константы в швейцарском подкасте, созданном на *Schweizerdeutsch*, ориентирована на среднестатистического потребителя.

Также сделаны выводы, что во многом реализация исследуемого лингвокультурного феномена зависит от сферы деятельности криэйтора подкаста. Репрезентация константы *Nachhaltigkeit* проявляет определенные национально-культурные отличия в пределах понятийного поля, обусловленные акцентами на различные аспекты (энергия, инвестиции, категории товаров), связанные с соответствующим сектором рынка криэйтора подкаста и потенциальной аудитории реципиентов. Здесь австрийский и немецкий дискурс *Nachhaltigkeit* проявляют сходство вербализуемых номинаций. Контент швейцарского подкаста отличается более узким восприятием дискурса данной константы, практически уравнивая его с экологическим компонентом её понятийного поля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бузова Н. В. Подкасты и интеллектуальная собственность // Труды по интеллектуальной собственности. 2021. Т. 38. № 3. С. 11-16.
2. Воинова Е. А., Сивякова Е. В. Подкаст как новый формат публичной коммуникации в условиях цифровой медиасреды // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 12. С. 104-120.
3. Гайфуллина А. Н. Гендерные особенности вербализации концепта «мужчина» в интернет-дискурсе: автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Казань, 2010. 24 с.
4. Гашева Л. П., Свиридова А. В. Семантико-структурные и языковые константы массмедийных текстов // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2014. № 2 (14). С. 68-72.
5. Корнев М. С. Дистрибуция контента: кто, что, куда и как? // Неучебное пособие. 2018. С. 52-59.
6. Ленец А. В., Овсиенко Т. В. Динамика лингвокультурных констант в современном немецкоязычном пространстве (Австрии, Германии, Швейцарии) // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2021. № 71. С. 70-90.
7. Ленец А. В., Теселкина О. Е. Константа «Nachhaltigkeit» в немецкой лингвокультуре и её вербализация в газете «Frankfurter Allgemeine Zeitung» // Мир лингвистики и коммуникации. 2024. № 76. С. 83-98.
8. Grossarth-Maticek J. Nachhaltigkeit // Paper für Expert*innen. – IBIT | Institut Für Bildungstransfer, Stand 30.01.2023. 26 S.
9. Lenets A. V., Bitarova K. R. Linguistic verbalization of the natural-landscape code in the Swiss linguoculture (based on the material of the podcasting) // Слово, высказывание, текст

в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2022. Ч. 2. С. 92-96.

10. Mader D. Dilemmata der Nachhaltigkeit und die Wiedererlangung von Handlungsfähigkeit. Strategische Dilemma-Bezüge im Nachhaltigkeitsdiskurs und Dilemma-Analyse als Reflexionsmethode // Dilemmata der Nachhaltigkeit. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, 2023 S. 25-51.

11. Riphahn R. T., Schmidt K. M. Nachhaltigkeit in Wirtschaft und Gesellschaft // Wirtschaftsdienst. 2022. Vol. 102. No 5. S. 328-330.

12. Siegrist N., Leuenberger N., Dunjik D. Wachstum und Aufbruchstimmung // Horizont. № 26-27 2023 vom 29. Juni 2023

13. Podcast Index. Доступ: <https://podcastindex.org>. (дата обращения: 15.10.2024).

14. PODMON. Доступ: <https://podmon.io/podcasts-zahlen-und-fakten>. (дата обращения: 15.10.2024).

15. Statista. Aktuelle Statistiken. Доступ: <https://de.statista.com>. (дата обращения: 15.10.2024).

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Доступ: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english>. (дата обращения: 15.10.2024). [OALD].

2. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Доступ: <https://www.dwds.de>. (дата обращения: 15.10.2024). [DWDS].

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Podcast Freitag in der Arena // Oekostrom^{AG}. Доступ: <https://oekostrom.at/mediathek/podcast-freitag-in-der-arena>. (дата обращения: 15.10.2024).

2. Podcast Ausgesprochen nachhaltig // Apple Podcasts. Доступ: <https://podcasts.apple.com/de/podcast/ausgesprochen-nachhaltig/id1477434887>. (дата обращения: 15.10.2024).

3. Podcast Chrut&Rübli // Merci. Доступ: <https://corporate.migros.ch/de/story/podcast-kosmetik>. (дата обращения: 15.10.2024).

REFERENCES

1. Buzova, N. V. (2021). Podkasty i intellektualnaya sobstvennost [Podcasts and Intellectual Property]. In *Trudy po intellektualnoy sobstvennosti*. No 38(3). Pp. 11-16. (In Russ).

2. Voinova, E. A. Sivyakova, E. V. (2018). Podkast kak novyy format publichnoy kommunikatsii v usloviyakh tsifrovoy mediasredy [Podcast as a new format of communication in the digital mass media content]. In *Socialno-gumanitarnye znaniya*. No 12. Pp. 104-120. (In Russ).

3. Gayfullina, A. N. (2010). *Gendernye osobennosti verbalizatsii kontsepta «muzhchina» v internet-diskurse* [Gender features of verbalization of the concept «man» in the Internet discourse]: avtoref. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Kazan. (In Russ).

4. Gasheva, L. P. Sviridova, A. V. (2014). Semantiko-strukturnye i yazykovye konstanty massmediynykh tekstov [Semantic-structural and linguistic constants of mass media texts]. In *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. No 2(14). Pp. 68-72. (In Russ).

5. Kornev, M. S. (2018). Distributsiya kontenta: kto, chto, kuda i kak? [Content distribution: who, what, where and how?]. In *Neuchebnoe posobie*. Pp. 52-59. (In Russ).

6. Lenets, A. V., Ovsienko, T. V. (2021). Dinamika lingvokulturnykh konstant v sovremennom nemetskoyazychnom prostranstve (Avstrii, Germanii, Shveysarii) [Dynamics of the linguacultural constants in the German-speaking area]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*. No 71. Pp. 70-90. (In Russ).

7. Lenets, A. V., Teselkina, O. E. (2024). Konstanta «Nachhaltigkeit» v nemetskoy lingvokulture i eyo verbalizatsiya v gazete «Frankfurter Allgemeine Zeitung» [The constant

«Nachhaltigkeit» in the German linguaculture and its verbalization in the newspaper «Frankfurter Allgemeine Zeitung». In *Mir lingvistiki i kommunikatsii*. No 76. Pp. 83-98. (In Russ).

8. Grossarth-Maticek, J. (2023). Nachhaltigkeit. In *Paper für Expert*innen*. IBIT | Institut Für Bildungstransfer, Stand 30.01.2023. (In Germ)

9. Lenets, A. V., Bitarova K. R. (2022). Linguistic verbalization of the natural-landscape code in the Swiss linguoculture (based on the material of the podcasting). In *Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kulturologicheskom aspektakh*. Chelyabinsk: Chelyabinskiy gosudarstvennyy universitet. Ch. 2. Pp. 92-96.

10. Mader, D. (2023). Dilemmata der Nachhaltigkeit und die Wiedererlangung von Handlungsfähigkeit. Strategische Dilemma-Bezüge im Nachhaltigkeitsdiskurs und Dilemma-Analyse als Reflexionsmethode. In *Dilemmata der Nachhaltigkeit*. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG. Pp. 25-51. (In Germ)

11. Riphahn, R. T., Schmidt K. M. (2022). Nachhaltigkeit in Wirtschaft und Gesellschaft. In *Wirtschaftsdienst*. Vol. 102. No 5. Pp. 328-330. (In Germ)

12. Siegrist, N., Leuenberger, N. (2023). Wachstum und Aufbruchstimmung. In *Horizont*. No 26-27.

13. *Podcast Index*. Available at: <https://podcastindex.org>. (accessed: 15.10.2024).

14. *PODMON*. Available at: <https://podmon.io/podcasts-zahlen-und-fakten>. (accessed: 15.10.2024).

15. *Statista. Aktuelle Statistiken*. Available at: <https://de.statista.com>. (accessed: 15.10.2024).

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Oxford Advanced Lerner's Dictionary*. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english>. (accessed: 15.10.2024).

2. *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. Available at: <https://www.dwds.de>. (accessed: 15.10.2024).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Podcast Freitag in der Arena. In *OekoStrom^{AG}*. Available at: <https://oekoStrom.at/mediathek/podcast-freitag-in-der-arena>. (accessed: 15.10.2024).

2. Podcast Ausgesprochen nachhaltig. In *Apple Podcasts*. Available at: <https://podcasts.apple.com/de/podcast/ausgesprochen-nachhaltig/id1477434887>. (accessed: 15.10.2024).

3. Podcast Chrut&Rübli. In *Merci*. Available at: <https://corporate.migros.ch/de/story/podcast-kosmetik>. (accessed: 15.10.2024).

Теселкина Ольга Евгеньевна – старший преподаватель кафедры немецкой филологии (e-mail: oteselkina@sfedu.ru),

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»
344006, Ростов на Дону, ул. Б. Садовая, 105*

Teselkina Olga E. – Senior Teacher of the German Philology Department (e-mail: oteselkina@sfedu.ru),

*Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Southern Federal University»
105, B. Sadovaya, Rostov on Don, 344006*

Поступила в редакцию 29 ноября 2024 г.

УДК 811.111:81'373.72

© 2025 Т. Н. Федуленкова

СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕЛОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ С КОМПОНЕНТОМ 'DEBT'

*В статье представляются результаты исследования устойчивых двухэлементных терминов, основанных на переосмысленном значении компонентов. Актуальность работы состоит в востребованности сведений о структурной организации терминологии делового английского языка. Новизна заключается в объекте исследования – термины-фразеологизмы с компонентом *debt*. Теоретическую и практическую ценность представляют результаты исследования, обнаруживающие номенклатуру структур двухкомпонентных терминов и их соотношение.*

Ключевые слова: терминология, деловая фразеология, фразеологическая единица, перенос значения, компонент, структура.

© 2025 T. N. Fedulenkova

STRUCTURAL CHARACTERISTICS OF BUSINESS TERMINOLOGICAL PHRASEOLOGY WITH THE 'DEBT' COMPONENT

The article presents the results of a study of stable two-element terms based on the meaning transference of the components. The relevance of the work consists in the demand for information about the structural organization of the terminology of the business English language. The novelty lies in the object of research – phraseological terms with the 'debt' component. The results of the study, which reveal the nomenclature of structures of two-component terms and their relationship, are of theoretical and practical value.

Key words: terminology, business phraseology, phraseological unit, meaning transference, component, structure.

Введение

Проблема изучения деловой терминологии фразеологического свойства является одной из наиболее насущных проблем сегодняшнего дня в лингвистике. Причина популярности обсуждения этой проблемы и на лингвистических конференциях, и на страницах научных журналов кроется в том, что, с одной стороны, наблюдается быстрый рост объема деловой терминологии за счет механизмов фразеологического преобразования устойчивых и особенно двухкомпонентных фраз, и, с другой стороны, коммуникативной потребностью в терминологии фразеологического характера как в описании и обсуждении новой терминологии, так и в оценке ее прагматического эффекта.

Основные обсуждаемые лингвистами вопросы данного русла заключаются в следующем:

- 1) структурные особенности деловой фразеологической терминологии;

- 2) семантические особенности деловой фразеологической терминологии;
- 3) особенности компонентного состава деловой фразеологической терминологии;
- 4) виды семантического преобразования компонентного состава деловой фразеологической терминологии;
- 5) проблемы системных связей деловой фразеологической терминологии, и некоторые другие [Fedulenkova, 2023].

Научную основу данного исследования составляют труды современных лингвистов в области терминологии [Лейчик, 2009; Багана, Таранова, 2012], английской фразеологии [Кунин, 1970], в области деловой фразеологии современного английского языка [Сардалова, 2017; Контанистова, Федуленкова, 2024]. Методологическая база работы формируется на основе новейших трудов по методологии лингвистических исследований [Комарова, 2018; Бакина, Федуленкова, 2022; Федуленкова, 2021] и по методике исследования деловой фразеологии и терминологии [Куликова, Салмина, 2020]. Для уточнения лингвистического статуса устойчивых выражений фразеологического характера мы опирались на новую работу А. Д. Бакиной, посвященную дифференциации важнейших понятий из сферы современной английской фразеологии [Bakina, 2023].

В зарубежной литературе отмечаются лишь редкие исследования, посвященные изучению структуры именно деловой фразеологии [Piirainen, 2011; Khamkhien, Wharton, 2020].

Данное исследование посвящено изучению двухэлементной деловой фразеологии современного английского языка, которая включает компонент *debt*. Объектом исследования послужили терминологические единицы, которые обладают свойствами фразеологических единиц. Принадлежность терминов к области фразеологии устанавливается посредством метода фразеологической идентификации, предложенного А.В. Куниным [Кунин, 1970: 45].

Предметом исследования является выявление структурных характеристик современной английской деловой терминологии с компонентом *debt*, имеющей признаки фразеологии разной степени абстракции. Объект исследования подбирался на основе современного словаря деловой английской терминологии Longman Business English Dictionary [LBED]. Контекстуальные иллюстрации подбирались из национального корпуса американского варианта современного английского языка COCA.

Результаты исследования

Изучение выборки из названного словаря позволяет сделать выводы.

В анализируемом поле данного словаря находятся 45 терминов делового

английского языка, из которых 26 терминов включают компонент *debt* в группе структурных моделей (а) в позиции ядра и 19 терминов включают компонент *debt* в группе структурных моделей (б) в позиции адьюнкта [Аракин, 2005: 131].

Рассмотрим группу структурных моделей (а). На основе структурно-грамматического анализа в этой группе выявляем пять структурных подгрупп:

1. N + Nd (простое существительное + debt), как, например, в терминах *bank debt, book debt, trade debt*:

<...> *and Shrub have run up four trillion dollars on the national debt just in the last six years. They've wasted a trillion dollars on Iraq will letting America go bankrupt and fall into a state of disrepair. They brought about NAFTA and GATT that has given us a \$60 billion per month trade debt and sent all our manufacturing jobs to the third world. They have totally destroyed all American credibility and prestige in the eyes of the rest of the world. They've created the Divided States of America that we may never recover from* [COCA] ‘<...> и Шрабб увеличили государственный долг на четыре триллиона долларов только за последние шесть лет. Они потратили триллион долларов на Ирак, позволив Америке обанкротиться и прийти в упадок. Они создали НАФТА и ГАТТ, которые привели к тому, что **торговый долг** США достиг 60 миллиардов долларов в месяц, а все наши производственные рабочие места переместились в страны третьего мира. Они полностью подорвали доверие к Америке и ее престиж в глазах остального мира. Они создали разделенные штаты Америки, от которых мы, возможно, никогда не оправимся’.

2. Ndrv + Nd (производное существительное + debt), как, например, в терминах *consumer debt, investment debt, judgment debt*:

<...> *Company B moves in and redeems the property. It claims the excess funds – \$130,000 – and has the right to obtain foreclosure. Company B now has about \$38,500 in the deal (the penalty, the taxes and the judgment debt). The homeowner's tab is about \$168,500, not including various fees. Taking the house Next, Company B convinces a Superior Court judge to let it, rather than the sheriff's office, hold a foreclosure auction. It can be done between a wide range of hours and quietly to avoid other bidders* [COCA] ‘<...> Компания В переезжает и выкупает недвижимость. Она претендует на излишки денежных средств – 130 000 долларов – и имеет право потребовать взыскания. Компания В теперь имеет около 38 500 долларов в сделке (штраф, налоги и **задолженность по судебному решению**). Счет домовладельца составляет около 168 500 долларов, не включая различные сборы. Приобретая дом следующим, компания В убеждает судью Вышестоящего суда разрешить ей, а не офису шерифа, провести аукцион по выкупу имущества. Это может быть сделано

в разное время и незаметно, чтобы обойти других участников торгов'.

3. Ncomp + Nd (сложное существительное + debt), как, например, в терминах *medium-term debt, investment-grade debt long-term debt*:

*# Endeavor, backed by private equity firm Silver Lake Partners, was expected to become the first talent agency owner to go public, making it the subject of much speculation in Hollywood. Silver Lake Partners declined to comment on the aborted IPO. # The change in course is a setback for Emanuel and Endeavor, which analysts expected to pay down its substantial debt load with the proceeds. The company carries **long-term debt** totaling \$4.6 billion with total liabilities of \$7.2 billion and cash on hand of \$830.9 million, according to recent filings. # Emanuel built his reputation and that of Endeavor on a series of bold, risky moves and unexpected acquisitions, including <...> [COCA] '# Endeavor, поддерживаемый частной инвестиционной компанией Silver Lake Partners, станет первым владельцем агентства по поиску талантов, которое станет публичным, что сделало его предметом многочисленных спекуляций в Голливуде. Silver Lake Partners отказались комментировать несостоявшееся IPO. # Изменение курса является неудачей для Emanuel и Endeavour, которые, как ожидали аналитики, погасят свою значительную долговую нагрузку за счет вырученных средств. Согласно последним отчетам, компания имеет **долгосрочный долг** на общую сумму 4,6 миллиарда долларов, общие обязательства – 7,2 миллиарда долларов, а наличность на руках – 830,9 миллиона долларов. # Эмануэль построил свою репутацию и репутацию Endeavour на серии смелых, рискованных шагов и неожиданных приобретений, в том числе <...>'.*

4. Adj + Nd (прилагательное + debt), как, например, в терминах *national debt, public debt, bad debt*, например:

*<...> This idea would be much better in my opinion if OWS fought the debts in court as illegitimate rather than simply forgiving them, since by doing so they seem to be playing right into the credit card company's hands. Clearly this adds to the market for buying **bad debt**, encouraging banks to continue to lend out money they know has little likelihood of being repaid. # I did laugh off an effort from a collection agency coming after me for a small and quite old debt from a company that no longer exists, but I do live in a state where they can't do much about it [COCA] '<...> На мой взгляд, эта идея была бы намного лучше, если бы OWS оспаривали долги в суде как незаконные, а не просто прощали их, поскольку, поступая таким образом, они, по-видимому, играют на руку компании, выпускающей кредитные карты. Очевидно, что это способствует росту спроса на покупку **безнадежных долгов**,*

побуждая банки продолжать выдавать кредиты, которые, как они знают, вряд ли будут возвращены. # Я посмеялся над попытками коллекторского агентства взыскать с меня небольшой и довольно старый долг от компании, которая больше не существует, но я действительно живу в штате, где они мало что могут с этим поделать’.

5. PtcpI II + Nd (причастие II + debt), как, например, в терминах *unsecured debt*, *secured debt*:

*The urgency of the overhang problem at the beginning and during bankruptcy provides a stronger justification for judicially-mandated priority adjustments than at the confirmation of the reorganization plan. # <...> # The debtor's priority allocation may be distorted by the fact that the interest rate charged by some of its creditors is sensitive to neither the amount of leverage nor the seniority of outstanding debt issued by the debtor. All things equal, higher leverage and more **secured debt** raise the default risk borne by unsecured creditors. Several types of creditors, however, do not adjust their interest rates when the debtor issues new secured debt [COCA]* ‘Актуальность проблемы избыточного финансирования в начале и во время банкротства является более веским основанием для корректировки приоритетов в судебном порядке, чем при утверждении плана реорганизации. # <...> # Распределение приоритетов должника может быть искажено из-за того, что процентная ставка, взимаемая некоторыми из его кредиторов, не является чувствительной ни к размеру кредитного плеча, ни к сроку погашения непогашенного долга, выданного должником. При прочих равных условиях более высокий уровень заемных средств и более **обеспеченный долг** повышают риск дефолта, который несут необеспеченные кредиторы. Однако некоторые типы кредиторов не корректируют свои процентные ставки, когда должник выдает новый обеспеченный долг. Некоторые из этих кредиторов не приходят к согласию, что является причиной гражданского правонарушения’.

2. Рассмотрим группу структурных моделей (б). В этой группе выявляем три основные подгруппы структурной организации компонентов:

1. Nd + N (debt + простое существительное), как, например, в терминах *debt finance*, *debt relief*, *debt burden*:

(a) *The reason I want to look at earnings per share is because it can be an indicator of shareholder value. So rather than just take this number at face value, let's look at who has been able to increase shareholder value the most over the past 5 years. # Which of these growth companies presents the best value investing opportunity? When looking at these three metrics, I think the winner is Buffalo Wild Wings. When you consider the future growth, current valuation, small **debt burden**, and earnings per share, Buffalo emerges as a value investing opportunity.*

*Also, based on what we have looked at I think a good runner up is Chipotle Mexican Grill [COCA] 'Причина, по которой я хочу обратить внимание на прибыль на акцию, заключается в том, что она может быть показателем акционерной стоимости. Поэтому вместо того, чтобы просто принимать эту цифру за чистую монету, давайте посмотрим, кто смог увеличить акционерную стоимость больше всего за последние 5 лет. # Какая из этих быстрорастущих компаний представляет наилучшие возможности для инвестирования в ценные бумаги? Если посмотреть на эти три показателя, то, на мой взгляд, победителем становится Buffalo Wild Wings. Если учесть будущий рост, текущую оценку, небольшую **долговую нагрузку** и прибыль на акцию, Buffalo представляется отличной возможностью для инвестирования в ценные бумаги. Кроме того, исходя из того, что мы рассмотрели, я думаю, что на втором месте – Chipotle Mexican Grill'.*

2. Nd + Ndrv (debt + производное существительное), как, например, в терминах *debt adjustment, debt exposure, debt management* (в которых ядерные компонент ФЕ-терминов – дериваты, образованные от глаголов), например:

*(a) Advantages: # Credit counseling is a favorable alternative to bankruptcy. # An experienced credit counselor helps you repay debts through a suitable budget plan. # You may attend the counseling session without paying any fee. Disadvantages: # You'll be asked to pay a fee when you're unable to repay debts after the free counseling session. # Some credit counselors are not qualified enough to work in your best interest. <...> # In **debt management**, you involve a professional debt management company to resolve your debt issues. In a debt management program, a debt counselor prepares a budget for you after assessing your income, expenses and debt amounts. He also chalks out a plan so that you can pay off your debts quickly [COCA] 'Преимущества: # Кредитная консультация – это выгодная альтернатива банкротству. # Опытный кредитный консультант поможет вам погасить долги с помощью подходящего бюджетного плана. # Вы можете посетить консультацию бесплатно. Недостатки: # Вас попросят заплатить комиссию, если вы не сможете погасить долги после бесплатной консультации. # Некоторые кредитные консультанты недостаточно квалифицированы, чтобы работать в ваших интересах. <...> # **При управлении долгом** вы привлекаете профессиональную компанию по управлению долгом для решения ваших долговых проблем. В рамках программы управления долгом консультант по долговым вопросам составляет для вас бюджет после оценки ваших доходов, расходов и суммы долга. Он также разрабатывает план, чтобы вы могли быстро расплатиться со своими долгами'.*

3. Nd + Ger (debt + герундий), как, например, в терминах *debt factoring, debt restructuring, debt counselling, etc.*:

*# Bill therapy, however, is a company that will enable you to cope with your financial plans and even make ease of your personal paying out methods. Credit debt guidance providers generally enhance managing debt ideas seeing that resources for getting debt free. The use of your plan, ones own comprehensive unsecured debt is usually minimized since your unsecured debt doctor definitely will negotiate utilizing your debt collectors. # By using credit **debt counselling**, you will additionally be asked to help make 1 cost regular monthly. You are going to provide the selected cost you debt healthcare professional, and hubby may be the anyone to give it to your creditors. One boon of your choices are that is makes easier trades [COCA]*

‘# Однако Bill therapy – это компания, которая поможет вам справиться с вашими финансовыми планами и даже упростит ваши личные методы выплаты. Консультанты по кредитным задолженностям, как правило, улучшают идеи по управлению долгами, видя в этом ресурсы для избавления от долгов. Использование вашего плана, как правило, сводится к минимуму, поскольку ваш «лечащий врач» по необеспеченным долгам обязательно проведет переговоры с вашими коллекторами. # Используя **консультацию по кредитным долгам**, вас также попросят помочь регулярно оплачивать 1 единицу в месяц. Вы предоставите выбранному вами «медицинскому работнику» информацию о стоимости вашего долга, и муж может быть тем, кто предоставит ее вашим кредиторам. Одним из преимуществ вашего выбора является то, что он упрощает сделки’.

Заключение

Структурно-грамматический анализ объекта исследования, подобранного на основе современного словаря деловой английской терминологии [LBED], сопровождаемого контекстуальными иллюстрациями, извлеченными из национального корпуса американского варианта современного английского языка, позволяет сделать следующие выводы:

1. Выявлены пять наиболее распространенных структурных моделей изучаемых терминов деловой фразеологии группы (а), как-то: N + Nd, Ndrv + Nd, Ncomp + Nd, Adj + Nd, Ptcpl II + Nd.

2. Выявлены три наиболее распространенные структурные модели изучаемых терминов деловой фразеологии группы (б), как-то: Nd + N, Nd + Ndrv, Nd + Ger.

Результаты данной работы планируется использовать в построении типологических параллелей в структуре деловой терминологии фразеологического характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. Москва: Изд-во ФИЗМАТЛИТ, 2005. 232 с.
2. Багана Ж., Таранова Е. Н. Терминообразование в языке науки. Москва: ИНФРА-М, 2012. 144 с.
3. Бакина А. Д., Федуленкова Т. Н. Методы лингвистического исследования в синхронии и диахронии // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. № 8 (2). С. 190-196.
4. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. Москва: ФЛИНТА, Наука, 2018. 820 с.
5. Контанистова А. И., Федуленкова Т. Н. Теоретические предпосылки изучения ФЕ-терминов и их вариантов в английском языке делового общения // Вестник Северного (Арктического) Федерального университета. Сер. «Социальные и гуманитарные науки». 2024. Т. 24. № 2. С. 102-113.
6. Куликова И. С., Салмина Д. В. Лингвистическая терминология в профессиональном аспекте. Санкт-Петербург: Лань, 2020. 380 с.
7. Кунин А. В. Английская фразеология. Теоретический курс. Москва: Высш. шк., 1970. 344 с.
8. Лейчик В. М. Терминология: предмет, методы, структура. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
9. Сардалова Л. Р. Лингвистическое моделирование научно-популярного медико-оздоровительного дискурса // Вестник Пятигорского государственного университета. Пятигорск, 2017. № 4. С. 215-219.
10. Федуленкова Т. Н. Деловая фразеологическая терминология причастно-субстантивной структуры // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2021. Т. 17. Вып. 4 (54). С. 92-102.
11. Bakina A. D. The Problem of Variability in Biblical Phraseological Units // Вестник Томского педагогического государственного университета. 2023. № 1 (225). С. 58-68.
12. Fedulenkova T. Phraseologisation as a means of development of business terminology // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. Москва: НОПриЛ, 2023. С. 156-172.
13. Khamkhien A., Wharton S. Constructing subject-specific lists of multi-word combinations for EAP: A case study // *Yearbook of Phraseology*. 2020. 11. P. 9-34.
14. Piirainen E. Technology of modern times as a source of the «Lexicon of common figurative units» // *Proverbium. Yearbook of International Proverb Scholarship*. 2011. 27. P. 259-279.

ЛЕСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Murthy M. Longman Business English Dictionary. Harlow: Pearson Education Limited, 2007. 596 p. [LBED]

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ

Corpus of Contemporary American English. Available at: <https://www.english-corpora.org/coca>. (accessed: 10.10.2024). [COCA].

REFERENCES

1. Arakin, V. D. (2005). *Sravnitel'naya tipologiya angliyskogo i russkogo yazykov* [Comparative typology of English and Russian languages]. Moskva: FIZMATLIT. (In Russ.).
2. Bagana, Zh., Taranova E. N. (2012). *Terminoobrazovanie v yazyke nauki* [Terminology formation in the language of science]. Moskva: INFRA-M. (In Russ.).
3. Bakina, A. D., Fedulenkova T. N. (2022). *Metody lingvisticheskogo issledovaniya v sinkhronii i diakhronii* [Methods of linguistic research in synchrony and diachrony]. In *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*. No 8 (2). Pp. 190-196. (In Russ.).

4. Komarova, Z. I. (2018). *Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike* [Methodology, method, procedure and technology of scientific research in linguistics]. Moskva: FLINTA, Nauka. (In Russ.).

5. Kontanistova, A. I., Fedulenkova T. N. (2024). Teoreticheskie predposylki izucheniya PU-terminov i ikh variantov v angliyskom yazyke delovogo obscheniya [Theoretical prerequisites for the study of terms and their variants in the English language of business communication]. In *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) Federalnogo universiteta. Ser. Sotsialnye i gumanitarnye nauki*. Vol. 24. No 2. Pp. 102-113. (In Russ.).

6. Kulikova, I. S., Salmina, D. V. (2020). *Lingvisticheskaya terminologiya v professionalnom aspekte* [Linguistic terminology in the professional aspect]. Sankt-Peterburg: Lan. (In Russ.).

7. Kunin, A. V. (1970). *Angliyskaya frazeologiya. Teoreticheskiy kurs* [English phraseology. Theoretical course]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).

8. Leychik, V. M. (2009). *Terminologiya: predmet, metody, struktura* [Terminology: subject, methods, structure]. Moskva: LIBROKOM. (In Russ.).

9. Sardalova, L. R. (2017). Lingvisticheskoe modelirovanie nauchno-populyarnogo mediko-ozdorovitel'nogo diskursa [Linguistic modeling of popular scientific medical and wellness discourse]. In *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 4. Pp. 215-219. (In Russ.).

10. Fedulenkova, T. N. (2021). Delovaya frazeologicheskaya terminologiya prichastno-substantivnoy struktury [Business phraseological terminology of the participial-substantive structure]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Vol. 17. No 4(54). Pp. 92-102. (In Russ.).

11. Bakina, A. D. (2023). The Problem of Variability in Biblical Phraseological Units. In *Vestnik Tomskogo pedagogicheskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 1 (225). Pp. 58-68.

12. Fedulenkova, T. (2023). Phraseologisation as a means of development of business terminology. In *Uchenye zapiski Natsionalnogo obshchestva prikladnoy lingvistiki*. Moskva: NOPriL. Pp. 156-172.

13. Khamkhien, A., Wharton, S. (2020). Constructing subject-specific lists of multi-word combinations for EAP: A case study. In *Yearbook of Phraseology*. No 11. Pp. 9-34.

14. Piirainen, E. (2011). Technology of modern times as a source of the «Lexicon of common figurative units». In *Proverbium. Yearbook of International Proverb Scholarship*. No 27. Pp. 259-279.

LEXICOGRAPHIC SOURCE

Murthy M. Longman Business English Dictionary. Harlow: Pearson Education Limited, 2007. 596 p. [LBED]

SOURCE OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

Corpus of Contemporary American English. Available at: <https://www.english-corpora.org/coca>. (accessed: 10.10.2024). [COCA].

Федуленкова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации (e-mail: fedulenkova@list.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых» 600000, Владимир, Горького, 87

Fedulenkova Tatiana N. – Doctor of Philology, Professor of Foreign Languages Department (e-mail: fedulenkova@list.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Vladimir State University named after the Stoletovs» 87, Gorkogo, Vladimir, 600000

Поступила в редакцию 19 ноября 2024 г.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'27:811.

© 2025 Н. С. Шарафутдинова

КАНЦЕЛЯРИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье рассматривается применение канцеляризмов в современном медиадискурсе на примере новейших газет на русском языке. Изучается структура канцеляризмов и частотность их употребления в газетных текстах. Определяются наиболее активные слова и словосочетания канцелярского языка, которые используются в медиадискурсе.

Ключевые слова: канцеляризм, медиадискурс, газетный стиль речи, официально-деловой стиль, метод контекстуального анализа.

© 2025 N. S. Sharafutdinova

BUREAUCRATESE IN MODERN MEDIA DISCOURSE

The article discusses the use of bureaucratism in modern media discourse using the material of the latest newspapers in Russian. The structure of bureaucratism and the frequency of their use in newspaper texts are studied. The most active office words and phrases used in media discourse are singled out and analysed.

Key words: bureaucratism, media discourse, newspaper style of speech, official style, the method of contextual analysis.

1. Введение

В современном мире средства массовой информации играют важную роль в обществе, выполняя различные функции, как-то: агитация, информирование, пропаганда, убеждение, воспитание населения, социализация личности и др. Медийный дискурс, как сложная система глобального коммуникативного пространства, – это «мощное средство манипулирования сознанием огромного количества людей» [Мамонова, 2021: 72]. Жанры медиадискурса разнообразны, и функции медиа варьируются от жанра к жанру. Один из популярных жанров медиадискурса – это газета. Газета отличается намеренной выразительностью и экспрессивностью высказываний, имеет значимые характеристики: социальная оценочность, актуальная информативность, включение элементов разных стилей, смешение экспрессии и стандарта, использование канцеляризмов, клишированных фраз и выражений. По этой причине медиадискурс, в частности газетный дискурс, представляет собой богатый материал для лингвистических исследований.

Данная статья посвящена рассмотрению употребления канцеляризмов в современном медиадискурсе на примере электронных газет на русском языке.

Актуальность настоящей статьи объясняется тем, что современные средства массовой информации изобилуют канцеляризмами, бюрократическими оборотами речи, непривычными для обычного общения. Однако, несмотря на частое употребление канцелиаризмов в средствах массовой информации, в частности в газетных текстах, вопросы о функционировании канцелиаризмов в медиадискурсе мало изучены. Полученные результаты позволят расширить представления о функционировании канцелиаризмов в языке средств массовой информации.

Цель данной работы – изучить функционирование канцелиаризмов в современных русскоязычных газетах.

Достижение поставленной цели предполагает выполнение следующих задач: рассмотреть характерные свойства канцелиаризмов; выявить канцелиаризмы в отобранном корпусе русскоязычных газетных статей; классифицировать выявленные канцелиаризмы по их структуре; определить частотность употребления канцелиаризмов в современных газетах. При выполнении поставленных задач были использованы метод контекстуального анализа и количественно-статистический метод.

Объект исследования представляют русскоязычные канцелиаризмы.

Предмет исследования – употребление канцелиаризмов в газетах на русском языке.

Материалом для исследования послужили 1276 канцелиаризмов, выявленных в корпусе текстов общим объемом 90000 слов из электронных версий газет «Комсомольская правда», «Ведомости», «РБК», «Известия», «Аргументы и факты», «Аргументы недели», «Коммерсантъ», «ТАСС», «Народная газета», «Гудок», «Подмосковье сегодня», «Вечерняя Москва», «Ульяновская правда», «УП ulpravda.ru», «Мозаика» за 2021-2024 годы.

Практическая значимость работы видится в возможности применения материалов и результатов исследования на занятиях по культуре речи, стилистике и лексикологии русского языка.

2. Основная часть

Понятия «канцелиаризм» и «канцелиарит» становились объектом внимания ряда отечественных и зарубежных ученых, начиная с 30-х годов XX века. Об этом свидетельствуют лексикографические издания, авторы которых уже тогда вводили нормативно-стилистические пометы «канц.» и «офиц.». Так, в «Толковом словаре русского языка», изданном в 1935-1940 гг. под редакцией Д. Н. Ушакова, исследователи Т. С. Садова и Д. В. Руднев выявили более 240 лексем, которые сопровождаются пометой «канц.» [Садова, Руднев, 2023: 156].

К. И. Чуковский рассматривал канцелиарит как аспект культуры речи и определял его

как неоправданное использование слов и оборотов канцелярских бумаг вне официально-делового стиля, что ведет к оскудению выразительности речи [Чуковский, 1966: 143].

Современные лингвисты под термином «канцелярит» понимают канцелярско-бюрократический стиль речи, проникающий в другие стили, и изучают его не только как аспект культуры речи, но и в историко-культурном плане. Так, В. В. Дементьев называет канцелярит неизбежным следствием государственной идеологии в любом тоталитарном обществе [Дементьев, 2016: 276-277; см. также Попов, 2020]. В. М. Алпатов относит к канцеляриту «неуместное использование в русском литературном языке слов и синтаксических конструкций, специфичных для делового (канцелярского) стиля» [Алпатов, 2018: 254]. Э. Я. Гальперина (псевдоним – Н. Галь) характеризует канцелярит как мертвый и сухой язык. По мнению Э. Я. Гальпериной, в канцелярском языке предпочитается «длинное слово – короткому, официальное или книжное – разговорному, сложное – простому, штамп – живому образу» [Галь, 1972].

Американский ученый Брайан Гарнер считает, что канцелярит – это язык чиновников, характеризующийся бюрократической насыщенностью и важностью; язык, который можно было бы легко упростить [Garner, 2016]. При этом краткость означает разумное использование количества слов, чтобы не обременять читателя лишними словами.

Ряд зарубежных исследователей считает канцелярский язык стилем общения администрации с гражданами [Eckhard, Friedrich, Hautli-Janisz, Mueden, Espinoza, 2022].

Итак, в современном языкознании под канцеляризмами понимают слова и словосочетания, свойственные официально-деловому стилю речи, употреблённые в других стилях и иных условиях языкового общения. Приведем примеры канцеляризмов в русском языке: *в зависимости от, было принято решение, оказывать помощь, в целях повышения качества, на протяжении (месяца, года и т. д.), надлежащим образом, имеет место быть, заслушать доклад, довести до сведения, ставить вопрос.*

Лексические единицы типа *в настоящее время, имеет место быть*, уместные в официально-деловой речи, на страницах печати и в обиходной речи становятся канцеляризмами, вносят в предложение официальность, утяжеляют речь и усложняют восприятие. Вместо вышеназванных лексических единиц в медиадискурсе и в бытовой речи лучше употреблять слова *сейчас, есть*. Отказавшись от канцеляризма, мысль можно выразить проще. Сравните примеры предложений с канцеляризмом и их варианты без канцеляризма:

Мама совершила поливку цветов в саду. – *Мама полила цветы в саду* (Здесь и далее канцеляризм выделены нами – Н. Ш.).

Эта книга является моей. – *Это моя книга.*

Соседями было принято решение, оказать помощь пострадавшим. – Соседи решили помочь пострадавшим.

В целях повышения качества продукции был разработан ряд мероприятий. – Для улучшения качества продукции составили план работы.

Как показывают примеры, предложения без канцеляризма выглядят короче и проще для восприятия.

Канцелярит имеет свои отличительные признаки. Э. Я. Гальперина (Н. Галь) отмечает следующие основные характеристики канцелярита в русском языке:

- замена глагола причастием, деепричастием или существительным (часто отглагольным). Особо частое использование инфинитивов;
- неоправданное использование страдательного залога вместо действительного;
- употребление иноязычного заимствования при наличии его эквивалента в русском языке;
- однообразная и клишированная лексика. Слова, проникшие из официально-делового стиля в общеупотребительный язык: *на данном этапе, поднять вопрос, следует отметить* и др. [Галь, 2001].

Брайан Гарнер выделяет следующие характеристики канцелярита в английском языке:

- предпочтение длинного предложения короткому; усложненность предложения: *make it take a lease* вместо *rent*; *make recommendations* вместо *recommend*;
- использование длинной фразы, когда можно было бы использовать более короткую: *make it voluntarily enter into a binding lease agreement* вместо *take a lease*;
- использование замысловатых единиц вместо простых слов: *make it obtain* вместо *get*; *facsimile transmittal* вместо *fax*;
- предпочтение расплывчатых фраз прямым фразам: *make it initiate the application process* вместо *apply*; *effectuate the successful administration of* вместо *carry out*;
- использование пассивного залога вместо активного: *make it when the forms have been submitted, a hearing will be set* вместо *when you submit the forms, we'll set a hearing* [Garner, 2016].

С. Asuzu вносит ряд дополнений в выше изложенный список характерных свойств канцелярита в английском языке. Ср.:

- использование устойчивых оборотов с предлогами вместо наречия. Канцелярит: *The mediator abandoned the negotiations in anger*. Литературный вариант: *The mediator abandoned the negotiations angrily*;

– использование устойчивых оборотов с предлогами вместо слов в родительном падеже. *When I began teaching legal writing, I had to confront the resistance of lawyers to new ideas.* Улучшенный вариант: *When I began teaching legal writing, I had to confront lawyers' resistance to new ideas;*

– использование двойных отрицаний. Например: *failed to show unwillingness* (досл. не сумел проявить нежелание) вместо *showed will* (проявил желание) [Asuzu, 2019].

Изучив признаки канцелярита, предлагаем рекомендации по избавлению общепотребительного языка от канцеляризм:

– в общепотребительном языке желательно применять активный залог, а не страдательный;

– не стоит допускать длинные цепи существительных в родительном падеже;

– предпочитать иноязычным заимствованиям свои слова;

– следует избегать длинных предложений с большим количеством придаточных предложений, желательно составлять короткие и понятные предложения;

– не злоупотреблять словами из официально-делового стиля в разговорном и публицистическом стилях речи;

– по возможности избегать отыменных предлогов,

Канцеляризм нередко обладают размытым значением. Авторы газетных статей и рекламы используют слова с размытым значением для создания впечатления убедительности, уверенности и официальности, хотя такие лексические единицы только усыпляют бдительность потребителя и читателя. Значение некоторых канцеляризм варьируется в зависимости от речевой ситуации. Например, слово *мероприятие* не выражает определенного значения. Мероприятием может называться праздник, собрание, конференция, событие, торжество, процедура, встреча и т. д. Например:

28 июня в рамках Всероссийской ярмарки трудоустройства будут организованы мероприятия для взаимодействия выпускников с ведущими работодателями региона [Народная газета, 08.05.2024].

Прошлогодний аутсайдер – Старокулаткинский район – поднялся на верхнюю строчку «турнирной таблицы» по вовлеченности в мероприятия по выявлению и сопровождению одаренных детей [Народная Газета, 03.01.2024].

В следующем примере только контекст позволяет понять, что мероприятие – это бесплатная экскурсия по железнодорожному вокзалу Астрахани для читателей городских библиотек.

Мероприятие стало частью проекта «Книжный вагон», реализуемого Централизованной городской библиотечной системой (ЦГБС) совместно с Приволжской железной дорогой [Гудок, 25.10.2024].

Канцелярит обезличивает предложения, подчеркивает деловой и дистанцированный характер отношений между автором и адресатом [Загуменкина, 2021:126]. Канцеляризм выступают как устойчивые штампы и применяются журналистами для быстрого написания текста. Однако большое количество канцеляризмов и канцелярских оборотов делают медиатекст клишированным и однообразным.

Образование канцеляризмов – это искусственное создание слов, при котором они воспринимаются как элементы, несоответствующие языковой системе. Так, в бытовой речи и в газетных статьях часто встречаются канцеляризм *лесной массив* (лес) и *медицинский работник* (медсестра). Например:

Он состоится 6 января в 11.00 на главной лыжной трассе райцентра – в лесном массиве за Майнской районной больницей [Народная Газета, 03.01.24].

Здесь вы найдете буквально все для отдыха. Как и в любом парке, здесь есть живописный лесной массив, в прогулке по которому можно насладиться чистым воздухом [Мозаика, 11.06.2024].

Я решила стать медицинским работником, – вспоминает девушка [Комсомольская Правда, 28.03.2021].

Использование канцеляризмов не по прямому назначению приводит к речевым ошибкам: *Я не пошел в гости по причине работы.*

Канцелярит – это сложный язык и стиль письма, используемый в официально-деловых документах. Иногда бюрократический язык действительно необходим, например, при написании доверенности или других юридических документов. Однако не стоит злоупотреблять канцеляризмами и в деловых бумагах, поскольку они затрудняют восприятие и понимание текста. То, что канцелярский язык помогает достичь конкретики в речи – ошибочное мнение. Текст, в котором используются канцеляризм с неточным значением, вводит читателей в заблуждение. За пределами официального стиля канцеляризм воспринимаются как чужеродные и вызывают психологическое отторжение у аудитории.

Отметим, что четкой и единой классификации канцеляризмов не существует. В рамках нашего исследования целесообразно распределить канцеляризм по их архитектурной структуре в три категории:

- 1) канцеляризм-слова;
- 2) канцеляризм-словосочетания (словосочетания, свойственные официально-

деловому стилю; отыменные предлоги, расщепленное сказуемое);

3) канцеляризм-предложения (запутанный строй фразы; частое использование инфинитивов в предложении; сложные конструкции в страдательном залоге; избытие придаточных предложений).

Нами было подсчитано количество употреблений слов-канцеляризм, словосочетаний-канцеляризм и предложений-канцеляризм в корпусе отобранных текстов. Количественные данные сравнивались с целью понять, какие категории канцеляризм глубоко укоренились в русскоязычных газетах. Анализ текстов показал, как часто журналисты употребляют канцеляризм в своих статьях. Как уже ранее было отмечено, нами выявлены 1276 случаев употребления канцеляризм в корпусе русскоязычных газетных текстов общим объемом 90000 слов.

Тексты статей анализировались без использования электронных программ, поскольку каждый случай употребления канцеляризма индивидуален и зависит от контекста. В настоящей работе полужирным начертанием выделены примеры канцеляризм, а курсивом – предложения из газетной статьи, осложненные канцеляризмом.

Нами было выявлено 412 случаев употребления канцеляризм-слов, что составляет 32% от общего количества канцеляризм в материалах исследования. Большинство канцеляризм-слов – это слова официально-делового стиля речи, иностранные слова и слова с размытой семантикой. Такие канцеляризм-слова, как *ситуация*, *являться*, *функционирование*, *момент*, *мероприятие*, встречались в текстах выборки от 30 до 35 раз, мы считаем их высокочастотными.

Самое частотное канцелярское слово в русском языке – **ситуация** (35 случаев употребления). Слово *ситуация* имеет расплывчатое значение, его можно заменить на лексемы *обстановка*, *положение дел*, *совокупность обстоятельств* или *событие*. Приведем примеры из газет за 2024 год, в которых *ситуация* имеет разные значения:

*На нашей детской площадке никто не убирает мусорные урны, и думаю, что такая **ситуация** складывается не только у нас* [Народная газета, 10.07.2024].

*Причина – нештатная **ситуация*** [УП ulpravda.ru, 25.10.2024].

*Но сейчас **ситуация** такова, что центральная спортивная арена Ульяновска потеряна безвозвратно для хоккея с мячом* [УП ulpravda.ru, 27.10.24].

Второе место по частоте использования занимает слово **являться** (34 случая употребления). Этот глагол, употребленный не в официально-деловом стиле речи, считается канцеляризмом, он показывает состояние объекта, но не действие. Его можно просто опустить. Например:

Сообщается, что Банк России также будет **являться** оператором платформы виртуальной валюты» [Аргументы недели, 05.01.2023]. Мы предлагаем следующий вариант этого предложения: *Сообщается, что Банк России также будет оператором платформы виртуальной валюты.*

Другой важной темой сериала **является** противопоставление укладов закрытой старообрядческой общины и жестокого современного мегаполиса. [Вечерняя Москва, 25.10.2024]. Наш вариант без канцеляризма: *Другая важная тема сериала – противопоставление укладов закрытой старообрядческой общины и жестокого современного мегаполиса.*

Еще один часто употребляемый канцеляризм – многозначное слово **момент** (30 случаев употребления).

Он сложный, в нем много юридических **моментов** [Коммерсантъ: Радио «Ъ» FM, 25.10.2024.]. Вместо лексемы *моментов* в этом предложении более уместно слово *составляющих*.

Слово *момент* в следующих примерах можно легко заменить на лексическую единицу, указывающую на конкретное время (сейчас, мгновение, минута, час или другой указатель времени). Например:

Отметим, что в момент нападения он был пьян, что будет рассматриваться судом как тяготящее обстоятельство [Аргументы и факты: samara.aif.ru, 28.10.2024]. Точный и ясный вариант этого предложения: *Отметим, что во время нападения он был пьян, что будет рассматриваться судом как тяготящее обстоятельство.*

В какой-то момент итифт, на котором всё держалось, сломался, перелом перестал срастаться, и образовался ложный сустав [Аргументы и факты: U1.ru, 09.10.2024].

Многозначное слово **функционировать** в ниже приведенных примерах употребляется в значении ‘действовать’:

*<...> далеко не в каждом провинциальном городе существует такая концертная организация, которая будет **функционировать** в постоянном режиме* [Коммерсантъ: Ярославль, 25.10.2024].

*В новом помещении будут **функционировать** большая и малая операционные, а пациенток разместят в комфортабельных палатах* [УП ulpravda.ru, 28.08.2024].

Среди слов-канцелизмов достаточно много отглагольных существительных. Отглагольное имя существительное **функционирование** в следующем примере употребляется в значении ‘деятельность’, ‘работа’:

Функционирование высшего должностного лица субъекта Российской Федерации

и муниципального образования [Ульяновская правда, 16.07.2024].

Отметим, что со временем часто используемые в медиадискурсе канцеляризмы, такие, как *являться*, *момент*, *функционировать* закрепляются в языковой практике и не воспринимаются носителями русского языка как чужеродные.

В корпусе отобранных газетных статей выявлены 536 канцеляризм-словосочетаний, что составляет 42% от общего количества канцеляризм в материалах исследования. Случаев употребления русскоязычных канцеляризм-словосочетаний в газетных текстах больше, чем канцеляризм-слов. Это связано с тем, что устойчивые словосочетания помогают связывать члены предложения, что выгодно журналисту для быстрого написания статьи.

К высокочастотным русскоязычным канцеляризм-словосочетаниям следует относить: *позволять повысить, по данным, в рамках, в частности, принимать участие, денежные средства, в настоящее время, имеет место быть*. Эти канцеляризмы применены в корпусе анализируемых текстов от 21 до 45 раз.

На первом месте по частотности употребления канцеляризм-словосочетаний – лексическая единица *по данным*. Это словосочетание заменяет в предложении глагол, что делает его «обездвиженным» и безличным. Например:

По данным компании, доля использования комплектующих от российских поставщиков уже сейчас превышает 50%» [ТАСС, 03.01.2023]. Можно предложить следующий вариант этого предложения: Компания **выявила**, что доля использования комплектующих от российских поставщиков уже сейчас превышает 50%.

Еще одним частым канцеляризм-словосочетанием в газетных статьях является словосочетание *принимать участие*. Синоним этого словосочетания – участвовать. Словосочетания, которые имеют эквивалент в одно слово, в обыденной речи целесообразно заменять на более короткий вариант. Например:

На протяжении всей смены ребята **принимали участие** в развивающих играх и выполняли командные задания» [Гудок, 11.01.2023]. Мы предлагаем следующий вариант этого предложения: На протяжении всей смены ребята **участвовали** в развивающих играх и выполняли командные задания.

Мальчик, о котором идет речь в публикациях, отрицательно на решение коллектива не отреагировал, **принимал участие** в мероприятии памяти без всякого принуждения <...> [Аргументы и факты KubanAIF.ru, 25.10.2024]. Лексему *принимал участие* лучше заменить на равнозначное слово *участвовал*.

Словосочетание *денежные средства* часто встречается в газетных статьях, где

лучше подходит слово *деньги*:

В этих субъектах денежные средства получили 5,6 тысячи человек [Народная газета, 10.07.2024].

Наличные денежные средства провозил гражданин Китая в ежедневнике, каждая страница его была заложена купюрами [ТАСС, 27.10.2024].

Злоумышленники переводят на них похищенные у банковских клиентов *денежные средства*. [РБК, 25.10. 2024].

Употребление в следующей газетной статье словосочетания *имеет место быть* в значении 'есть' выглядит достаточно странным. Ср.:

«Мы профессионалы, я считаю. Если это *имеет место быть* в картине, если это оправдано, то почему нет?» – сказала Диана [Комсомольская правда, 24.10.2024].

В этом примере канцеляризм принадлежит не автору статьи, а интервьюируемой. Рассматривая речь журналиста и интервьюируемого, С. М. Кравцов и К. В. Шевченко отмечают, что интервьюируемый «далеко не всегда соблюдает языковые нормы, в частности стилистические» [Кравцов, Шевченко, 2023: 60].

Среднее положение по частоте употребления (от 9 до 20 раз на 90000 слов) занимают следующие канцеляризмы-словосочетания: *в соответствии с, по состоянию на, в настоящее время, по вопросу, в ходе, по оценке, способствовать сокращению, по причине, на данный момент, на текущий момент*. Приведем примеры из газет за 2024 год:

В настоящее время выясняется, кто именно и в какой период мог произвести замену данного исторического документа [Подмосковье сегодня, 25.10.2024].

Житель села Вороновка Сосновоборского сельского поселения Алексей Брежнев в настоящее время выполняет боевые задачи по защите границ Российского государства [Народная Газета, 03.01.2024]. В этих двух примерах канцеляризм *в настоящее время* можно легко заменить на слово *сейчас*.

С начала реализации программы реновации в 2017 г. жители 812 старых домов получили новое жилье, всего *на данный момент* к переезду приступили жители 1073 аварийных построек, рассказал заместитель мэра Москвы по вопросам градостроительной политики и строительства Владимир Ефимов [Ведомости, 25.10.2024]. Фразу *на данный момент* можно заменить на одно слово *сегодня*. Следующий пример аналогичен.

На текущий момент активно продолжается строительство четвертого, пятого и шестого корпусов [Ведомости, 25.10.2024]. Предлагаем канцеляризм *на текущий момент* заменить на слово *сегодня*.

Кроме того, она отметила, что *на текущий момент* принятые нормативные

документы полностью закрывают доступ на российский рынок для недружественных нерезидентов [РБК, 17.10.2024]. В этом примере словосочетание *на текущий момент* можно исключить.

К низкочастотным канцеляризмам-словосочетаниям (от 1 до 8 употреблений на 90000 слов) можно отнести: *в текущей ситуации, в кратчайшие сроки, по информации, аналогичный период, направить запрос, в ближайшее время, создать отрыв, зафиксировать победу, вступить в силу, совершить остановку.*

Есть случаи, когда целые предложения построены на канцелярском языке. Например: «Документ поступил в Минстрой и принят в работу» [Известия, 10.11.2022]. Смысл этого предложения – *Минстрой принял документ.*

Нами выявлены 328 случаев построения предложений на канцелярском языке, что составляет 26 % от общего количества канцеляризм в материалах исследования. Среди часто употребляемых предложений и клишированных фраз на канцелярите – односоставное определенно-личное предложение *довожу до вашего сведения*:

Как класный руководитель, довожу до вашего сведения, что наша школа закрывается 28 (29, 30) мая и больше существовать не будет [РБК, 30.04.2021]. В этом контексте вместо канцелярской фразы *довожу до вашего сведения* было бы правильнее использовать короткую и ясную фразу *информирую вас (уведомляю вас, сообщаю вам).*

Итак, представленный материал показывает употребление канцеляризм в современных русскоязычных газетах.

3. Выводы

Проанализировав корпус газетных текстов общим объемом 90000 слов (примерно 500000 печатных знаков), делаем выводы:

3.1. В медиадискурсе встречаются слова, словосочетания и предложения, свойственные официально-деловому стилю. В текстах публицистического стиля, в частности в газетных статьях, они приобретают статус канцеляризм.

3.2. В русскоязычных газетах канцеляризм-словосочетания встречаются чаще, чем канцелярские слова и предложения; их количество составляет 536 единиц, 42% от общего количества выявленных канцеляризм.

3.3. На втором месте по частоте употребления находятся канцеляризм-слова (412 единиц), они составляют 32 % от общего количества выявленных канцеляризм.

3.4. Канцеляризм-предложения (328 единиц) составляют 26 % от общего количества выявленных канцеляризм. В русскоязычных газетах предложения-канцеляризм характеризуются наличием неестественных длинных фраз, страдательного

залога вместо действительного, нескольких придаточных предложений, несвойственных для разговорной речи.

3.5. Максимальное количество канцеляризов в газетной статье – 24 случая употребления на 800 слов. В то же время есть статьи, полностью свободные от канцелярского языка. Наличие или отсутствие канцеляризов в тексте зависит от языка автора и тематики текста. Например, политические статьи содержат больше канцеляризов, чем статьи в таких рубриках, как спорт, культура.

3.6. Журналисты обращаются к канцеляризмам с целью разнообразить лексику в статье и создать видимость официальности. В таких случаях авторы газетных статей отдают предпочтение лексеме делового стиля. На наш взгляд, использование канцеляризов в медиадискурсе – это один из способов привлечения внимания адресата (читателя, слушателя).

3.7. Некоторые часто употребляемые канцеляризы (например, *являться, принимать участие*) не воспринимаются в медийном дискурсе как чужеродные.

3.8. Перспективы дальнейших исследований канцеляризов видятся нам в рассмотрении разговорной речи граждан на предмет употребления в ней канцеляризов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов В. М. В защиту канцелярита // *Жанры речи: международный научный журнал*. 2018. № 4 (20). С. 254-260.
2. Галь Н. Слово живое и мертвое: от «Маленького принца» до «Короля дураков». 5-е изд., доп. Москва: Международные отношения, 2001. 368 с.
3. Дементьев В. В. Речезанровые коммуникативные ценности в новых сферах русской речи. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2016. 396 с.
4. Загуменкина В. С. Тексты официально-делового стиля как смысловые конструкты с установкой на когнитивное понимание // *Вестник Тверского государственного университета*. Серия: Филология. 2021. № 1 (68). С. 124-133.
5. Кравцов С. М., Шевченко К. В. Современный французский дискурс: функциональный и прагмалингвистический аспекты // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонГУ, 2023. Т. 19. Вып. 1 (59). С. 54-63.
6. Мамонова Н. В. Медиадискурс как глобальное коммуникативное пространство // *Гуманитарные исследования. История и филология: электронный научный рецензируемый журнал*. 2021. № 3. С. 68-74. DOI: <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2021-3-68-74>.
7. Попов Д. В. Канцеляризы как историческая стилистическая категория // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2020. N 3-4 March-April. P. 12-19. Доступ: https://www.researchgate.net/publication/342515069_Kancelarizmy_kak_istoriceskaa_stilistics_kaa_kategoria. (дата обращения: 30.10.2024).
8. Садова Т. С., Руднев Д. В. Слова с пометой «канц.» в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова // *Филологический класс*. 2023. Т. 28. № 4. С. 155-164.
9. Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 6-ти т. Москва: Художественная литература, 1966. Т. 3. Живой как жизнь; Высокое искусство. 839 с.

10. Asuzu C. *Learned Writing*. Singapore: Partridge Publishing Singapore, 2019. 772 p. Available at: https://www.google.ru/books/edition/Learned_Writing/_eCaDwAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0. (accessed: 30.10.2024).

11. Eckhard S., Friedrich L., Hautli-Janisz A., Mueden V., Espinoza I. A taxonomy of administrative language in public service encounters. 2022. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10967494.2022.2075062>. (accessed: 21.10.2024).

12. Garner B. A. *Garner's Modern English Usage*. Oxford: Oxford University Press, 2016. 1056 p. Available at: <https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780190491482.001.0001/acref-9780190491482-e-5586;jsessionid=2348992C0C6FBC0FA335439F98E58DA7>. (accessed: 05.11.2024).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Аргументы и факты: KubanAIF.ru, 25.10.2024. Доступ: <https://kuban.aif.ru/dontknows/kto-organizoval-detskiy-koncert-lozhkarey-na-kladbishche-v-gelendzhike>. (дата обращения: 07.11.2024).

2. Аргументы и факты: ULAIF.ru, 09.10.2024. Доступ: <https://ul.aif.ru/health/medicina/ulyanovskie-travmatologi-prooperirovali-pacienta-s-lozhnym-sustavom>. (дата обращения: 07.11.2024).

3. Аргументы и факты: samara.aif.ru, 28.10.2024. Доступ: <https://samara.aif.ru/incidents/muzhchina-napal-s-nozhom-na-kollegu-v-syzrani>. (дата обращения: 08.11.2024).

4. Аргументы недели, 5.01.2023. Доступ: <https://argumenti.ru/economics/2023/01/807451>. (дата обращения: 08.11.2024).

5. Ведомости, 25.10.2024. Доступ: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2024/10/25/zavershayutsya-monolitnie-raboti-v-chetvertom-korpuse-rg-development-prodolzhaet-vozvedenie-zhk-mihalkovskii. (дата обращения: 02.11.2024).

6. Вечерняя Москва, 25.10.2024. Доступ: <https://files.vm.ru/pdf/2024.10/original/671a854582682c0aaa7738e5.pdf>. (дата обращения: 08.11.2024).

7. Гудок, 11.01.2023. Доступ: <https://gudok.ru/newspaper/?ID=1624004&archive=2023.01.11>. (дата обращения: 07.11.2024).

8. Гудок, 25.10.2024. Доступ: <https://www.gudok.ru/zdr/174/?ID=1684375>. (дата обращения: 07.11.2024).

9. Известия, 10.11.2022. Доступ: <https://iz.ru/1423118/mariia-perevoshchikova/dachi-nenado-v-rf-predlozhili-provesti-renovatciiu-dlia-sadovodov>. (дата обращения: 08.11.2024).

10. Коммерсантъ: Радио «Ъ» FM. 25.10.2024. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/7264050?query>. (дата обращения: 07.11.2024).

11. Коммерсантъ: Ярославль. 25.10.2024. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/7263803?query>. (дата обращения: 07.11.2024).

12. Комсомольская Правда, 28.03.2021. Доступ: <https://www.donetsk.kp.ru/daily/27257.5/4388951>. (дата обращения: 07.11.2024).

13. Комсомольская Правда, 24.10.2024. Доступ: <https://www.kp.ru/online/news/6056351>. (дата обращения: 07.11.2024).

14. Мозаика, 11.06.2024. Доступ: https://mosaica.ru/ru/ul/news/2024/06/11/gde-otdokhnut-v-ulyanovske-letom-2024-goda?from=archive_popular. (дата обращения: 07.11.2024).

15. Народная Газета, 03.01.24. Доступ: https://ulpravda.ru/pdf/6/%D0%9D%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%B0%D1%8F_01_03_01_2024.pdf. (дата обращения: 07.11.2024).

16. Народная Газета, 08.05.2024. Доступ: https://ulpravda.ru/pdf/6/Народная_19_08_05_2024.pdf. (дата обращения: 07.11.2024).

17. Народная Газета, 10.07.2024. Доступ: https://ulpravda.ru/pdf/6/Народная_28_10_07_2024.pdf. (дата обращения: 07.11.2024).

18. Подмосковье сегодня, 25.10.2024. Доступ: <https://mosregtoday.ru/news/soc/podlinnik-ukaza-petra-ii-propal-iz-rossijskogo-voenno-istoricheskogo-arhiva>. (дата обращения: 08.11.2024).
19. РБК, 30.04.2021. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/30/04/2021/608bc6219a7947b6919d2c2e>. (дата обращения: 08.11.2024).
20. РБК, 17.10.2024. Доступ: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/6710d88e9a794700a9458b8f?from=sory>. (дата обращения: 07.11.2024).
21. РБК, 25.10.2024. Доступ: <https://www.rbc.ru/newspaper/2024/10/25>. (дата обращения: 06.11.2024).
22. ТАСС, 03.01.2023. Доступ: <https://tass.ru/opinions/16706691>. (дата обращения: 07.11.2024).
23. ТАСС, 27.10.2024. Доступ: <https://tass.ru/obschestvo/22243975>. (дата обращения: 07.11.2024).
24. Ульяновская правда, 16.07.2024. Доступ: https://ulpravda.ru/pdf/1/Ульяновская%20правда_52_16.07.2024.pdf. (дата обращения: 07.11.2024).
25. УП ulpravda.ru, 28.08.2024. Доступ: <https://ulpravda.ru/rubrics/meditsina/v-oblastnoi-bolnitse-vremenno-priostanovlena-rabota-ginekologicheskogo-otdeleniia>. (дата обращения: 06.11.2024).
26. УП ulpravda.ru, 25.10.2024. Доступ: <https://ulpravda.ru/rubrics/soc/u-puteprovoda-vstali-tramvai>. (дата обращения: 07.11.2024).
27. УП ulpravda.ru, 27.10.2024. Доступ: <https://ulpravda.ru/rubrics/sport/novyi-direktor-khk-volga-nikolai-tsukanov-ia-vyros-v-almamater-russkogo-khokkeia>. (дата обращения: 08.11.2024).

REFERENCES

1. Alpatov, V. M. (2018). V zaschitu kantselyarita [In Defence of Bureaucrats]. In *Zhanry rechi: mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal*. No 4 (20). Pp. 254-260. (In Russ.).
2. Gal, N. (2001). *Slovo zhivoe i mertvoe: ot «Malenkogo printsa» do «Korolya durakov»* [The word is alive and dead: from «The Little Prince» to «The King of Fools»]. 5-emizd., dop. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.).
3. Dementev, V. V. (2016). *Rechezhanrovye kommunikativnye tsennosti v novykh i noveyshikh sferakh russkoy rechi* [Speech genre communicative values in the new and newest spheres of Russian Speech]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta. (In Russ.).
4. Zagumenkina, V. S. (2021). Teksty ofitsialno-delovogo stilya kak smyslovye konstrukty s ustanovkoy na kognitivnoe ponimanie [Official style texts as semantic constructs within the frame of cognitive comprehension]. In *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Filologiya. No 1 (68). Pp. 124-133. (In Russ.).
5. Kravtsov, S. M., Shevchenko, K. V. (2023). Sovremennyy frantsuzskiy diskurs: funktsionalnyy i pragmalingvisticheskiy aspekty [Modern French sports discourse: functional and pragmalinguistic aspects]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonGU, T.19. Vol. 1 (59). Pp. 54-63. (In Russ.).
6. Mamonova, N. V. (2021). Mediadiskurs kak globalnoe kommunikativnoe prostranstvo [Media discourse as a global communicative space]. In *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya*. No 3. Pp. 68-74. DOI: <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2021-3-68-74>. (In Russ.).
7. Popov, D. V. (2020). Kantselyarizmy kak istoricheskaya stilisticheskaya kategoriya [Offices words as a historical stylist category]. In *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. No. 3-4 March-April. Pp. 12-19. Available at: https://www.researchgate.net/publication/342515069_Kancelarizmy_kak_istoriceskaa_stilisticskaa_kategoriya. (accessed: 30.10.2024). (In Russ.).

8. Sadova, T.S., Rudnev, D. V. (2023). Slova s pometoy «kanc.» v «Tolkovom slovare russkogo yazyka» pod redaktsiyey D. N. Ushakova [Words marked «kants. » in the «Explanatory Dictionary of the Russian Language» edited by D. N. Ushakov]. In *Filologicheskiy klass*. Vol. 28. No 4. Pp. 155-164. (In Russ.).

9. Chukovskiy, K. I. (1966). *Sobranie sochineniy [Collected papers]: in 6-ti t.* Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1966. Vol. 3: Zhivoy kak zhizn; Vysokoe iskusstvo. (In Russ.).

10. Asuzu, C. (2019). *Learned Writing*. Singapore: Partriding Publishing Singapore. Available at: https://www.google.ru/books/edition/Learned_Writing/_eCaDwAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0 (accessed: 30.10.2024).

11. Eckhard, S., Friedrich, L., Hautli-Janisz, A., Mueden, V., Espinoza, I. (2022). *A taxonomy of administrative language in public service encounters*. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10967494.2022.2075062> (accessed: 21.10.2024).

12. Garner, B. A. (2016). *Garner's Modern English Usage*. Oxford: Oxford University Press. Available at: <https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780190491482.001.0001/acref-9780190491482-e-5586;jsessionid=2348992C0C6FBC0FA335439F98E58DA7> (accessed: 05.11.2024).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Argumenty i fakty*: KubanAIF.ru, 25.10.2024. Available at: <https://kuban.aif.ru/dontknows/kto-organizoval-detskiy-koncert-lozhkarey-na-kladbishche-v-gelendzhike>. (accessed: 07.11.2024).

2. *Argumenty i fakty*: UIAIF.ru, 09.10.2024. Available at: <https://ul.aif.ru/health/medicina/ulyanovskie-travmatologi-prooperirovali-pacienta-s-lozhnym-sustavom>. (accessed: 07.11.2024).

3. *Argumenty i fakty*: samara.aif.ru, 28.10.2024. Available at: <https://samara.aif.ru/incidents/muzhchina-napal-s-nozhom-na-kollegu-v-syzrani>. (accessed: 08.11.2024).

4. *Argumenty nedeli*, 5.01.2023. Available at: <https://argumenti.ru/economics/2023/01/807451>. (accessed: 08.11.2024).

5. *Vedomosti*, 25.10.2024. Available at: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2024/10/25/zavershayutsya-monolitnie-raboti-v-chetvertom-korpuse-rg-development-prodolzhaet-vozvedenie-zhk-mihalkovskii. (accessed: 02.11.2024).

6. *Vechernyaya Moskva*, 25.10.2024. Available at: <https://files.vm.ru/pdf/2024.10/original/671a854582682c0aaa7738e5.pdf>. (accessed: 08.11.2024).

7. *Gudok*, 11.01.2023. Available at: <https://gudok.ru/newspaper/?ID=1624004&archive=2023.01.11>. (accessed: 07.11.2024).

8. *Gudok*, 25.10.2024. Available at: <https://www.gudok.ru/zdr/174/?ID=1684375>. (accessed: 07.11.2024).

9. *Izvestiya*, 10.11.2022. Available at: <https://iz.ru/1423118/mariia-perevoshchikova/dachi-n-nado-v-rf-predlozhili-provesti-renovatciiu-dlia-sadovodov>. (accessed: 08.11.2024).

10. *Kommersant*: Radio FM. 25.10.2024. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/7264050?query>. (accessed: 07.11.2024).

11. *Kommersant*: Jaroslavl. 25.10.2024. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/7263803?query>. (accessed: 07.11.2024).

12. *Komsomolskaya Pravda*, 28.03.2021. Available at: <https://www.donetsk.kp.ru/daily/27257.5/4388951>. (accessed: 07.11.2024).

13. *Komsomolskaya Pravda*, 24.10.2024. Available at: <https://www.kp.ru/online/news/6056351>. (accessed: 07.11.2024).

14. *Mozayka*, 11.06.2024. Available at: https://mosaica.ru/ru/ul/news/2024/06/11/gde-otdokhnut-v-ulyanovske-letom-2024-goda?from=archive_popular. (accessed: 07.11.2024).

15. *Narodnaya Gazeta*, 03.01.24. Available at: <https://ulpravda.ru/pdf/6/%D0%9D%>

D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%B0%D1%8F_01_03_01_2024.pdf.
(accessed: 07.11.2024).

16. *Narodnaya Gazeta*, 08.05.2024. Available at: https://ulpravda.ru/pdf/6/Narodnaja_19_08_05_2024.pdf. (accessed: 07.11.2024).

17. *Narodnaya Gazeta*, 10.07.2024. Available at: https://ulpravda.ru/pdf/6/Narodnaja_28_10_07_2024.pdf. (accessed: 07.11.2024).

18. *Podmoskove segodnya*, 25.10.2024. Available at: <https://mosregtoday.ru/news/soc/podlinnik-ukaza-petra-ii-propal-iz-rossijskogo-voenno-istoricheskogo-arhiva>. (accessed: 08.11.2024).

19. *RBK*, 30.04.2021. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/30/04/2021/608bc6219a7947b6919d2c2e>. (accessed: 08.11.2024).

20. *RBK*, 17.10.2024. Available at: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/6710d88e9a794700a9458b8f?from=copy>. (accessed: 07.11.2024).

21. *RBK*, 25.10.2024. Available at: <https://www.rbc.ru/newspaper/2024/10/25>. (accessed: 06.11.2024).

22. *TASS*, 03.01.2023. Available at: <https://tass.ru/opinions/16706691>. (accessed: 07.11.2024).

23. *TASS*, 27.10.2024. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/22243975>. (accessed: 07.11.2024).

24. *Ulyanovskaya pravda*, 16.07.2024. Available at: https://ulpravda.ru/pdf/1/Uljjanovskaja%20pravda_52_16.07.2024.pdf. (accessed: 07.11.2024).

25. *UP ulpravda.ru*, 28.08.2024. Available at: <https://ulpravda.ru/rubrics/meditsina/v-oblastnoi-bolnitse-vremenno-priostanovlena-rabota-ginekologicheskogo-otdeleniia>. (accessed: 06.11.2024).

26. *UP ulpravda.ru*, 25.10.2024. Available at: <https://ulpravda.ru/rubrics/soc/u-puteprovozda-vstali-tramvai>. (accessed: 07.11.2024).

27. *UP ulpravda.ru*, 27.10.2024. Available at: <https://ulpravda.ru/rubrics/sport/novyi-direktor-khk-volga-nikolai-tsukanov-ia-vyros-v-almamater-russkogo-khokkeia>. (accessed: 08.11.2024).

Шарафутдинова Насима Саетовна – доктор филологических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков (e-mail: nassima@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ульяновский государственный технический университет» 432027, Ульяновск, Северный Венец, 32

Sharafutdinova Nasima S. – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor, Head of Foreign Languages Department (e-mail: nassima@mail.ru), Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Ulyanovsk State Technical University» 32, Severny Venets, Ulyanovsk, 432027

Поступила в редакцию 11 ноября 2024 г.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81.371:811.111:811.112.2:811.161.1

© 2025 Ш. Р. Басыров

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ НЕЧЕСТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ*

Статья посвящена сопоставительному изучению глаголов, обозначающих нечестное поведение человека типа «тайно извещать, доносить, стучать и т.п.». Данные глаголы часто встречаются в разговорной речи, в различных социолектах (арго, жаргон, просторечье и др.) и являются стилистически маркированными словами, среди которых преобладают глаголы с негативной оценкой.

Ключевые слова: нечестное поведение, оценка, негативная оценка, аргот, мотивирующая основа, способ образования, семантический сдвиг (переосмысление).

© 2025 Sh. R. Basyrov

AXIOLOGICAL SEMANTICS OF VERBS DENOTING DISHONEST BEHAVIOR IN RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES

The article deals with a comparative study of verbs denoting dishonest human behavior such as 'to tip off, to snitch, to squeal on, etc'. Such verbs are often found in colloquial speech, in various sociolects (argot, jargon, colloquialisms, etc.) and appear to be stylistically marked words, among which verbs with a negative evaluation tend to prevail.

Key words: dishonest behavior, evaluation, negative evaluation, argot, motivational basis, formation method, semantic shift (reinterpretation).

1. Вводные замечания

Настоящая статья посвящена сопоставительному изучению глаголов, обозначающих нечестное поведение человека типа «тайно извещать, доносить, стучать и т. п.», которые особенно часто встречаются в разговорной речи и в различных социолектах (арго, жаргон, просторечье и др.) [Андреев, 2006; Бойко, 2009; Грачев, 1995; Колесниченко, 2006; Шарандина, 2000]. Данные языковые единицы являются, как правило, стилистически маркированными оценочными словами, которые активно проникают в общеупотребительную лексику [Глухова, 2013; Земская, 1981, 2011; Шарандина, 2000]. Обращение к данному лексическому пласту обусловлено не только выше названным фактором, но и морально-этическими соображениями.

* Исследование проводилось по теме государственного задания «Декодирование и интерпретация аксиологической семантики в славянских, германских, романских и кавказских лингвокультурах» (номер госрегистрации 124012400351-9).

В «Словаре по этике» под ред. А. А. Гусейнова и И. С. Кона перечислены 8 отрицательных свойств, поступков человека, среди них помимо вероломства, коварства, лицемерия, фарисейства, ханжества и клеветы, упомянуты также *предательство* и *измена* [Словарь по этике, 1989: 105, 106, 268, 269]. Эти негативные характеристики человека во все времена осуждались моральным сознанием как злодеяние, поскольку они нарушали верность общему делу, дружбу, товарищество, любовь

В известной книге Карола Зауэрланда «Тридцать сребреников» приводятся многочисленные исторические факты измены и предательства [Dreißig Silberlinge, 2000]. В этой связи автор пишет: «Когда нацисты пришли к власти в Германии в 1933 году, они были сами поражены той волной доносов, которая буквально захлестнула их. Гитлер даже жаловался своему министру юстиции на то, что осведомители «дезорганизуют» работу новой власти. А через год министр внутренних дел «третьего рейха» выпустил циркуляр, который предписывал «положить конец доносительству, так как это явление недостойно германского народа и национал-социалистического государства» [Dreißig Silberlinge, 2000: 120]. Как следует из данного отрывка, доносчиков презирали даже те, в пользу которых писались сами доносы.

Немало интересного материала в книге профессора К. Зауэрланда посвящено также эпохе послесталинского режима [Dreißig Silberlinge, 2000: 169]. Впечатляет, например, статистика автора о тайных осведомителях в странах социалистического содружества. Так, на службе госбезопасности Польши в 1987 году находилось более 100 тысяч тайных осведомителей, в то время как общая численность населения Польши в этот период составляла немногим более 37,5 млн. Министерство госбезопасности ГДР («Stasi») только с января 1985 года по ноябрь 1989 года (после падения Берлинской стены) получило доносы от 260 тысяч осведомителей. В Восточной Германии (бывшая ГДР) на каждые двести граждан приходился один штатный чекист и на каждые сто – внештатный осведомитель.

В Советском Союзе, начиная уже с Ленина, донос также приветствовался и поощрялся. Каждый шестой гражданин СССР был негласным «помощником» КГБ, что составляло более 30 миллионов человек.

Крайне отрицательно к предательству и доносу относятся различные религии. Они рассматривают измену и донос как страшное зло и грех. Премудрый Соломон призывал свой народ изучать закон Божий и пребывать в божественных заповедях, чтобы через изучение закона Господня получить просвещение своей души, знание, рассудительность и таким путем защитить себя от клеветников, лжесвидетелей, предателей и доносчиков [Благонравие христиан, 2016].

Священная Книга «Коран» также осуждает клеветников, доносчиков, изменников и призывает мусульман: «О те, которые уверовали! Берегитесь многих мыслей! Ведь некоторые мысли – грех; и не выслеживайте, и пусть одни из вас не поносят за глаза других» [Коран, 1999: 423]; «А если ты боишься от людей измены, то отбрось договор с ними согласно со справедливостью: поистине, Аллах не любит изменников!» [Коран, 1999: 159].

Материалом для настоящего исследования послужили глаголы со значениями «доносить, выведать, предавать и т. п.», а также контексты их употреблений, полученные из словарей различного типа (толковых, разговорных, синонимичных и др.) [БНР, 1980; БТСРГ, 2007; Грачев, 1992; Грачев, Мокиенко, 2000; СТЛБЖ, 1992; Duden, 1996; Kluge, 1999; Kürper, 1987; WDG, 1972-1981; WW, 1972], интернет-источников [WDU] и Национального корпуса русского языка [НКРЯ] (рус. – 83 ед.; нем. – 36 ед.).

2. Русские глаголы со значением «доносить, выведать, предавать и т. п.»

В русском языке выявлено свыше 80 единиц, которые описывают сходную типовую ситуацию: субъект действия выдает / сообщает кому-либо (властям, начальству и т. п.) кого-л., что-л., тайно разглашает секреты, делая их известными кому-л., многим. Например:

(1) Мужу *донесли* об измене жены, и он – как это ни странно отнесся к этой новости спокойно [БТСРГ, 1980: 285];

(2) Если кто *тихарит* (т. е. доносит) — все равно дознаемся! [Грачев, 1992:165];

(3) Мальчишки жестоко наказали Валерку за то, что он *предал* их, не сдержал слова и рассказал сестре об их страшной тайне [БТСРГ, 1980: 343];

(4) Знаю, что вы мужика грохнули, но я не козел – ты знаешь меня, и хоть я и в обиде на Ромку, но не *вложу* (т. е. не *предам*) вас [Грачев, 1992: 58].

Анализируемые глагольные лексемы могут иногда мотивироваться существительными, например:

(5) *бабать* арг. ‘выдавать, доносить’ [СТЛБЖ, 1992: 21] (← *баба* арг. ‘болтливый и трусливый человек’);

(6) *сигнализировать* (перен.) ‘сообщить что-л. кому-л. устно или письменно в доверительной форме, предупредив о чем-либо неблагоприятном, нежелательном, что совершилось или может совершиться’ [БТСРГ, 2007: 291] (← *сигнал* ‘донос’).

Однако чаще рассматриваемые глаголы мотивируются глагольными основами, которые обозначают различные действия и не соотносятся с ними по смыслу. Семантический сдвиг наблюдается у разговорных и арготических производящих глаголов,

которые сочетаются обычно с неодушевленными дополнениями и обозначают:

1) помещение объекта куда-либо в результате перемещения, ср.:

(7) *класть* что-л. куда-л. → *выкладывать* / *выложить* (разг.) / *вложить* (арго) / *класть*, *кладануть* (арго) ‘донести, предать, выдать’ [СТЛБЖ, 1992: 45, 105]; *сыпать* что-л. куда-л. → *засыпать* (арго) ‘выдать, донести’ [Балдаев, 1992: 89]; *капать* что-л. → *закапать* ‘выдать, донести’ [СТЛБЖ, 1992: 84];

2) физическое воздействие на объект, часто с нарушением его структуры:

(8) *жечь* / *палить* что-л. → *сжечь* / *спалить* ‘выдать, предать’ [СТЛБЖ, 1992: 221, 223]; *клепать* что-л. → *наклепать* ‘донести, выдать’ [СТЛБЖ, 1992: 150]; *лягать* (о копытных животных) → *лягнуть* ‘выдать, донести’ [СТЛБЖ, 1992: 132]; *стучать*, т. е. ‘наносить ритмичные удары по чему-либо’ → *стучать* ‘доносить’ / *застучать* / *настучать* ‘дать правдивые показания’ [СТЛБЖ, 1992: 89, 237];

3) физиологические действия субъекта:

(9) *плевать* ‘выбрасывать изо рта сгусток слюны или мокроты одним движением языка, губ’ → *плевать* арго ‘выдавать, доносить’ [СТЛБЖ, 1992: 176]; *дристать* вульг. ‘жидко испражняться; страдать поносом’ → *дристать* арго ‘выдавать’ тайну [СТЛБЖ, 1992: 71]; *хезать* жарг. ‘испражняться’ → *обхезаться* арго ‘выдать соучастника’ [СТЛБЖ, 1992: 159]; *жрать* разг. сниж. ‘есть (съесть) что-л. с жадностью, в большом количестве и очень быстро, не успевая тщательно пережевывать’ → *сожрать* арго ‘донести о готовящемся или о уже совершенном преступлении’ [СТЛБЖ, 1992: 229]; *бухать* разг.-сниж. ‘пить (спиртные напитки); выпивать’ → *бухнуть* арго ‘донести, выдать’ [СТЛБЖ, 1992: 36];

4) исполнение художественных произведений:

(10) *свистеть* ‘исполнять, воспроизводить мотив, мелодию и т. п., издавая резкие, высокие звуки сильным выдыханием воздуха сквозь сжатые губы или зубы при помощи вставленных в рот пальцев, а также с помощью свистка, дудочки и др. музыкальных инструментов’ → *свистеть* арго ‘доносить’ [СТЛБЖ, 1992: 218] → *засвистеть* арго ‘дать правдивые показания’ [СТЛБЖ, 1992: 88]; *петь* ‘исполнять голосом музыкальное произведение (песню, куплеты и т. п.), издавая музыкальные звуки’ → *петь* арго ‘доносить, выдавать’ [СТЛБЖ, 1992: 174] → *запеть* арго ‘дать правдивые показания’ [СТЛБЖ, 1992: 87].

В словообразовательном отношении многие русские глаголы образуются морфологическим способом [Земская, 1981, 2011], а именно:

1) путем *суффиксации* (*бухнуть*, *лягнуть*, *кладануть*, *сигнализировать*, *козлить*, *хромануть*, *шпрехануть*);

2) посредством *префиксации* (запеть, засвистеть, застучать, закапать, засыпать, заложить, настучать, наклепать, выложить, вложить, сожрать, сжечь, спалить);

3) *комбинированным способом*, т. е. путем одновременно присоединения префикса и суффикса (закозлить, слягавить, наушничать) либо префикса и постфикса -ся (обхезаться, заштрафовать).

Эмоционально-экспрессивная окрашенность и негативная оценка анализируемых лексем достигается различными путями, в частности:

1) посредством анимализации наименования лица [Лихачев, 1992: 377], т. е. сравнения действий человека с животными, ср. следующие отзоонимные арготические глаголы:

(7) *козлить, закозлить, лягнуть.*

2) Часто эмоционально-экспрессивная и пейоративная нагрузка лексемы возникает благодаря метафорическому употреблению неодушевленных объектов, с которыми сочетаются глаголы [Басыров, 2019; Глухова, 2003]:

(8) *класть / сыпать / жечь/палить / клепать* что-л. (донос, тайну и т. п.).

3) Негативная оценка субъекта анализируемых глаголов может обуславливаться фонематической структурой данных языковых единиц, т. е. появлением в структуре глагольных дериватов согласных звуков, у которых негативная оценка преобладает над позитивной [Журавлев, 1974; Кушнерик, 2004; Левицкий, 1969]. Так, в германских языках у ряда согласных фонем наблюдается преобладание негативной оценки над позитивной, ср. данные о связи немецких согласных фонем со значениями «негативный» – «позитивный» [Кушнерик, 2004: 280, 281]: [S] – 21:9; [f] – 13:6; [ts] – 9:3; [ɲ] – 3:2; [v] – 6:0; [k] – 16:15; [l] – 33:15; [r] – 23:11; [n] – 11:6; [m] – 7:4. Негативное оценочное значение преобладает у согласных звуков русского языка **с, ж, ф, п, х, к, ш, ц** [Журавлев, 1974: 90].

3. Немецкие глаголы со значением «доносить, предавать, изменять и т. п.» (36 ед.).

В плане семантики немецкие глаголы распадаются на несколько семантических групп.

3.1 Ряд лексем описывают ситуацию, в которой субъект хитро и осторожно пытается путем расспросов объекта получить нужную информацию. Например:

(9) *Horsche ihn doch über diese Sache etwas aus* 'Постарайся разузнать незаметно у него что-нибудь об этом деле' [БНР, 1980: 170].

Внутренняя форма следующего глагола ассоциируется с рентгеновским лучом света, который как бы позволяет субъекту узнать нечто тайное, скрываемое от других, настойчиво допытываясь об этом, ср. его словарное толкование:

(10) *ableuchten* umg. <j-n aushorchen, verhören. Eigentlich «den Lichtstrahl auf Dunkles

richten»> разг. ‘выведывать у кого-л. что-л., допрашивать кого-л. Собственно, направлять луч света в темноту’ [WDG, 1972: 10].

3.2. Следующая семантическая группа охватывает глаголы, обозначающие тайное наблюдение субъекта за кем-л., чем-л., стремление узнать что-л., копаясь в чужих вещах, документах и т. п. Субъектом таких действий может быть как профессиональный работник (см. (11a)), так и дилетант (см. (11б)), ср.:

(11) *spionieren* <Spionage treiben, als Spion tätig sein> [WDG, 1980: 3498]:

a. Wenn sie für Serbien *spionieren* wollten, so können sie sich nicht beklagen: man macht ihnen die Recherchen leicht ‘Если они шпионили в пользу Сербии, то пусть не жалуется, что с ними проведут следствие (дознание)’ [НКРЯ];

b. Ihr Zimmermädchen seid gewohnt, durch das Schlüsselloch zu *spionieren* und davon behaltet Ihr die Denkweise, von einer Kleinigkeit, die Ihr wirklich seht, ebenso großartig wie falsch auf das Ganze zu schließen ‘Вы, горничные, привыкли в замочные скважины подглядывать, у вас от этого и мысли соответствующие, из всякой мелочи, какую и вправду углядели, вы себе всю картину дорисовываете, столь же увлекательную, сколь и нелепую’ [НКРЯ].

Ср. (11) и его производный префиксальный дериват:

(12) *ausspionieren* <etwas., jmdn. durch heimliches Nachforschen zu entdecken trachten> [WDG, 1972: 374] ‘разведать, выследить что-л., кого-л.’:

a. Er hatte es schon immer riechen können, schon damals, in dem anderen Leben, in dem er Wache hatte stehen müssen, *ausspionieren*, hinterherschleichen, erkunden... o ja, er wusste, wie Gefahr roch ‘Чутье у него всегда было, еще в той жизни, где он должен был стоять на часах, шпионить, красться по следу, выведывать ... Да, запах опасности ему знаком’ [НКРЯ];

b. Wir wollen wo unterkriechen, wo uns kein Teufel *ausspionieren* soll [WDG, 1972: 374] ‘Давайте спрячемся где-нибудь, чтобы нас сам черт не выследил’.

Сходное значение с (12) имеет и арготический глагол *abmessen* rotw. <etwas ausspionieren> [Küpper, 1987: 10].

Следующие однокоренные глаголы *spitzeln* и *bespitzeln* этимологически связаны с арготизмами *Spitz/Spitzel* ‘агент полиции’ [Kluge, 199: 780, 781] и обозначают соответствующие им действия с негативной оценкой:

(13) *spitzeln* abwertend <als Spitzel tätig sein> [WDG, 1977: 3501];

(14) *bespitzeln* abwertend <als Spitzel jmdn., etw. beobachten> [WDG, 1972: 556]:

Vom Vorsitzenden aufgefordert, das Wort Spitzel im Zusammenhang mit der vom Staatsanwalt gestellten Frage zurückzunehmen, weigerte sich Horn; er habe die Aufforderung,

einen Kollegen zu *bespitzeln*, zu deutlich herausgehört ‘Председательствующий предложил ему в связи с вопросом, который поставил прокурор, взять обратно слово «шпик», но Хорн от этого отказался, он-де достаточно хорошо расслышал требование: шпионить за своим коллегой’ [НКРЯ].

Глагол *schnüffeln* и его префиксальные производные *aus-* / *be-* / *durch-* / *nach-* / *umherschüffeln* являются стилистически маркированными единицами с негативной коннотацией. Звукоподражательный характер данных глаголов ассоциируется с собакой-ищейкой, которая осуществляет розыск людей, предметов по их запаху, следу. Приведем словарные толкования некоторых лексем и примеры их употребления:

(15) *schnüffeln* übertr. umg. abwertend. <In den Angelegenheiten und Sachen anderer Menschen neugierig und unberechtigt herumsuchen, spionieren> перен. разг. пренебр. <копаться с любопытством и незаконно в чужих делах, вещах, шпионить> [WDG, 1980: 3281]:

Es ist nicht meine Art, in fremden Zimmern zu *schnüffeln* [WDG, 1980: 3281] ‘Это не в моих правилах вынюхивать в чужих комнатах’;

(16) *ausschnüffeln* umg. abwertend <etw., jmdn. ausspionieren> [WDG, 1972: 363]:

Was die Menschen nicht alles *ausschnüffeln*! [WDG, 1972: 363] ‘Чего только люди не выследят! (букв. не вынюхают)’.

К ним семантически примыкает стилистически нейтральный глагол *auskundschaften* <etwas erkunden, etw., jmdn. ausfindig machen> [WDG, 1972: 337] ‘разузнавать, выведывать что-л.’, например:

(17) War bald der Feind in seiner vordersten Stellung, an einem Waldrand, *ausgekundschaftet* [WDG, 1972: 337] ‘Вскоре вывели передовую позицию врага, на краю леса’.

3.3. В следующую семантическую группу входят глаголы, субъект действия которых намеренно сообщает кому-либо тайные сведения, поступает изменнически, выдав кого-л., что-л. Например:

(18) *verraten* <jmdm., einer Sache die Treue brechen> ‘предавать’ [WDG, 1981: 4095]:

Fenoglio aber schien bereits nach Worten zu suchen, den richtigen Worten – solchen, die ihn nicht *verraten* und betrügen würden ‘Фенолио, судя по всему, уже погрузился в поиск слов, нужных слов – тех, что не предадут и не обманут его’ [НКРЯ];

(19) *anscheißen* <j-n hinterhältig anzeigen, verraten, verleumden. Der Schandfleck wird hier derb zu einer Verunreinigung mit Kot> [Küpper, 1987: 36] груб. ‘обгадить кого-л., т. е. подло выдать, предать, очернить кого-л. Клеймо позора здесь в грубой форме сравнивается с фекальным загрязнением’:

Er lacht, ein unangenehmes, meckerndes Gelächter. «Lasst euch doch nicht *anscheißen*! Die wollen euch bloß dumm machen und lauern nur darauf, dass wir rauskommen sollen! ‘Больной смеется неприятным, блеющим смехом: – Смотрите, не дайте себя околпачить. Это они тумана напускают, а сами только и ждут, чтобы мы вышли отсюда’ [НКРЯ].

Коллоквиальные глаголы *petzen* и *quatschen* обозначают, в частности, донос ученика учителю на своего одноклассника, ср. их словарные толкования:

(20) *petzen* <j-n verraten, anzeigen, dem Lehrer melden. Wahrscheinlich schallnachahmender Herkunft: petzen verbalisiert einen kurzen, schrillen Laut, wie ihn der Jagdhund ausstößt, der ein Stück Wild verbellt> [Küpper, 1987:602] ‘предавать кого-л., сообщать учителю. Очевидно, по своему происхождению этот глагол является звукоподражательным: своим звучанием он напоминает краткий, отрывистый звук, который издает охотничья собака своим лаем на дичь’:

«Und... und... und Sie sind mir gegenüber auch gar nicht weisungsberechtigt, äh, – befugt, meine ich natürlich». «Dann gehen Sie doch *petzen*». Gideon griff nach meinem Arm und zog mich einfach vorwärts ‘И... и... и вы в отношении меня неправомочны... э-э-э... я хотел сказать не уполномочены давать распоряжения. – Так идите донесите на меня! Гидеон схватил меня за руку и потащил вперед’ [НКРЯ];

(21) *quatschen* umg. <einen Übeltäter dem Lehrer melden> разг. ‘доносить учителю на нарушителя’ [Küpper, 1987: 643].

Следующие глаголы обозначают донос человека на кого-л., что-л. в определенное учреждение:

(22) *anzeigen* <etw., jmdn. einer Behörde melden, angeben> ‘доносить о чем-л., ком-л. в определенное учреждение’ [WDG, 1972: 195]:

Solle er doch gleich ihren Laden übernehmen, gerne, liebend gerne sogar! Solle er sie doch *anzeigen*. Solle er doch ihren Laden zumachen und sich nach einem anderen Geschäftsführer umsehen ‘Заодно она ему и магазин отдаст, пожалуйста, с превеликим удовольствием! И пускай он пойдет и заявит на нее – скатертью дорога. Пускай закроет ее магазин да поищет себе другого управляющего’ [НКРЯ];

(23) *angeben* <jmdn. anzeigen, verraten> [WDG, 1972: 137] ‘доносить, выдавать кого-л.’:

Etwas tun, das hieß aber, andere *angeben*, zum Beispiel melden: der und der hat einen ausländischen Sender abgehört ‘А оказать нацистам услугу, значит кому-то повредить, к примеру, донести: такой-то слушает за границу’ [НКРЯ];

(24) *denunzieren* abwertend <jmdn. aus niedrigen, meist egoistischen Beweggründen anzeigen, verdächtigen> [WDG, 1972: 788] пренебр. ‘доносить на кого-л. из низких, в

основном эгоистических мотивов, подозревать кого-л. ’:

Er hatte mich beim Direktor *denunziert* [WDG, 1972: 788] пренебр. ‘Он донес на меня директору’.

В трех случаях глаголы с префиксом *zu-* описывают ситуацию тайного доноса кому-либо определенной информации:

(25) *zutragen* <jmdm. etwas heimlich mitteilen, hinterbringen> [WDG, 1981: 788]:

Sie hat wirklich geglaubt, was man ihr über uns *zugetragen hatte* [WDG, 1972:788] ‘Она действительно верила в то, что ей о нас тайком сообщили’, аналогично:

(26) *zubringen* / *zubläsen* / *flüstern* разг. ‘наушничать, сплетничать’ [БНР, 1980: 635; Küpper, 1987: 247].

3.4. Значением следующих глаголов является типовая ситуация, субъект которой хитростью, коварством, лестью, тайком пытается узнать у объекта что-л., часто при помощи зрения, слуха:

(27) *lauschen* <horchen, um heimlich, unbeobachtet etw. über etw., jmdn. zu erfahren> [WDG, 1977: 2318]:

Meine Mutter riss hinter mir die Kellertür wieder auf und schrie: «Schon für diese Bemerkung hattest du noch eine verdient!» und lehnte die Tür nur an, um zu *lauschen* ‘Мать открывала вслед за мной дверь подвала и кричала: «Уже за одно это твое замечание ты кое-что заслужила!» – и прислонялась к двери, чтобы подслушивать’ [НКРЯ];

(28) *horchen* <aufmerksam, angestrengt hören, lauschen, um unbeobachtet etwas zu erfahren, jmdn. heimlich zu belauschen> ‘внимательно, напряженно слушать, подслушивать, чтобы незаметно узнать что-л., тайно подслушивать кого-л.’ [WDG, 1977: 1896]:

Er *horchte* an der Tür [WW, 1972: 323] ‘Он подслушивал у двери’;

(29) *spähen* <forschend, suchend blicken> [WDG, 1977: 3470] ‘высматривать, выслеживать, шпионить за кем-л.’:

Mein Bruder meint, dass sie nach dem Player *spähen* sollen? ‘Мой брат считает, что они должны шпионить за Плейером?’ [НКРЯ];

(30) *spitzen* <spähen, lauern, lauschen; zu erfahren, zu ergründen suchen. Man spitzt die Sinne und hat ein «scharfes und stechendes Auge»> [Küpper, 1987: 784] ‘выслеживать, подстергать кого-л., подслушивать; пытаться выведать. Напрягать чувства, обладать острым и пронизательным взглядом’;

(31) *überraingeln* <etwas ergründen, verstehen. Man geht listig und geschmeidig vor, wie man es sich von einer Schlange vorstellt> [Küpper, 1987: 860] ‘докапываться до истины,

доискиваться, вникать. Поступать хитро и изворотливо, словно змея’;

(32) *aufpassen* landsch. <jmdn abpassen, jmdm auflauern> [Küpper, 1987: 265] диал. ‘выслеживать, караулить кого-л., внимательно слушать, смотреть, следить; присматривать за кем-л.’:

Sollte er nicht zu Hause sein und weiter auf Charlotte *aufpassen*? Aber er hatte es sich nicht nehmen lassen, mich nach Temple zu begleiten, was irgendwie auch wieder süß war ‘Кажется, он хотел остаться дома и последить за Шарлоттой? Но не смог удержаться от того, чтобы проводить меня в Темпл. Что тоже было очень трогательно’ [НКРЯ];

(33) *lauern* <in feindlicher Absicht versteckt, hinterhältig auf jmdn., etw. warten> [WDG, 1984: 2313]:

Der Unterstand des Wagens, hineingeduckt, der Motor summend, *lauern* auf den Gegner ‘Машина в укрытии. Тихо гудит мотор. Надо выследить противника’.

В словообразовательном отношении большинство анализируемых глаголов образуются в немецком языке префиксальным способом (около 30 ед.) (*zubringen, zubläsen, ausschnüffeln, aufpassen* и др.).

Отмечены непроизводные (корневые) глаголы (6 ед.) (*schnüffeln, lauern, spähen* и др.).

Единичными случаями представлены суффиксальные (*spionieren*), префиксально-суффиксальные глаголы (*bespitzeln*) и глаголы, образованные путем конверсии (*spitzeln*).

4. Выводы

Глаголы, обозначающие нечестное поведение человека типа «тайно извещать кому-л. что-л., доносить на кого-л. и т. п.», являются в русском и немецком языках стилистически маркированными словами, часто употребляются в разговорной речи и социолектах (арго, жаргон, просторечье). Большинство глаголов в сопоставляемых языках обладают ярко выраженной аксиологической семантикой и распадаются на две группы:

1) лексемы с выраженной оценкой (рус. *стучать / наушничать*; нем. *denunzieren / ausschnüffeln / spitzeln*);

2) лексемы с невыраженной оценкой (рус. *сигнализировать / разведывать*; нем. *auskundschaften / anzeigen*).

В русском и немецком языках количественно преобладают глаголы с отрицательной оценкой, что свидетельствует о негативном отношении обеих языковых культур к доносам/измене/предательству и к лицам, их совершающим.

Деривация глаголов *предавать / изменять / доносить* в сопоставляемых языках сопровождается лексико-семантическими сдвигами следующих типов:

1) *каузация движения (перемещения) чего-л.* → *доносить / выдавать* (рус. класть

что-л. → *кладануть / заложить / выложить / вложить / заложить*; нем. *etw. tragen / bringen* → *zutragen / zubringen*);

2) *физиологические действия субъекта* → *донести / выдать / обмануть* (рус. *плевать / жрать / бухать / дристать / хезать* → *плевать / сожрать / бухнуть / дристать / обхезаться*; нем. *scheißen / pinkeln* → *anscheißen / anpinkeln*);

3) *передавать кому-л. что-л.* → *передавать, изменять* (рус. *давать кому-л. что-л.* → *выдавать*; нем. *jmdm. etw. geben* → *angeben*);

4) *физическое воздействие на объект, часто с нарушением его структуры (формы)* → *выдавать / предавать / донести* (рус. *клепать* → *наклепать*; *жечь* → *сжечь*; *палить* → *спалить*; *стучать* → *настучать / застучать*; нем. *spitzen* → *anspitzen*);

5) *чувственное восприятие объекта* → *выведавать / разузнать* (рус. *нюхать* → *вынюхивать / пронюхивать*; нем. *schnüffeln* → *aus- / be- / durch- / nach- / umherschüffeln*).

Активность данных семантических сдвигов в сопоставляемых языках неодинаковая, в целом – она более высокая в русском языке (за исключением типа 5, который преобладает в немецком языке).

В русском языке анализируемые глаголы наиболее продуктивно образуются суффиксальным и префиксальным способами, а в немецком – префиксальным способом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев В. Н. Квазионимы в русском арго (семантика, функционирование и словообразование): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Москва, 2006. 27 с.
2. Басыров Ш. Р. Метафоры и метонимии в разноструктурных языках. Донецк: ДонНУ. 2019. 287 с.
3. Благодравие христиан / пер. с греч.: А. Ф. Козлов; свящ. Дмитрий Диденко; свящ. Георгий Видякин; Ю. А. Шахов; свящ. Анатолий Чуряков; Т. И. Самойленко; Д. А. Рудавин; Д. С. Чепель; В. И. Щербаков; О. В. Желтов. Москва: Издательство Братства во имя Святой Троицы, 2016. 637 с.
4. Бойко Б. Л. Основы теории социально-групповых диалектов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Москва, 2009. 56 с.
5. Глухова М. А. Метафоризация в арго: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Тверь, 2003. 16 с.
6. Грачёв М. А. Происхождение и функционирование русского арго: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Санкт-Петербург, 1995. 35 с.
7. Журавлев А. П. Фонетическое значение. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1974. 159 с.
8. Земская Е. А. Русская разговорная речь: Общие вопросы словообразования. Синтаксис. Москва: Наука, 1981. 276 с.
9. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Флинта: Наука, 2011. 328 с.
10. Колесниченко И. И. Особенности функционирования арготизмов в немецком языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва, 2006. 22 с.

11. Коран / пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. Москва: МПО «Волокнор», СП «Трекингтур», 1990. 727 с.
12. Кушнерик В. Фоносемантизм у германських і слов'янських мовах. Чернівці: Рута, 2004. 370 с.
13. Левицкий В. В. К проблеме звуко-символизма // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. Москва, 1969. С. 123-132.
14. Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). Москва: Изд-во «Края Москвы», 1992. С. 354-398.
15. Словарь по этике / под ред. А. А. Гусейнова и И. С. Кона. 6-е изд. Москва: Политиздат, 1989. 447 с.
16. Шарандина Н. Н. Арготическая лексика в функциональном аспекте: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Тамбов, 2000. 21 с.
17. Dreißig Silberlinge. Denunziation Gegenwart und Geschichte by Karol Sauerland. Berlin: Volk und Welt Verlag, 2000. 381 S.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большой немецко-русский словарь: в 2-х т. / сост. Е. И. Лепинг, Н. П. Страхова, Н. И. Филичева и др. под рук. О. И. Москальской. Москва: Рус. яз., 1980. Т. 1. 760 с.; Т. 2. 656 с. [БНР].
2. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. 576 с. [БТСРГ].
3. Грачев М. Л. Язык из мрака: блатная музыка и феня. Словарь. Нижний Новгород: Издательство «Флокс», 1992. 207 с.
4. Грачёв М. А., Мокиенко В. М. Историко-этимологический словарь воровского жаргона. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 2000. 254 с.
5. Национальный корпус русского языка. Доступ: [http:// www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru). (дата обращения: 10.12.2024). [НКРЯ].
6. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / авторы-составители Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. Москва: Края Москвы, 1992. 526 с. [СТЛБЖ].
7. Duden. Rechtschreibung der deutschen Sprache. 21., völlig neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag., 1996. 910 S.
8. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 23., erw. Aufl. Berlin; New York; de Gruyter, 1999. 921 S.
9. Küpper Dr. Heinz. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Ernst Klett Verlag für Wissen und Bildung, GmbH, Stuttgart 1987. 959 S.
10. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache / R. Klappenbach, W. Steinitz. Berlin, 1972–1981. Bd. I. 1675 S.; Bd. II. 1600 S.; Bd. III. 2412 S.; Bd. IV. 3212 S.; Bd. V. 4012 S.; Bd. VI. 4579 S. [WDG].
11. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache und Spaß an Umgangssprache und Sprichwörtern. Доступ: <https://www.mundmische.de>. (дата обращения: 20.07.2024). [WDU].
12. Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Herausgegeben von Erhard Agricola unter Mitwirkung von Herbert Görner und Ruth Kufner. VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1972. 818 S. [WW].

REFERENCES

1. Andreev, V. N. (2006). *Kvazionimy v russkom argo (semantika, funktsionirovanie i slovoobrazovanie)* [Quasi-names in Russian argot (semantics, functioning and word formation)]:

avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Moskva. (In Russ.).

2. Basyrov, Sh. R. (2019). *Metafori i metonimii v raznostrukturnykh yazykakh* [Metaphors and metonymies in multi-structured languages]. Donetsk: DonNU. (In Russ.).

3. *Blagonravie khristian* [The goodness of Christians]. Per. s grech.: A. F. Kozlov; svyasch. Dmitriy Didenko; svyasch. Georgiy Vidyakin; Yu. A. Shahov; svyasch. Anatoliy Churyakov; T. I. Samoilenko; D. A. Rudavin; D. S. Chepel; V. I. Scherbakov; O. V. Zheltov. Moskva: Izdatelstvo Bratstva vo imya Svyatoy Troitsy, 2016. (In Russ.).

4. Boyko, B. L. (2009). *Osnovy teorii sotsialno-grupovykh dialektov* [Fundamentals of socio-group dialects theory]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Moskva. (In Russ.).

5. Gluhova, M. A. (2003). *Metaforizatsiya v argo* [Metaphorization in argot]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Tver. (In Russ.).

6. Grachyov, M. A. (1995). *Proishozhdenie i funktsionirovanie russkogo argo* [The origin and functioning of Russian argot]: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. Sankt-Peterburg. (In Russ.).

7. Zhuravlev, A. P. (1974). *Foneticheskoe znachenie* [Phonetic meaning]. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta. (In Russ.).

8. Zemskaya, E. A. (1981). *Russkaya razgovornaya rech: Obshhie voprosy slovoobrazovaniya* [Russian spoken language: general issues of word formation. Syntax]. Sintaksis. Moskva: Nauka. (In Russ.).

9. Zemskaya, E. A. (2011). *Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian language. Word formation]. 3-e izd., ispr. i dop. Moskva: Flinta: Nauka. (In Russ.).

10. Kolesnichenko, I. I. (2006). *Osobennosti funktsionirovaniya argotizmov v nemetskom yazyke* [Features of argotism functioning in German]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Moskva. (In Russ.).

11. *Koran* [The Quran]. Per. i komment. I. Yu. Krachkovskogo. Moskva: MPO «Voloknor», SP «Trekingtur», 1990). (In Russ.).

12. Kushnerik, V. (2004). *Fonosemantizm u germanskykh i slavyanskykh movakh* [Phonosemanticism in Germanic and Slavonic languages]. Chernivtsi: Ruta. (In Ukr.).

13. Levitskiy, V. V. (1969). K probleme zvukosimvolizma [On the problem of sound symbolism]. In *Psihologicheskie i psiholingvisticheskie problemy vladeniya i ovladeniya yazykom*. Moskva. Pp. 123-132. (In Russ.).

14. Lihachev, D. S. (1992). Cherty pervobytnogo primitivizma vorovskoy rechi [Features of primitivism in thieves' speech]. In *Slovar tyuremno-lagerno-blatnogo zhargona (rechevoy i graficheskiy portret sovetskoy tyurmy)*. Moskva: Izd-vo «Kraya Moskvyy». Pp. 354-398. (In Russ.).

15. *Slovar po etike* [Dictionary on Ethics]. Pod red A. A. Guseynova i I. S. Kona. 6-e izd. Moskva: Politizdat, 1989. (In Russ.).

16. Sharandina, N. N. (2000). *Argoticheskaya leksika v funktsionalnom aspekte* [Argot vocabulary in the functional aspect]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Tambov. (In Russ.).

17. DreiBig, Silberlinge. (2000). *Denunziation Gegenwart und Geschichte by Karol Sauerland*. Berlin: Volk und Welt Verlag.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Bolshoy nemetsko-russkiy slovar* [Big German-Russian dictionary]: v 2-kh t. / sost. E. I. Leping, N. P. Strakhova, N. I. Filicheva i dr. pod ruk. O. I. Moskalskoy. Moskva: Rus. yaz., 1980. T. 1.; T. 2. (In Russ.).

2. *Bolshoy tolkovyy slovar russkikh glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy. Angliyskie ekvivalenty* [Big explanatory dictionary of Russian verbs]. Pod red. prof.

L. G. Babenko. Moskva: AST-PRESS KNIGA, 2007. (In Russ.).

3. Grachev, M. L. (1992). *Yazyk iz mraka: blatnaya muzyka i fenyа. Slovar* [Language from the darkness: criminal music and thieves' cant. Dictionary]. Nizhniy Novgorod: Izdatelstvo «FlokS».

4. Grachev, M. A., Mokienko, V. M. (2000). *Istoriko-etimologicheskiy slovar vorovskogo zhargona* [Historical and etymological dictionary of thieves' jargon]. Sankt-Peterburg: Folio-Press. (In Russ.).

5. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>. (accessed: 10.12.2024).

6. *Slovar tyuremno-lagerno-blatnogo zhargona (rechevoy i graficheskiy portret sovetskoy tyurmy)* [Dictionary of prison-camp-criminal jargon (speech and graphic portrait of a Soviet prison)]. Avtory-sostaviteli D. S. Baldaev, V. K. Belko, I. M. Isupov. Moskva: Kraya Moskvyy, 1992. (In Russ.).

7. *Duden*. Rechtschreibung der deutschen Sprache. 21., völlig neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag., 1996.

8. Kluge, F. (1999). *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 23., erw. Aufl. Berlin; New York; de Gruyter.

9. Küpper, Dr. (1987). *Heinz. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache*. Ernst Klett Verlag für Wissen und Bildung, GmbH, Stuttgart.

10. *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache* / R. Klappenbach, W. Steinitz. Berlin, 1972–1981. Bd. I.; Bd. II.; Bd. III.; Bd. IV.; Bd. V.; Bd. VI.

11. *Wörterbuch der deutschen Umgangssprache und Spaß an Umgangssprache und Sprichwörtern*. Available at: <https://www.mundmische.de>. (accessed: 20.07.2024).

12. *Wörter und Wendungen*. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Herausgegeben von Erhard Agricola unter Mitwirkung von Herbert Görner und Ruth Kufner. VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1972.

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 12 декабря 2024 г.

УДК 811.111.8'282/3(292.79)

© 2025 В. А. Дроздов

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОЦЕНКИ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ В КАРИБСКИХ КРЕОЛЯХ НА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ОСНОВЕ*

В статье представлены результаты исследования семантических особенностей репрезентации оценки во фразеологических единицах карибских креолей. Установлена роль оценочных компонентов в формировании семантики фразеологических единиц в исследуемых креолях. Оценочное значение ФЕ может формироваться при наличии в составе ФЕ слов с негативной или позитивной коннотацией. Описаны ФЕ в карибских креолях с фиксированной положительной и фиксированной отрицательной оценкой.

Ключевые слова: фразеологическая единица, карибские креоли, заимствование, метонимия, фиксированная положительная и отрицательная оценка, метафора.

© 2025 V. A. Drozdov

EVALUATION REPRESENTATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE ENGLISH-BASED CARIBBEAN CREOLES

The article reveals the investigation results of semantic peculiarities' evaluation representation in phraseological units (=PUs) of Caribbean creoles. We have disclosed the role of evaluation components in the formation of PU's semantics of the above creoles. PUs' evaluation meaning can be formed, words with negative and positive connotation being present in the PUs. Fixed positive and fixed negative evaluation in Caribbean creoles' phraseological units has been described.

Key words: phraseological unit, Caribbean creoles, loan-word, metonymy, metaphore, evaluation, fixed positive / negative evaluation.

1. Введение. Фразеологическая репрезентация оценки характерна для английского языка в совокупности его микросистем. Характерна она и для карибских креолей на англоязычной основе (далее ККАО). Данная статья посвящена описанию оценочного значения фразеологических единиц (далее ФЕ) шести карибских креолей на англоязычной основе – тринидадо-тобагского, доминиканского, гренадского, барбадосского, гайанского и ямайского.

В XVII-XVIII веках ввоз африканских рабов из Западной Африки в Вест-Индию происходил в таких больших количествах и настолько быстро, что рабы не смогли ни сохранить свой родной африканский язык, ни усвоить английский язык на достаточном уровне [Дьячков, 1987: 11]. Это привело к развитию первичного пиджина. После захвата островов англичанами в гигантский невольничий рынок были преобразованы острова

* Исследование проводилось по теме государственного задания «Декодирование и интерпретация аксиологической семантики в славянских, германских, романских и кавказских лингвокультурах» (номер госрегистрации 124012400351-9).

Ямайка, Барбадос. В результате здесь создавалась обстановка, благоприятная для возникновения креольских диалектов Вест-Индии. После нативизации пиджина и превращения его в родной язык второго поколения рабов, формируются карибские креоли на англоязычной основе [Дроздов, 2019: 78].

При структурной однотипности креольские языки характеризуются «оптимальным грамматическим строем, переносящим центр тяжести на синтаксические способы выражения грамматических значений. В них отсутствуют такие избыточные черты европейских языков, как род, число, падеж у местоимений, сложные глагольные формы и т. п.)» [Серебренников, 1970: 288]. Механизм оценочной фразеологической номинации основывается на закономерной связи дескриптивной и оценочной семантики во фразеологии. Оценочные фразеологические единицы являются важным способом представления знаний об окружающем мире.

Актуальность данного исследования обусловлена возрастающим интересом лингвистов к изучению фразеологических единиц с точки зрения их оценки и связи с национальной культурой. **Цель** данного исследования – определить структурно-семантические особенности оценочных ФЕ в карибских креолях на англоязычной основе.

Данной цели подчинено разрешение следующих **задач**: 1) выявить корпус оценочных ФЕ в исследуемых креолях; 2) установить место оценочного компонента в структуре фразеологического значения; 3) выявить компоненты в составе ФЕ и механизмы, которые способствуют формированию оценки в семантике этих ФЕ.

Объект данной работы – фразеологические единицы со значением положительных и отрицательных эмоций.

Предмет исследования – особенности оценочной семантики ФЕ, выражающих отрицательные и положительные эмоции в карибских креолях на англоязычной основе.

Материалом исследования послужили полученные путём сплошной выборки оценочные фразеологические единицы в ККАО. Объём выборки составил 1120 ФЕ. Из них 380 ФЕ с положительной оценкой и 740 с отрицательной оценкой. Корпус оценочных ФЕ данного исследования формировался из словарей карибских креолей: Dictionary of Caribbean English Usage by R. Allsopp (1996), Dictionary of Jamaican English by F. G. Cassidy, R. V. Le Page (1967).

Методы исследования: сопоставительный метод, метод фразеологической идентификации и фразеологического описания, метод компонентного анализа.

Методологической основой данного исследования служила теория фразеологической оценки и концепция фразеологической номинации А. В. Кунина

[Кунин, 1986], Е. М. Вольф [Вольф 1985] и В. Н. Телия [Телия, 1981]. Исследованиями ФЕ, на которые опирается автор, являются следующие публикации: Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1988], Ш. Р. Басыров [Басыров 2019], В. М. Савицкий [2006], В. Н. Телия [Телия, 1996], Н. М. Шанский [Шанский 1972].

2. Основная часть. Следует отметить, что во фразеологических исследованиях ККАО ещё не получили адекватного описания структурно-семантические особенности ФЕ, значение которых осложнено оценочным компонентом. В данном исследовании рассматривается фиксированная и нефиксированная оценка в ФЕ ККАО.

Введём определение ФЕ, важное для последующего изложения материала исследования. Фразеологическая единица (ФЕ) – словосочетание, в котором сематическая монолитность (цельность номинации) довлеет над структурной раздельностью составляющих его элементов (выделение признаков предмета подчинено его целостному обозначению), вследствие чего оно функционирует в составе предложения как эквивалент отдельного слова [Ахманова, 2004: 503-504].

Образность в языке связана с наличием изобразительности, конкретно-предметного представления, наглядности, «картинности» при обозначении предмета или явления словом или более сложной языковой (речевой) единицей. В основе образности лежит не понятие, а представление. Образность помогает представить обозначаемое на базе других явлений действительности, в конкретно выраженном сопоставлении с ними, что способствует созданию усиленного впечатления об обозначаемом. Образность присуща большинству тропов: метафора, гипербола, эпитеты основаны на переносе значения с одного предмета на другой, на образе [Матвеева, 2010: 248].

Оценка – это объективно-субъективное или субъективно-объективное отношение человека к объекту, выраженное языковыми средствами эксплицитно или имплицитно [Кунин, 1986: 155].

Н. А. Лукьянова считает, что оценочность, представляемая как соотносённость слова с оценкой, и эмоциональность, связываемая с эмоциями, чувствами человека, не составляют разных компонентов значения, они едины, как неразрывны оценки и эмоции на внеязыковом уровне. Положительная оценка может быть передана только через положительную эмоцию: одобрение, похвалу, ласку, восторг, восхищение и т. д., отрицательная оценка – через отрицательную эмоцию: неодобрение, неприятие, осуждение, досаду, раздражение [Лукьянова, 1976: 15].

Фиксированная отрицательная оценка [Телия, 1996] с обертонами неодобрения, иронии характерна для идиом типа:

2.1. *Crapaud* n (CarA)[IF] A frog or toad of any kind ‘любая лягушка или жаба’ [Fr *crapaud* ‘жаба’; *crapaud* 12 c.< *crape* ‘muck’ in ref to the animal’s habitat’. *crapaud* 12 век < *crape* ‘грязь’ в применении к месту обитания животного’]. ФЕ *Crapaud smoke your pipe* (id phr) [AF–Joc]. (To be) done for, to be in a hopeless state of disaster; to have reached a stage (of trouble, poverty etc.) that is almost beyond rescue ‘ему / ей конец; быть в плачевном состоянии; дойти до ручки’ (антиофициально-шутливое) [DCEU, 1996: 175]. Origin uncertain, but there is a suggestion that you are so deep in the mire that your ‘pipe’ (of leisure) is left for the *crapaud* (that dwells in the mire) to use at his leisure [DCEU, 1996: 175] ‘Происхождение идиомы неопределённое. Имеется толкование, что кто-то так глубоко в грязи, что его ‘курительная трубка’ (предназначенная для курения на досуге) достанется жабе (которая живёт в грязи), и которая будет курить её на своём досуге’. Например:

The cocaine user has to pay no less than 25 dollars for a ‘fix’, and once a person becomes hooked on it then crapaud smoke his pipe ‘Кокаинист должен платить не менее 25 долларов за ‘косяк’, и как только он подсел на кокаин, то ему конец’.

В синонимичной ФЕ *to be in duck’s guts* с тем же значением ‘быть в плачевном состоянии; дойти до ручки’ (Bdos) [DCEU, 1996: 175] (досл.: ‘оказаться в утиных потрохах / в утином пищеварительном канале’) отрицательная оценка передана через отрицательную эмоцию: неодобрение, неприятие, осуждение. Эти эмоции «прочитываются» в самом значении ФЕ, в котором передается идея безысходности, тупика.

2.2. Отрицательная оценка характерна для ФЕ *to have smb in your craw* vb phr (Bdos, Gren) [AF-Derog] [DCEU, 1996: 176]: *to harbor feelings of vexation or ill-will towards smb* ‘питать чувства раздражения или враждебности к кому-либо’. Особенностью данной ФЕ является стилистическое использование лексической уничижительной единицы НЧТ *craw* (CarA) [AF-Derog] ‘*a person’s stomach; guts*’ [DCEU, 1996: 176] ‘брюхо; потроха’ (в то время как в английском языке метрополии НЧТ *craw* обозначает ‘зоб (у птицы)’. Во вторичном переносном употреблении слово ККАО *craw* (Gren, StVt) [антиофициально-уничижит.] обозначает *a deep feeling of ill-will towards smb* [DCEU, 1996: 176] ‘чувство сильной враждебности к кому-либо’.

В приведённой ФЕ отрицательная оценка связана с эмоциями раздражения, враждебности и недовольства, присутствующими в семе *a deep feeling of ill-will* слова *craw* данной ФЕ.

2.3. Фиксированная отрицательная оценка характерна для ФЕ *Rice don’t / ain’t / not*

cooked in the same pot id phr (Guyn) [AF-Derog] [DCEU, 1996: 472] [of two persons] Not to be of the same kind or social class; not to be partners in the same venture 'Принадлежать разным типам или социальным классам; не быть партнёрами в рискованном предприятии' [антиофициально-уничижит.].

Индикатором эмоциональной оценки со знаком «-» является наличие пометы «уничижительное» в словарной дефиниции рассматриваемой ФЕ.

2.4. Фиксированная положительная оценка характерна для фразеологизма *do things up brown* (Bahá) [AF]. (*To do things thoroughly; to make a great success of what you do*) [DCEU, 1996: 196] 'Делать что-либо основательно. Иметь громадный успех в том, чем ты занимаешься; произвести сенсацию в своём деле' (перевод наш). (Досл.: 'делать все с поджареной, подрумяненной корочкой'). В основе данной ФЕ имеется кулинарная метафора, связанная с выпеканием хлеба.

Например: *Man dat feller do more fer d' Bahamas an' talk less 'bout it dan enybuddy else in dis town. He does do tings up brown* [DCEU, 1996: 196] 'Заметь, этот человек делает больше для Багам, а разговаривает меньше, чем кто-либо в этом городе'.

Разложим значение слова 'основательный' на семантические компоненты и получим их перечень для слова *thorough* 'основательный': дельный, солидный, положительный (разг.) [Ожегов, 1990: 461].

Эмоциональная положительная оценка в этом примере очевидна. Она выражается через положительные эмоции похвалы, восторга, восхищения.

2.5. ФЕ *give smb / smth bouch-kabwit* (Dmca) [AF/IF] // *give smb/ smth goat-mouth* (CarA). *To bring smb bad luck or to blight an event by expressing negative or evil thoughts about the person or thing* [DCEU, 1996: 67] 'Принести кому-либо несчастье или отравить удовольствие от события, выражая отрицательные или пагубные мысли о ком-либо или о чём-либо' [антиофициально-разг]. Например:

Whoever put bad-mouth on you, an' that I sure, this reading of prayers is going to throw off the black spirit that one of the enemies put on you. You got enemy in this yard [DCEU, 1996: 67] 'Кто бы не принёс тебе несчастье, я уверен, чтение молитв низвергнет злого духа, которого один из твоих врагов навёл на тебя'.

В данном случае отрицательная оценка выражается через отрицательные эмоции (неодобрение, неприятие, осуждение, досаду, раздражение), заключённые в лексических единицах: *goat-mouth* 'козлиный рот', *bad luck* 'несчастье', *blight an event* 'отравить удовольствие', *express negative or evil thoughts* 'выражать отрицательные или пагубные мысли'.

Таким образом, в данной ФЕ заключена фиксированная отрицательная оценка. Как

следует из приведённого примера, установить наличие оценочной коннотации в структуре ФЕ возможно путём анализа её этимологии (слова *goat-mouth, bouch-kabwit*).

2.6. В составе ФЕ *have (a) champagne taste with / on (a) mauby pocket id phr* (CarA) [AF-Joc]. To live or attempt to live in grand showy style while having means that are far too humble to maintain such a style [DCEU, 1996: 376] ‘Жить или пытаться жить эффектно на широкую ногу при очень скромных доходах’ [антиофициально-шутливое]. (Досл.: ‘иметь пристрастие к шампанскому при деньгах, едва достаточных для безалкогольного народного напитка моби’). Например:

For among the reasons for the failure of many black businessmen are a reluctance to engage in honest hard work and insistence on a lifestyle that illustrates the folly of having ‘(a) champagne taste with / on (a) mauby pocket’ [DCEU, 1996: 376] ‘Среди причин неудач многих чернокожих бизнесменов фигурирует нежелание заниматься честной тяжёлой работой и упорное следование жизненному стилю, который служит примером безрассудности ‘жить эффектно на широкую ногу при очень скромных доходах’.

Все значения лексемы *mauby* связаны на основе метонимии: ЛСВ-1 *mauby (maubie)* (CarA) ‘горькая на вкус кора дерева *Colubrina arborescens (Rhamnaceae)*’. ЛСВ-2 *mauby (maubie)* ‘освежающий горько-сладкий, безалкогольный народный напиток, получаемый после ферментации или кипячения коры дерева *mauby-tree*’ [DCEU, 1996: 376] (перевод наш).

Оба напитка – моби и шампанское – золотистого цвета с пузырьками газа [DCEU, 1996: 376]. Данная идиома построена на контрасте дорогого по стоимости шампанского и дешёвого народного напитка моби, на противопоставлении претензии жить с шиком и бедном существовании в реальности. Отрицательная оценка данной ФЕ связана с обертонами шутливости, неодобрения, неприятия, осуждения, насмешки.

2.7. Фиксированная отрицательная оценка характерна для ФЕ *to eat from bramble to timber vb phr* (Gren) [IF] To believe a foolish explanation or an unlikely story; to be easily deceived; to be gullible [DCEU, 1996: 212] ‘Поверить глупому объяснению или принять неправдоподобную историю на веру; легко поддаваться обману; быть доверчивым’ (досл.: съедать всё от сухих веток до брёвен).

При этом слово *bramble* (Bdos, Guyn, Jmca) обозначает a heap of dried saplings and bush raked together for burning [DCEU, 1996: 112] ‘куча сухих веток и высушенной травы (используемой в народной медицине), предназначенных для сжигания’.

В основе рассматриваемой ФЕ – метафора, которая содержит в себе сравнение. Но она передаёт его особым образом: путём создания семантической двойственности слова или выражения. Два плана значения при этом теснейшим образом связаны между собой. Но при этом сами сравниваемые явления, очень далеки друг от друга и принадлежат разным смысловым сферам: Съесть всё от сухих веток до брёвен :: Принять

неправдоподобную историю на веру; легко поддаваться обману; быть доверчивым’.

Наличие оценки здесь очевидно. Оценка «плохо» «—» в данном случае (‘легко поддаваться обману; быть доверчивым’) указывает на отклонение от нормы.

2.8. Фиксированная отрицательная оценка характерна для ФЕ *cut smb's skin / tail / backside / behind* [IF] (CarA) (id phr): to flog or beat up smb severely [a reference to the cow-hide whip used on slaves which would cut the flesh] [DCEU, 1996: 184] (идиоматическое словосочетание) ‘сильно отстегать или избить кого-либо’ (досл.: избить так, что остаются рубцы на коже’ [неофициальное] [намёк на плеть из воловьей кожи, которую стегали рабов, оставляя рубцы на теле].

2.9. Следующая ФЕ всегда употребляется в отрицательной форме и для неё характерна фиксированная отрицательная оценка: *Not put water in your mouth to say smth* (neg vb phr) (Trin) [AF-Joc] not to hesitate to speak bluntly, roughly to smb [DCEU, 1996: 110]. ‘Не сдерживаясь, разговаривать с кем-либо грубо, резко’ (досл.: не набирать в рот воду (т. е. разбавитель, смягчитель), чтобы что-либо сказать) [антиофициально-шутливое].

Данная ФЕ представляет собой метафорическое высказывание. В метафорическом значении употреблено слово *water*. Исходя из значения *to water* ‘разбавлять (водой)’ [Мюллер, 1997: 819], слово *water* имеет метафорическое контекстуальное значение ‘смягчитель’.

В этом случае отрицательная оценка передаётся через отрицательную эмоцию: неодобрение, досаду, раздражение.

3. Выводы

3.1. Образность – один из источников формирования оценочного значения у ФЕ.

3.2. Эмоциональный характер ФЕ формируется в тесной взаимосвязи с формированием их образности в процессе метафорического переноса.

3.3. Словарные пометы ФЕ *уничижит.*, *презр.*, *неодобр.* и др. являются указателями образности ФЕ и, следовательно, сигнализируют о наличии оценочного значения в них.

3.4. Оценочное значение ФЕ может формироваться при наличии в составе ФЕ слов с негативной или позитивной коннотацией, закреплённой в их значениях.

3.5. Установить наличие оценочной коннотации в структуре ФЕ возможно путём анализа её этимологии.

3.6. Оценка в ФЕ в карибских креолях может быть фиксированной положительной и фиксированной отрицательной.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ККАО – карибские креолы на англоязычной основе; ЛСВ – лексико-семантический вариант; НЧТ – наименование части тела; ФЕ – фразеологическая единица; АF – антиофициальный стиль; Dmca – Доминика; Baha – Багамские острова; Bdos – Барбадос; CarA – общекарибское выражение; Derog – уничижительное; Fr – французский язык; FrCr – франкоязычный креоль или патуа; Gren – Гренада; Guyp – Гайана; IF – неофициальный стиль; Jmca – Ямайка; Jos. – шутливое; StLu – Сент-Лусия; Trin – Тринидад; vb phr – глагольное словосочетание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. Москва: Наука, 1988. 341 с.
2. Басыров Ш. Р. Метафоры и метонимии в разноструктурных языках. Донецк: ДонНУ, 2019. 287 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Москва: Наука, 1985. 223 с.
4. Дроздов В. А. Формирование словарного состава карибских креольских языков. Донецк: ДонНУ, 2019. 348 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т. 18).
5. Дьячков М. В. Креольские языки. Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1987. 106 с.
6. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Москва: Высшая Школа, 1986. 336 с.
7. Лукьянова Н. А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-тет, 1976. Вып. 5. С. 3-21.
8. Савицкий В. М. Основы общей теории идиоматики. Москва: Гнозис, 2006. 208 с.
9. Серебrenников Б. А. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. Москва: Наука, 1970. 604 с.
10. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. Москва: Наука: ИЯ АН СССР, 1981. 269 с.
11. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический лингвистический аспекты. Москва: Наука, 1996. 284 с.
12. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. Москва: Просвещение, 1972. 327 с.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. МОСКВА: УРСС, 2004. 576 с.
2. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н / Д.: Феникс, 2010. 562 с.
3. Мюллер В. К. Новый англо-русский словарь: Ок. 160000 слов и словосочетаний. 4-е изд., стер. Москва: Рус яз., 1997. 880 с.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов. Москва: Русский язык, 1990. 921 с.
5. Allsopp R. Dictionary of Caribbean English Usage. Oxford University Press, 1996. 697 p. [DCEU].
6. Cassidy F.G., Page Le R. B. Dictionary of Jamaican English. Cambridge at the Univesity Press, 1967. 487 p. [DJE].

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1988). *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of language meanings. Evaluation. Event. Fact]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
2. Basyrov, Sh. R. (2019). *Metaforы i metonimii v raznostrukturnykh yazykakh* [Metaphors and metonymies in the languages of different structure]. Donetsk: DonNU. (In Russ.).
3. Volf, E. M. (1985). *Funktsionalnaya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

4. Drozdov, V. A. (2019). *Formirovanie slovarnogo sostava karibskikh kreolskikh yazykov* [Formation of vocabulary in Caribbean Creole languages]. Donetsk: DonNU. (Tipologicheskie, sopostavitelnye, diakhronicheskie issledovaniya; Vol. 18). (In Russ.).
5. Dyachkov, M. V. (1987). *Kreolskie yazyki* [Creole languages]. Moskva: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. (In Russ.).
6. Kunin, A. V. (1986). *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [A course in Modern English phraseology]. Moskva: Vysshaya Shkola. (In Russ.).
7. Lukyanova, N. A. (1976). O sootnoshenii ponyatiy ekspressivnost, emotsionalnost, otsenochnost [On the correlation of concepts expressivity, emotionalism, evaluation]. In *Aktualnye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya*. Novosibirsk: Novosibirskiy gos. un-tet, Iss. 5. Pp. 3-21. (In Russ.).
8. Savitskiy, V. M. (2006). *Osnovy obschey teorii idiomatiki* [Fundamentals of the general theory of idiomatics]. Moskva: Gnosis. (In Russ.).
9. Serebrennikov B. A. (1970). *Obschee yazykoznanie. Formy suschestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka* [General linguistics. Forms of existence, functions, history of language]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
10. Teliya, V. N. (1981). *Tipy yazykovykh znacheniy. Svyazannoe znachenie slova v yazyke* [Types of language meanings. Phraseologically bound meaning of a word in language]. Moskva: Nauka: IYa AN SSSR. (In Russ.).
11. Teliya, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy lingvisticheskiy aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, pragmatic, linguistic aspects]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
12. Shanskiy, N. M. (1972). *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Modern Russian Lexicology]. Moskva: Prosveschenie. (In Russ.).

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Akhmanova, O. S. (2004). *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terminology]. Moskva: URSS. (In Russ.).
2. Matveeva, T. V. (2010). *Polniy slovar lingvisticheskikh terminov* [Comprehensive dictionary of linguistic terms]. Rostov n / D.: Feniks. (In Russ.).
3. Muller, V. K. (1997). *Novyt anglo-russkit slovar* [New English-Russian Dictionary]: Ok. 160000 slov. i slovosochetaniy. 4-e izd., ster. Moskva: Rus. yaz. (In Russ.).
4. Ozhegov, S. I. (1990). *Slovar Russkogo yazyka* [The Russian Language Dictionary]: 70000 slov. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).
5. Allsopp, R. (1996). *Dictionary of Caribbean English Usage*. Oxford University Press.
6. Cassidy, F. G., Page, Le R. B. (1967). *Dictionary of Jamaican English*. Cambridge at the University Press.

Дроздов Владимир Александрович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода (e-mail: drozdov@donnu.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Drozdov Vladimir A. – Doctor in Philology, Associate Professor, Professor of Translation Studies Department (e-mail: drozdov@donnu.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk State University»
24, Universitetskaya Str., Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 01 ноября 2024 г.

GUSTATORY LEXEMES IN ENGLISH AND GERMAN: DERIVATIVE ASPECT

In the article the comparative research of periphery zone meanings in the semantic field «Taste» in the English and German languages has been carried out.

The periphery zone is formed by: 1) derivative meanings of polysemuos lexemes of the field's core; 2) elements with the meaning of taste in a subordinate position – in derived meanings of different degrees.

Key words: *gustatory component, semantic field, periphery, derivative meaning.*

ПРОИЗВОДНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ГУСТАТИВНЫХ ЛЕКСЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье проводится исследование периферии семантического поля «Вкус» в английском и немецком языках. В изучаемых языках периферию поля составляют вторичные значения полисемантических лексем, входящих в ядро семантического поля «Вкус», а также элементы, имеющие признак вкуса в субординативной позиции – в производных значениях разных степеней.

Периферия семантического поля «Вкус» сформирована, исходя из словообразовательных возможностей наименований вкуса изучаемых языков. К периферии относятся метафорически и метонимически перенесенные значения густативных лексем.

Ключевые слова: *густативный компонент, семантическое поле, периферия, производное значение.*

1. Introduction. Gustative lexis (GL) denotes taste. The object of the study is gustative vocabulary presented in the form of a semantic field.

The analysis of the vocabulary of taste was carried out mainly on the material of individual languages: Russian (N. E. Gronskaya, Zh. V. Lechitskaya, A. V. Makarova), Ukrainian (M. P. Bilous, A. V. Vysotsky, I. V. Gaidaenko), German (V. V. Gridasov), Latin (N. A. Timeychuk), Greek (N. K. Malinauskene).

The comparative studies of gustative vocabulary considered were based on English, Russian and French (A. Kh. Merzlyakova); English and Russian (A. V. Kutsenko); German and Russian (T. M. Matveeva) [Матвеева, 2005; Мерзлякова, 2003]. Despite the fact that taste perception has long been analysed by scholars of many fields, gustative lexemes have not been the subject of a comprehensive study based on the English and German languages, which determines the topicality of this research.

The aim of the study is to describe the general and specific features of gustative vocabulary

in English and German.

The research presents the corpus of gustative vocabulary in the form of lexico-semantic and thematic groups with a total of 2873 units (859 lexico-semantic variants in English and 918 in German).

Main part. Modeling the language system is a fairly effective way of learning it [Полевые структуры, 1989: 3]. Lexical groupings united on the basis of a common meaning, a common function, or a combination of these two features can be presented in the form of a field – a systemic formation characterized by hierarchical relations. Words related to GL are connected by semantic relations and form a hierarchical unity corresponding to the field structure [Кезина, 2004: 79-86].

By field structure, following Z. D. Popova and I. A. Sternin, we mean the unification of different elements of the language system that have the characteristics of a language field. Field structures include both lexico-semantic and lexico-grammatical groupings and truly semantic phenomena such as semanteme and sememe [Полевые структуры, 1989: 8].

According to V. V. Levitsky, such microsystems as the lexico-semantic field, lexico-semantic group, and synonymous series have the characteristic features of a «field structure» [Левицкий, 2006: 218]. These elements include the dominant word, the core, and the periphery of the zone [Левицкий, 2006: 218]. The zones of the field are connected by an associative connection with the stimulus-identifier in the center of the field [Полевые структуры, 1989: 33].

The field division of gustative vocabulary corresponds to the structure of the semantic field suggested by Yu. M. Karaulov, as well as to one of the five types of semantic fields identified by L. M. Vasiliev. The components of the field presented by Yu. M. Karaulov are connected by various lexico-semantic and lexico-grammatical relations. At the same time, the words included in the semantic field are united by a common (at least one) seme, which is included in the corresponding interpretation of each of these words [Караулов, 2009: 219].

Typology of the semantic field of L. M. Vasilyeva is represented by the following types of lexical associations with a common invariant: 1) semantic classes of one part of speech, which are in paradigmatic relations; 2) semantically correlated classes of words of different parts of speech, the units of which can be in both paradigmatic and syntagmatic relations with each other; 3) functional-semantic fields; 4) syntactic paradigms; 5) semantic-syntactic fields of mixed type [Васильев, 2006: 55].

The semantic field «Taste» characterizes another type of paradigms – semantically correlated classes of words of different parts of speech, entering paradigmatic and syntagmatic relations. The field «Taste» is an interparticle hierarchically structured semantic field. The GL field, like any

other systemic-structural association, has a clear structure – a core and a periphery.

The unification of linguistic units into a semantic field occurs on the basis of a common invariant meaning. Despite a certain subjectivity in isolating semantic fields and defining their boundaries, the semantic field is not a methodological abstraction, but represents an objective linguistic structure [Лурия, 1982: 63; Залевская, 2005: 155].

Semes of the generic meaning TASTE, GESCHMACK cover the entire meaning of the field «Taste» and perform an integrating function. The core of the field is characterized by the maximum concentration of the taste feature, while on the periphery there is a weakening of the intensity of the feature. The criterion for distinguishing between different zones of the semantic field «Taste» is the degree of semantic closeness to the core meanings.

The national specificity of lexico-semantic fields is revealed in the number of words present in the field and in the nature of the opposition between the components of the field [Ельмслев, 2006: 48; Звегинцев, 2001: 211]. Quantitative features of the fields units in the compared languages also play a major role in the comparison [Croft, 2003; Korunets, 2003: 139-149].

When constructing the semantic field «Taste», the semantic volume of the polysemantic lexemes included in its composition is taken into account. This concerns, first of all, the polysemantics *taste, sweet, bitter, salty, sour*, which in direct meanings are included in the core of the semantic field under study, and in figurative meanings are located on the periphery. The validity of this approach is confirmed by a number of researchers using the field method. Thus, S. G. Shafikov believes that «depending on the research objectives, the field may not be limited to a set of meanings (semes) identified by a common seme, but be characterized by the depth formed by the semantic structure of polysemants» [Шафи́ков, 1999: 22].

The periphery of the semantic field «Taste» is formed based on the word-formation potential of taste nominations. The periphery includes metaphorically and metonymically transferred meanings of gustatory lexemes. The group is quite numerous (302 lexico-semantic variants in English and 322 in German) and includes lexemes belonging to other semantic fields.

The periphery of the field is made up of elements that have the attribute of taste in a subordinate position – in derivative meanings of different degrees (meanings No. 2, No. 3, etc.), cf.: English *light*¹⁶ ‘weak’; English *weak*¹⁰ ‘rare (about drinks)’; German *streng*³ ‘sharp, acrid (taste, smell)’.

We also include secondary meanings of polysemantic lexemes, which form the core of the semantic field «Taste» in the periphery – *taste, sweet, bitter, salty, sour*, cf.: English *sour*³ ‘angry, gloomy, irritated’; German *sauer*⁷ ‘dissatisfied, gloomy’; German *sauer*⁸ ‘angry at something, enraged’.

Figurative meanings of perceptual lexemes make perceptual metaphors, a special type of ontological metaphors. The identification of this type of metaphor is based on the theory of two equal types of knowledge: empirical, based on concrete sensory perception, and theoretical knowledge based on abstract logical thinking [Гридасов, 1999: 112].

In analyzing the material, we take into account the typology of sememes developed by M. M. Kopylenko and Z. D. Popova, according to which the direct nominative meaning corresponds to the primary denotative sememe D1, and the derivative-nominative meaning corresponds to the secondary denotative sememe D2. Sememes D2 are characterized by greater national specificity due to the socio-cultural determinacy of the process of transferring the perceptual feature.

The periphery of the semantic field «Taste» is represented by: 1) a group of units that have a gustative component in the semantic structure of the word; 2) a group of units that do not have a gustative component in the semantic structure of the word.

1) The first group can be exemplified by zoological names with a gustative component in the name and in the semantic structure, cf.: English *bitterling* zoological ‘a cyprinid fish with inedible bitter meat’ – ‘a fish of the carp family with inedible bitter meat’; German *Bitterling*¹ (m) zoological ‘kleiner karpfenähnlicher Fisch, dessen bitter schmeckendes Fleisch ungenießbar ist’ – ‘a small fish of the carp family with inedible bitter meat’.

The taste of roots, leaves, or fruits of some plants is reflected in their names, cf.: English *sweet-root*¹ (licorice, liquorice) botanic ‘the dried root of a Mediterranean plant which is used in medicines and to give flavour to food, especially sweets’ – ‘the dried root of a Mediterranean plant which is used in medicine and to give flavour to food, especially sweets’; German *Süßholz* (n) botanic ‘eine Süßholzstrauchwurzel die u. a. zur Lakritzgewinnung dient’ – ‘the root of the licorice bush, which is used, among other things, to obtain an extract of the sweet root’.

Let us consider an element of the thematic group of botanical names with a gustative component. The presence of lexical lacunae in this thematic group is associated with differences in the names in the languages under study, cf.: the German lexeme *Bitterkraut* (n) botanic ‘bitter’ corresponds to the English lexeme *smartweed* botanic ‘bitter’, which does not have a gustative component in its name; the German word *Säuerling*¹ (m) ‘sorrel’ corresponds to English *shamrock* ‘sorrel’, etc.

In the TG of botanical names, we observe the predominance of the units in the German language, compared to the names of the English language. Most often, the analogues of botanical names in German are units of the English language that: a) do not have a gustative component in the name, b) do not correspond to the monolexic principle of vocabulary selection in the

study, cf.: German *Süßgras*¹ botanic (n) ‘manna grass’; English *manna*³ botanic ‘manna grass’; German *Süßling*² (m) botanic ‘milkweed’; English *spurge* botanic ‘milkweed’; German *Süßdolde* botanic (f) ‘myrrh’; English *myrrhis* / *myrrh tree* botanic ‘myrrh’; German *Salzstrauch* (m) botanic ‘singil’; English *salt tree* botanic ‘singil’.

2) The subgroup of units that do not have a gustative component in the semantic structure of the word is represented by: a) 9 lexical-semantic groups, b) 31 thematic groups, c) residual groups.

Among the lexico-semantic groups of the periphery of the semantic field «Taste», the following adjective meanings are nationally marked:

a) with the meaning of *a hypocritical person*, where the *cloyingly sweet* taste is associated with flattery, cf.: English *sugary*² derogatory ‘flattering, cloying, sentimental’; *saccharine*² figurative, derogatory ‘cloying’; *honeyed*² figurative ‘flattering (about words)’, *honey-mouthed* ‘sweet-tongued, honey-mouthed, obsequious’; German *süß*⁶ figurative ‘sweet-tongued, flattering’; *süßlich*³ ‘flattering’; *bittersüß*³ figurative ‘sugary’;

b) with the meaning *very heavy, unpleasant (about a state, experience)*, due to the associative connection of bitter taste with unpleasant sensations, cf.: English *distasteful* ‘bitter, painful’; *bitter*¹ (about an argument) ‘very unpleasant, with great anger and hatred’; *bitter*² ‘bitter, painful’; *salt*⁴ ‘bitter, burning (about tears)’; German *bitter*², *bitter*⁵ ‘heavy, painful’, *bitterlich*³ figurative ‘bitter, sad, painful’; *bitter*³ ‘angry, disappointed’; *bittersüß*² ‘painful, difficult and beautiful at the same time’; *sauer*⁶ ‘to someone the work seems difficult to perform; a person copes with it only with great effort’; *herb*² ‘dejected, bitter’.

Among the thematic groups of the periphery of the semantic field «Taste», the national characteristics of the languages studied are best reflected in the groups with the meaning of *statement; character traits, mental and emotional state of a person; minerals, pools, lakes, etc.*

In English, the thematic group characterizing *statements* is represented by 22 meanings, for example: *tasteless*² ‘tactless (about a statement)’; *salt*⁶ ‘obscene (about saying)’; *salt*⁷ ‘caustic, sharp (about a joke)’; *salty*² ‘rude’; *spicy*² ‘spicy (about saying)’; *harsh, stark* ‘strong (about a statement)’; *savorless* figurat. ‘fresh’; *insipid* ‘uninteresting, boring’.

In German, the corresponding thematic group has 12 meanings, for example: *geschmacklos*³ ‘tactless, obscene (about a statement)’; *gesalzen*³ familiar-colloquial ‘rude’; *gepfeffert*⁴ ‘salty (about sharpness, saying)’; *kräftig* ‘strong (about saying)’; *scharf* ‘strong (about saying)’; *fade*² ‘boring, empty’; *schal*³ ‘ridiculous, empty’.

The thematic group denoting *character traits* includes 17 meanings in English and 14 lexico-semantic variants in German, cf.: English *tasteless*⁴ ‘bad taste (behavior)’; *sweet*⁵ ‘pleasant, friendly’; *sweet*⁷ ‘having a good disposition’; *sweet-tempered* ‘friendly, with a gentle character’; *sweetie*² conversational ‘good, pleasant’; *bitterend* ‘principled, uncompromising’; German *abgeschmackt*¹

‘stupid, boring’; *süß*⁶ [exaggerated] ‘kind, friendly’; *süßsauer*², *sauersüß*² figurative ‘cold, indifferent, forced, insincere’; *gallenbitter*² ‘bilious, malicious person’; *gesalzen*⁴ fam.-colloquial ‘unfriendly, ungracious’; *fade*³ conversational ‘fearful, timid; mannered’.

The periphery of the semantic field «Taste» is also represented by a thematic group of nouns with the meaning of *a person’s mental and emotional state*. The group contains 14 nouns in English and 13 in German, cf.: English *taste*⁶ ‘the quality of being appropriate and harmless’; *bitterness*² ‘bitterness, acrimony’; *gall*³ ‘bitterness, anger, irritation’; *sourness*² ‘sarcasm, harshness’; German *Geschmack*⁶ (m) ‘good manners, good tone, tact’; *Geschmacklosigkeit*² (f) ‘indecent, bad tone’; *Bitternis*² (f), *Bitterkeit*² (f) ‘suffering, grief’; *Sauernis*² (f) ‘discontent, gloom’.

Thematic group of nouns with the meaning of *minerals, pools, lakes, etc* is characterized by peripheral status within the field «Taste». In German, composites of the «noun + noun» model display greater productivity of meanings in this group, cf. German *Bittersee* (m) ‘bitter-salt lake’; *Salzwiese* (f) geological ‘saline meadow (on the seashore)’; *Salzbrunnen* (m) ‘salt spring’; *Salzablagerung* (f) ‘salt deposits; salt deposits’; *Salzgrube* (f) ‘salt mine’; *Salzlager* (n) ‘layer [deposit] of rock salt’; *Salzquelle* (f) ‘salty mineral spring’; *Süßwasserbecken* (n) ‘fresh water basin’ – a total of 16 meanings; English *bitter-spar* mineral ‘dolomite’; *salt-pan*² ‘salt lake’; *salt-marsh* ‘salt marsh; lowland flooded by salt water’; *salt-pond* ‘salt pond’ – a total of 5 meanings.

The comparative analysis of the equivalent gustative vocabulary, along with equivalent verbal signs in form, has shown the gaps in the languages under study associated with the absence of a single-word nomination of a certain concept.

Lexemes of the German language, formed by compounding, often do not have single-word equivalents in English, cf. German *essigsauer*² – English *sour as vinegar*, German *Geschmackverstärker* (m) – English *taste intensifier*, German *Salzstrauch* (m) – English *salt tree* ‘chingil’, German *Süßwasser* (n) – English *sweet water*, etc.

Due to the monolexemic principle of vocabulary selection in our study, the lexico-semantic and thematic groups of the «Taste» field do not contain English word combinations corresponding to German composites, e.g.: German *Geschmacksstörung* (f) ‘temporary inability to sense taste’; German *Säurebestimmung* (f) med. ‘determination of acidity’; German *Salzwechsel* (m) ‘salt metabolism’; German figurative *Geschmacksverirrung* (f) ‘bad taste, lack of taste’; German *Geschmackssinnesorgan* (n) ‘taste organ’; German *Geschmacksknospe* (f) ‘tongue receptor’.

The analysis confirms the presence of non-equivalent vocabulary in the languages under study, which is a manifestation of alomorphism, e.g.: English *salt-box* ‘a house with two floors in the front and one floor in the back’ (the name comes from the similarity with a wooden box in which salt was previously stored), English *untasted* ‘untouched’; German *Salzburg* (n) literally ‘salt castle’ – ‘Salzburg (a city and state in Austria), German *Bitterfeld* (n) ‘Bitterfeld (a region

in Saxony)', *Salzach* (*f*) 'Salzach (the main tributary of the Inn)', *Sauerland* (*n*) 'Sauerland (a mountainous region in western Germany)'.

3. Conclusion. Comparative research enables to solve the problem of the relationship between the universal and the ideoethnic in language, allows to identify the national specificity of division and display of objective reality in language.

The field principle is the basis for the systemic organization of gustatory vocabulary. As a result of the comparative study of the semantic field «Taste» in English and German, it was established that their common features dominate over the differences.

The core of the field is characterized by the highest concentration of the taste feature, on the periphery a weakening of the intensity of the feature is observed. The criterion for distinguishing between different zones of the semantic field «Taste» is the degree of semantic proximity to the core meanings.

The periphery of the semantic field under study includes non-gustative meanings formed from gustatory vocabulary in a semantic way (metaphorical and metonymic transfers), as well as in a morphological way (using word-formation means).

In the languages under study, the direct meaning of gustatory vocabulary corresponds to a specific taste sensation; in semantic transformation, the derivative meaning is a metaphorical transfer of two types: a) with the preservation of sensory qualities, b) with the loss of sensory qualities with the meaning of internal properties, emotional impressions, and the mental state of a person.

The similarities identified are a consequence of the universality of taste perception, the origin of the compared languages from a single Indo-European language, and long-term contact between their speakers. A significant part of the gustative vocabulary in German is represented by composites, which in English correspond to phrases. The results of the quantitative analysis indicate that the dominant type of transfer in the gustative vocabulary is metaphorical.

Metaphorical transfers recorded in the explanatory dictionaries of the languages studied are represented by 346 lexical-semantic variants (English – 200 units; German – 146 units). A feature of the sensory type of metaphor is the transfer of the name of one feature to another based on the similarity of their perception.

Metaphorical transfer occurs in the following directions: 1) to the features of a person's character, condition and appearance; 2) to an action, process, feature that have characteristics of gustative vocabulary; 3) to other perceptual sensations (odorant, sound, visual, tactile); 4) to abstract concepts, mental processes; 5) to weather conditions; 6) to social features. The identified types of metaphorical transfers are common to the languages under study, but have different productivity.

The most productive is the transfer to a person's emotional state, internal character traits,

realized in 195 lexical-semantic variants (English – 103 units, German – 92 units); the second place in productivity is occupied by the transfer to an action, process, feature that has the characteristics of gustative vocabulary – 98 lexico-semantic variants (English – 63 units, German – 35 units); the third in productivity is the transfer to other perceptual sensations (odorative, auditory, visual, tactile) and makes up 33 lexico-semantic variants (English – 24 units, German – 9 units); transfer to abstract concepts, mental processes, weather conditions, human appearance has 9 lexical-semantic variants for each of these subgroups; transfer of gustative vocabulary to social features is represented by single lexical-semantic variants in the compared languages.

Despite significant similarities, gustative vocabulary in the compared languages is characterized by differences consisting in the presence (or absence) of a separate element of field organization, in their quantitative characteristics, and the features of their semantics.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев Л. М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики. Уфа: БашГУ, 2006. 520 с.
2. Гридасов В. В. Перцептивная метафора как лексико-семантическая категория (на материале современного немецкого языка): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Барнаул, 1999. 163 с.
3. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. Москва: КомКнига, 2006. 248 с.
4. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Москва: Гнозис, 2005 (ГУП Смол. обл. тип. им. В. И. Смирнова). 542 с.
5. Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. 2-е изд. Москва: Эдиториал УРСС, 2001. 248 с.
6. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. 2-е изд. Москва: ЛИБРОКОМ : ЛЕНАНД, 2009. 354 с.
7. Кезина С. В. Семантическое поле как система // Филологические науки. 2004. № 4. С. 79-86.
8. Левицкий В. В. Семасиология. Винница: Нова книга, 2006. 512 с.
9. Лурия А. Р. Этапы пройденного пути: научная автобиография. Москва: Изд-во МГУ, 1982. 181 с.
10. Матвеева Т. М. Перцептивная категория вкуса и лингвистические средства ее реализации: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Челябинск, 2005. 200 с.
11. Мерзлякова А. Х. Типы семантического варьирования прилагательных в поле «Восприятие» (на материале английского, русского и французского языков): дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Уфа, 2003. 357 с.
12. Полевые структуры в системе языка: коллективная монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин, Е. И. Беляева и др.; науч. ред. З. Д. Попова. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. 200 с.
13. Шафиков С. Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц. Уфа, 1999. 88 с.
14. Croft W. Typology and Universals. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 341 p.
15. Korunets I. V. Contrastive typology of the English and Ukrainian Languages. K.: Lybid Publishers, 2003. 459 p.

REFERENCES

1. Vasilev, L. M. (2006). *Teoreticheskie problemy obschey lingvistiki, slavistiki, rusistiki* [Theoretical problems of general linguistics, Slavistics, and Russistics s]. Ufa: BashGU. (In Russ.).
2. Gridasov, V. V. (1999). *Pertseptivnaya metafora kak leksiko-semanticheskaya kategoriya (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka)* [Perceptual metaphor as a lexico-semantic category (on the material of modern German language)]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Barnaul. (In Russ.).
3. Elmslev, L. (2006). *Prolegomeny k teorii yazyka* [Prolegomena to the theory of language]. Moskva: KomKniga. (In Russ.).
4. Zalevskaya, A. A. (2005). *Psyholingvisticheskie issledovaniya. Slovo* [Psycholinguistic research]. Moskva: Gnozis. (GUP Smol. obl. tip. im. V. I. Smirnova). (In Russ.).
5. Zvegintsev, V. A. (2001). *Yazyk i lingvisticheskaya teoriya* [Language and linguistic theory]. 2-e izd. Moskva: Editorial URSS (In Russ.).
6. Karaulov, Yu. N. (2009). *Obshchaya i russkaya ideografiya* [General and Russian Ideography]. 2-e izd. Moskva: LIBROKOM : LENAND. (In Russ.).
7. Kezina, S. V. (2004). Semanticheskoe pole kak sistema [Semantic field as a system]. In *Filologicheskie nauki*. No 4. Pp. 79-86. (In Russ.).
8. Levitskiy, V. V. (2006). *Semasiologiya* [Semasiology]. Vinnitsa: Nova knyga. (In Russ.).
9. Luriya, A. R. (1982). *Etapy proydennogo puti: nauchnaya avtobiografiya* [Stages of the Passed Way: Scientific Autobiography]. Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.).
10. Matveeva, T. M. (2005). *Pertseptivnaya kategoriya vkusa i lingvisticheskie sredstva ee realizatsii* [Perceptual category of taste and linguistic means of its realization]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Chelyabinsk. (In Russ.).
11. Merzlyakova, A. Kh. (2003). *Tipy semanticheskogo varirovaniya prilagatelnykh v pole «Vospriyatie» (na materiale angliyskogo, russkogo i frantsuzskogo yazykov)* [Types of semantic variation of adjectives in the field «Perception» (on the material of English, Russian and French languages)]: diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. Ufa. (In Russ.).
12. *Polevye struktury v sisteme yazyka* [Field structures in the system of language: a collective monograph]: kollektivnaya monografiya / Z. D. Popova, I. A. Sternin, E. I. Belyaeva i dr.; nauch. red. Z. D. Popova. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1989. (In Russ.).
13. Shafikov, S. G. (1999). *Teoriya semanticheskogo polya i komponentnoy semantiki ego edinits* [Theory of semantic field and component semantics of its units]. Ufa. (In Russ.).
14. Croft, W. (2003). *Typology and Universals*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Korunets, I. V. (2003). *Contrastive typology of the English and Ukrainian Languages*. K.: Lybid Publishers.

Мохосоева Марина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка для экономических специальностей (e-mail: m.mokhosoeva@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Mokhosoeva Marina Nikolaevna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English Language for Economic Purposes (e-mail: m.mokhosoeva@mail.ru), Federal State-Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk State University»
24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 19 августа 2024 г.

УДК 81'42

© 2025 И. Ю. Ратундалова

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ГЕНДЕРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ КИНОДИСКУРСА НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ)*

Статья посвящена стратегиям и тактикам манипулирования в гендерной коммуникации персонажей американских и российских фильмов и сериалов. Выявляются сходства и различия в механизмах манипулятивного воздействия на коммуникативном уровне, отмечаются социо- и лингвокультурные особенности гендерного взаимодействия.

Ключевые слова: речевое манипулирование, стратегии и тактики, гендерная коммуникация, кинодискурс.

© 2025 I. Yu. Ratundalova

MANIPULATION STRATEGIES AND TACTICS IN GENDER COMMUNICATION (BASED ON THE FILM DISCOURSE IN ENGLISH AND RUSSIAN)

The article deals with manipulation strategies and tactics in gender communication of characters in American and Russian films and TV series. Common and distinctive features in the mechanisms of manipulative influence on the communicative level have been identified. Socio- and linguocultural features of gender interaction have been described.

Key words: language manipulation, strategies and tactics, gender communication, film discourse.

Введение. Киноиндустрия и ее продукты являются одними из лидирующих массмедиа, чья экспансия осуществляется в глобальных масштабах и чьи рамки влияния сложно переоценить. Кинодискурс как комплексное лингвосомиотическое коммуникативное явление культуры, рефлектирует этнокультурные специфические особенности создателей самого кинофильма и их социокультурной среды [Олянич, 2015: 164], а также влияет на их формирование и закрепление в этой или другой среде, поэтому внимание к особенностям функционирования кинодискурса в последнее время только усиливается.

Особый интерес в рамках данной проблематики вызывает манипулирование в речах персонажей фильмов и сериалов. Так, речевому манипулированию посвящено множество исследований [Чудинов, 2001; Руженцева, 2004; Михалева, 2009; Данилова, 2011; Samoilenko, 2016; Василенко, 2018; Голодов, 2019; Ветрова, 2023 и др.], однако все они фокусируют свое внимание на политическом или рекламном дискурсе, тогда как изучением особенностей манипуляций в межличностной коммуникации в основном

* Исследование проводилось в рамках НИР ДонГУ (номер госрегистрации 12411180021-7).

занимаются психологи [Берн, 1998; Панкратов, 2001; Шейнов, 2022; Чалдини, 2022], а ведь данная область имеет значительный потенциал для исследования посредством лингвистической методологии. И хотя сбор эмпирического материала в процессе «живого» общения был бы затруднителен по ряду объективных причин, существует альтернатива в виде исследования кинодискурса, в котором, как правило, отражаются реальные схемы вербальной интеракции.

Кроме того, важно рассматривать феномен манипулирования в сопоставительном аспекте, но не только в рамках исследования сходств и различий языков и культур, а также учитывать гендерный фактор, ведь в кинопродуктах часто транслируются стереотипные представления о мужских и женских качествах и стилях общения, которые могут демонстрировать типичные механизмы манипулирования в гендерной коммуникации разных лингвокультур и влиять на предпочтение использования тех или иных стратегий и тактик в действительности.

Объектом исследования является речевое манипулирование, **предметом** – стратегии и тактики речевого манипулирования в гендерной коммуникации персонажей англоязычного и русскоязычного кинематографа.

Цель исследования – выявление наиболее продуктивных стратегий и тактик манипулирования в общении англоязычных и русскоязычных мужских и женских персонажей, а также анализ их соответствия социо- и лингвокультурным стереотипам гендерной коммуникации.

Под речевым манипулированием понимается «разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [Копнина, 2012: 24].

Под стратегией в данной работе подразумевается совокупность процедур, способствующих достижению конкретного коммуникативного намерения [Иссерс, 2003: 54]. Ее реализация происходит посредством тактик – комплексов речевых приемов, направленных на осуществление конкретных этапов стратегии. Разновидности реализации некоторых стратегий и тактик обозначены терминами «субстратегия» и «субтактика».

Проведенный компонентный анализ словарных дефиниций слова «манипулирование» (на материале 48 определений из специализированных словарей и наиболее авторитетных научных работ в сферах политологии, психологии, лингвистики, философии, юриспруденции и социологии), позволил выделить ряд объектов, над которыми осуществляется манипулятивное влияние. К ним относятся: сознание и его

элементы (29 признаков), а также поведение и деятельность (22 признака).

На основании объектов, на которые направлено речевое манипулирование, выделяются следующие стратегии и тактики (при создании данного перечня базовыми теоретическими источниками послужили работы лингвистов О. Л. Михалевой [Михалева, 2009], А. В. Радюк [Радюк, 2013] и психологов В. Н. Панкратова [Панкратов, 2001], Р. Чалдини [Чалдини, 2022]):

1) манипулирование репутацией (субстратегия презентации включает тактики оправдания, обещания и позитивного оценивания; субстратегия дискредитации включает тактики обвинения, обличения, оскорбления и негативного оценивания); 2) манипулирование эмоциями и чувствами (включает тактики уговоров, угрозы, насмешки, провокации, прогнозирования, игры в жертву); 3) манипулирование схемами упрощенного поведения (включает тактики «принцип взаимности», «принцип последовательности и обязательства», «принцип дефицита», «принцип авторитета» и тактику благорасположения, реализующуюся посредством субтактик кооперации, лестных высказываний и сходства); 4) манипулирование реальностью (включает тактики ложного намерения, подмены реальности, абсурдизации и нормализации); 5) манипулирование ресурсами (включает тактики убеждения в отсутствии альтернатив, инструктирования, ухода от ответственности); 6) манипулирование ходом коммуникации (включает тактики интриги, чтения мыслей, отражения, многовопросья, наводящего вопроса, переопределения, переключения темы, расстановки акцентов); 7) манипулирование убеждениями (включает тактики генерализации и приоритезации).

Материалом исследования послужили 213 речевых образцов, репрезентирующих стратегии и тактики, из фильмов и сериалов американского и российского кинематографов (109 диалогов из англоязычных (*Euphoria* («Эйфория») (2019–...); *Shirley* («Ширли») (2020); *The Undoing* («Отыграть назад») (2020); *Coup!* (2023) («Идеальный лжец»); *Saltburn* (2023) («Солтберн»); *Chucky* («Чаки») (2021–2024)) и 104 диалога из русскоязычных («Медиатор» (2021–2024); «Обоюдное согласие» (2022–...); «Красные линии» (2024)) кинопродуктов).

Основная часть. В англоязычных фильмах и сериалах наиболее популярными объектами манипулирования оказались: репутация (101 случай применения манипулятивных тактик или 31,1%) и эмоции и чувства (96 случаев или 29,5%), тогда как в русском материале большая часть манипуляций пришлась на эмотивно-чувственную сферу (142 случая или 36,8%) и подверженность стереотипному мышлению (64 случаев или 16,6%).

1. В целом, данное распределение наиболее используемых стратегий совпадает с традиционными представлениями о культурных особенностях американцев и россиян.

Так, более развитый институт репутации в американской среде, в отличие от российской, обуславливает повышенную важность общественного имиджа человека, что и делает его явной мишенью для манипуляторов. И несмотря на то, что, как отмечают современные исследования, в последние годы в российской действительности прослеживается положительная динамика развития института репутации, а также интегрирования феномена культуры отмены, даже в деловой сфере репутационным рискам и их минимизации все еще уделяется недостаточно внимания [Киселева, Муромская, 2020: 585], тогда как в США правовое регулирование защиты от диффамации и репутационного ущерба является более разработанным и сбалансированным [Ястребов, 2018: 113-116].

1.1. Описанные тенденции отражаются в коммуникации мужских и женских персонажей американских фильмов и сериалов, причем манипулирование репутацией оказалось преобладающим для обоих полов – 83 примера (25,5%) из речей мужчин и 20 примеров (6%) из речей женщин. Кроме того, для американской лингвокультурной общности более характерна агрессивная самоподача, тогда как подобное коммуникативное поведение в русскоязычной среде считается нескромным и производит обратный эффект [Стернин, 2001: 185-187]. В особенности субстратегия презентации реализуется наиболее продуктивно мужскими персонажами (48 случаев (14,7%)); напр., при помощи тактики оправдания: *Well, there is no evidence of me ever being violent. Ever. In fact, I have attempted to devote my entire life to what might be called the antithesis of violence. Healing (The Undoing)* ‘Что ж, нет никаких свидетельств того, что я когда-либо был жесток. Совершенно никаких. На самом деле я пытался посвятить всю свою жизнь тому, что можно было бы назвать противоположностью насилия, – исцелению’ («Отмотать назад»); в речах женских персонажей предпочтение отдается субстратегии дискредитации (12 случаев (3,7%)); напр., при помощи тактики обвинения: *This is Stanley's syllabus. And, uh, the last name on the list before mine is Paula's. Which means that she was taking his class, maybe, at the time that she disappeared (Shirley)* ‘Это курс лекций Стэнли. И последнее имя в списке перед моим – имя Полы. Это означает, что она посещала его занятия, – возможно, как раз тогда, когда исчезла’ («Ширли»)).

1.2. В русском материале манипулирование репутацией практически в равной степени актуализируется в речах мужских (29 случаев (7,5%)) и женских (28 случаев (7,3%)) героев, однако по сравнению с английским языком данная стратегия применяется не столь широко. Но при этом, как и в американских кинопродуктах, мужским персонажам в большей степени присуще применение субстратегии презентации (29 случаев (7,5%)); напр., при помощи тактики обещаний: *Но я уверяю вас, руководству города не все равно, как и вам.*

Поэтому я беру под личный контроль пересадку кустарников и деревьев, и, буду с вами честен, не все деревья удастся сохранить, но на каждое спиленное дерево мы посадим три новых («Обоюдное согласие»), а женским – субстратегии дискредитации (21 случаев (5,5%)); напр., при помощи тактики обличения, главное отличие которой от тактики обвинения состоит в том, что объекту манипуляции не просто приписывается вина за что-либо, а также приводятся аргументы в ее подтверждение: *Просто есть люди с очень сильной разрушительной энергией. Он как раз такой человек. Маиш, ты смотри на свою жизнь после знакомства с ним: он же тебя поссорил буквально со всеми, он влезает в твои отношения с другими людьми. Взять хотя бы меня* («Медиатор»). Подобный выбор может объясняться стереотипным представлением о том, что женщины, как правило, стеснительнее и скромнее мужчин, поэтому они не склонны транслировать свои выигрышные качества напрямую.

1.3. Помимо упомянутых тактик, в эмпирическом материале присутствуют дискредитационные тактики оскорбления и негативного оценивания, а также презентационная тактика позитивного оценивания, хотя в обоих языках они представлены небольшим количеством примеров.

2. Повышенная эмоциональность в характере русского и американского стилей общения отражается в речах персонажей фильмов и сериалов, в частности, в частом употреблении манипулятивных тактик, апеллирующих к различным эмоциям и чувствам. Стратегия манипулирования эмоциями и чувствами включает в себя тактику уговоров (апелляция к чувству жалости), тактику угрозы (апелляция к эмоции страха), тактику насмешки (апелляция к чувству неуверенности в себе, эмоции стыда), тактику провокации (апелляция к чувству вины, неуверенности в себе, эмоциям стыда, гнева), тактику прогнозирования (апелляция к эмоции страха) и тактику игры в жертву (апелляция к чувству жалости).

2.1. Так, данная стратегия манипулирования является доминирующей для женских (71 случай или 18,4%) и мужских русскоязычных персонажей (71 случай или 18,4%), однако ее реализация для обоих гендеров отличается на уровне тактик. Персонажи-мужчины тяготеют к использованию тактик провокации и насмешки (*Для тебя ничего сложного. Ты просто отдаешь мне свою волю. Ну я думаю, проблем не возникнет, все равно, ты же неспособна управлять своей жизнью* («Медиатор»)), тогда как персонажи-женщины – к провокации и игре в жертву (*Сашу избил! Его избил, он в больнице. Избил! Моего мальчика избил! Я умираю, Миша! Умираю!* («Красные линии»)). Иными словами, манипулятор-мужчина нацелен в большей степени на эмоциональные нападки без демонстрации своих

эмоций в корыстных целях, а манипулятор-женщина в значительной мере также демонстрирует эмоции (в данном случае – жалость) для воздействия на объект манипулирования. Данный факт соответствует стереотипному представлению об эмоциональной сдержанности мужчин по сравнению с женщинами [Колпакова, 2018: 65].

2.2. Манипулирование чувствами и эмоциями также широко представлено в речах американских персонажей-мужчин (68 случаев (20,9%)) и в целом является второй часто применяемой стратегией как среди англоязычных персонажей-мужчин, так и среди персонажей-женщин (28 случаев (8,6%)).

2.3. Итак, превалирующей тактикой в сопоставляемых языках является тактика провокации. Наиболее распространенными способами вербализации данной тактики является использование прямо или косвенно выраженных негативных оценок собеседника; реплик, выражающих недоверие к его позиции; упреков; прямых запросов информации; поднятия нежелательных тем, напр.: *Мельчают люди, не могут ни на что решиться. Зачем, идиотка, ты напялила на себя взрывчатку? Чтобы стоять тут и слушать бред сумасшедшего?* («Медиатор»).

2.4. Еще одной распространенной тактикой оказалась тактика игры в жертву, включающая в себя самоуничижающие выражения и давление на жалость. Интересно, что данный способ манипулирования в основном актуализируется в речах русскоязычных женских персонажей (напр.: *Ну, давайте, давайте. Продолжайте, обвиняйте меня, жертву. У Вас это отлично получится, не сомневаюсь* («Медиатор»)), что совпадает с типичным представлением о манипулятивных уловках женщин, а также в речах англоязычных мужских персонажей (напр.: *Well, I... I'm not a victim in a conventional sense, no. And I brought a lot of this on myself. But... Let's not forget that... Sorry. That in all this... I lost someone I love. And, uh... Well, there you are. You know, people often think that being made a suspect must preempt, or quash grief. But I can assure you that that's not the case* (The Undoing) ‘Ну, я... Я не жертва в общепринятом смысле, нет. И я сам во многом виноват. Но... Давайте не будем забывать, что... Извините. Что во всем происходящем... Я потерял ту, которую любил. И... Ну, вот. Знаете, люди часто думают, что, попав в число подозреваемых, они должны вытеснить или подавить горе. Но я могу заверить вас, что это не так’ («Отмотать назад»). В репликах русскоязычных мужских персонажей и англоязычных женских персонажей данная тактика представлена единичными случаями.

3. Манипулирование схемами упрощенного поведения является универсальной стратегией, которая может достаточно эффективно оказывать влияние на представителя любой лингвокультуры, что выражено в примерно равном количестве употреблений тактик данной группы в материале на английском (65 случаев (20%)) и русском (64 случая

(16,6%)) языках. Наиболее часто данная стратегия воспроизводилось мужскими персонажами в английском языке (51 пример (15,7%)), в речах русскоязычных мужских персонажей она прослеживалась в меньшей степени относительно общего количества случаев реализации (47 примеров (12,2%)), однако она оказалась второй преобладающей среди стратегий, используемых данной гендерной группой в русском языке (20,9%). В речах женских персонажей стратегия манипулирования схемами упрощенного поведения представлена относительно небольшим количеством случаев употребления как в американском (14 случаев (4,3%)), так и в российском кинодискурсе (17 случаев (4,4%)).

Указанная стратегия реализуется при помощи тактики «принцип взаимности» («искреннее» высказывание манипулятора провоцирует на искренность объекта (вербализуется, напр., при помощи слов «знаешь», «понимаешь»)); тактики «принцип последовательности и обязательства» (игра на склонности к приверженности своему образу, высказанным ранее словам; вербализуется, напр., при помощи частицы «же»: *Ты же так хотел это спродюсировать* («Красные линии»)); тактики «принцип «дефицита» (подчеркивание эксклюзивности чего-то; вербализуется, напр., при помощи слов «только» («только для вас»), «специально»); тактики «принцип авторитета» (использование в речи атрибутов авторитета: ссылок на достоверный источник, использование терминологии) и тактики благорасположения, которая оказалась наиболее распространенной среди персонажей вне зависимости от гендера в материале на двух языках.

Тактика благорасположения реализуется при помощи субтактик кооперации (напр.: *И мы оба страдали от этого. И я подумал, что теперь, когда мы уже взрослые люди, почему бы нам не покончить с этим? Мы можем быть любимы. Да, мы не знали своего брата, но... Но его мать... Она же имеет право на какую-то компенсацию за все, что она пережила* («Медиатор»); субтактика вербализуется при помощи местоимений «мы», «нам», производящих объединяющий эффект); лестных высказываний (напр.: *Ah, it can't have been easy for Venetia. With you being her mother. Because... Because you're so fucking beautiful* (Saltburn) 'Ах, Венеции, должно быть, было нелегко. Учитывая, что ты ее мать. Потому что... Потому что ты такая чертовски красивая' («Солтберн»); персонаж располагает к себе другого персонажа при помощи лесты – эпитета с позитивной оценкой (*beautiful*) и слов-интенсификаторов (*so, fucking*)); сходства (напр.: *Я тебя очень хорошо понимаю, Маи, очень хорошо. Я сам, знаешь, устал от этой неопределенности...* («Медиатор»); местоимение «сам» демонстрирует, что персонаж испытывает схожие чувства).

4. Манипулирование ходом коммуникации – еще одна популярная стратегия среди российских персонажей-мужчин (43 случая или 11,2%). При помощи данной стратегии

персонаж демонстрирует находчивость, острый ум, умение перехватывать инициативу в разговоре и управлять им. Таким образом, снизив процент эмотивных тактик манипулирования, нацеленных на демонстрацию эмоций, и увеличив процент тактик, в которые призваны в большей степени влиять на логическую сферу, в речи персонажа, можно сформировать образ, воплощающий в себе патриархальные конструкты мужественности. Такой «каноничный» мужской образ достаточно часто транслируется в отечественных кинопродуктах. В американском кино, где отражается современная повестка, манифестирующая гендерное равенство, а также разнообразие и инклюзивность, противостоящие традиционным стереотипам, закономерно снижение демонстрации типичного маскулинного поведения среди мужчин, что подтверждается небольшим количеством случаев реализации анализируемой стратегии (13 примеров или 4%). В речах женских персонажей (англ. – 17 примеров или 5,2%; рус. – 18 примеров или 4,7%) данная стратегия также представлена невысоким процентом употребления, тем не менее, она является третьей по частотности среди данной гендерной группы.

Наиболее распространенной тактикой в стратегии манипулирования ходом коммуникации является тактика отражения, реализующаяся в основном в речах англоязычных женских и русскоязычных мужских персонажей. Суть этой тактики состоит в парировании аргументов оппонента при помощи их применения к другому человеку, обращение нападков в свою пользу, напр.: *Для меня, возможно, никакого [значения]. Но для Вас – огромное, если Вы не хотите об этом говорить* («Медиатор») (в данном случае тактика выражается при помощи контекстуальных антонимов).

Стратегия манипулирования ходом коммуникации также может реализовываться при помощи тактики интриги (перехватывание инициативы в разговоре за счет использования эллипсисов, амбею, прерывания реплик, односложных фраз); тактики чтения мыслей (демонстрация своего преимущества и предсказуемости объекта манипулирования («ты скажешь / хочешь сказать», «ты думаешь»)); тактики расстановки акцентов (выделение в речи выгодных фрагментов, напр.: *... это неинтересно. Интересно то, что...* («Обоюдное согласие»)); тактика переключения темы (смена темы на выгодную себе или неудобную для объекта манипуляции); тактика многовопросья (несколько вопросов подряд не дают объекту манипулирования осмыслить сказанное, что дает преимущество манипулятору); тактика переопределения (замена одного слово другим с более выгодной для себя окраской, напр.: *...она ведь жертва, а не подозреваемая* («Медиатор»)); тактика наводящего вопроса (в вопросе уже содержится ответ, выгодный манипулятору).

5. Низкую частотность в сопоставляемых языках обнаруживают тактики трансформации реальности (рус. – 34 случая или 8,8%; англ. – 19 случаев или 5,8%).

Отличительной чертой данных тактик является нарушение максим количества и качества информации: они обычно реализуются посредством лжи, полуправды, искажения реальности.

Стратегия трансформации реальности включает в себя: тактику абсурдизации (доведение до абсурда конвенционально нормальных вещей, логичных аргументов, напр.: *Что странно? Что человек открыл счет и не получил деньги – это странно? Ты считаешь, что это подозрительный факт?* («Медиатор»)); тактику нормализации (введение в норму конвенционально ненормальных вещей, оперирование нелогичными аргументами под видом логичных); тактика подмены реальности (трансформация реальности при помощи убеждения, что все было не так, как в воспоминаниях объекта манипуляций, напр.: *Ты уверен? Я ж звала вас. Попросила, чтобы вы меня забрали, хотела уехать с вами* («Обоюдное согласие»)); тактика ложного намерения (ложь об истинном намерении (часто используется предлог «для» или «ради» («это не для меня», «это ради тебя»), напр.: *But I just think it's best if I stay just for the time being. I want to do what's right for her* (Saltburn) ‘Но я просто думаю, что будет лучше, если я останусь здесь на некоторое время. Я хочу поступить так, как будет лучше для нее’ («Солтберн»)).

6. Наименее частотными стратегиями в обоих языках оказались манипулирование убеждениями (англ. – 10 случаев или 3,1%; рус. – 11 случаев или 2,9%) и манипулирование ресурсами (англ. – 4 случая или 1,2%; рус. – 16 случаев или 4,2%), что объясняется как сложным и специфичным характером самих стратегий, так и индивидуальным выбором создателей кинопроизведений.

Манипулирование убеждениями включает тактику приоритезации (навязывание иерархии критериев, напр.: – *Нет, конечно. Но они вам разве не нужны? Деньги. – Конечно, нужны. А ещё мне больше необходимы наполненность, опыт, любовь* («Медиатор»)) и тактику генерализации (актуализируется посредством намеренных обобщений, мнений, которые подаются как истина, «правильные» представления о каких-то вещах, напр.: *You of all people should know some people deserve to die* (Chucky) ‘Ты, как никто другой, должен знать, что некоторые люди заслуживают смерти’ («Чаки»)).

Стратегия манипулирования ресурсами в большей степени ориентирована на побуждение объекта манипуляции к действию, причем относятся к нему как к ресурсу, который призван решить проблему или псевдопроблему, созданную манипулятором. Данная стратегия может реализоваться при помощи тактики убеждения в отсутствии альтернатив (объекту навязывают «единственно правильное» (выгодное манипулятору) решение ситуации, напр.: *Забрать заявление уже поздно, но ваша дочь может поменять показания. Я очень рекомендую вам серьезно поговорить с ней, чтобы она приняла*

правильное решение. Подумайте о последствиях («Обоюдное согласие»)); тактики инструктирования (манипулятор дает рекомендации/указания к действию, напр.: – *Mm-hmm. There's plenty of room for all of us. We should just go on and pack up and move in. There ain't nothing stopping us. Nothing at all* (Coup!) ‘Угу. Здесь хватит места для всех нас. Нам нужно просто собраться и переехать. Нас ничто не остановит. Вообще ничего’ («Идеальный лжец»)); тактика ухода от ответственности (при позиции инициатора действия манипулятор часто снимает с себя ответственность и убеждает объекта манипуляции в том, что это его собственное решение; часто вербализуется посредством условных предложений, напр.: *Да, но, если ты этого, конечно, хочешь* («Медиатор»)).

Выводы. В результате анализа эмпирического материала установлено, что в английском и русском языках стратегии манипулирования полностью совпадают, а тактики – в основном (исключение составляют тактики приоритезации и наводящего вопроса, отсутствующие в английском языке).

Различия обнаруживаются в частотности употреблении тех или иных стратегий и тактик в речах персонажей мужского и женского гендеров в сопоставляемых языках, что объясняется отображением стереотипных представлений о языковой культуре общения мужчин и женщин (напр., превалирующее количество тактик, влияющих на понижение и повышение репутации в речах американских персонажей; давление на жалость, проявляющаяся в речах русскоязычных женских персонажей, манипулирование схемами упрощенного поведения и ходом коммуникации в речах русскоязычных мужских персонажей, формирующие типичный маскулинный образ); социальными и политическими тенденциями современной действительности (в русскоязычных кинопродуктах мужскими и женскими персонажами используются стратегии и тактики, совпадающие с традиционным распределением гендерных ролей, а в американских – границы более размыты, что соответствует феминистической повестке в США (напр., среди американских персонажей по большей части на жалость давят мужчины, а не женщины)), социальным заказом на демонстрацию конкретных мужских и женских образов (в зависимости от предпочтения типичных или инклюзивных персоналий).

Наименее распространенными стратегиями в двух языках среди обоих гендеров оказались манипулирование реальностью, ресурсами и убеждениями, что может объясняться их универсальным характером, не зависящим от гендерного фактора, а также индивидуальным выбором сценаристов и их художественным замыслом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы. Москва, Санкт-Петербург: АСТ, 1998. 397 с.

2. Василенко Т. В. Манипулятивный потенциал нативной рекламы в русскоязычных интернет-СМИ // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 8. С. 97-106.
3. Ветрова Э. С. Повтор как средство речевого воздействия на адресата в устном политическом дискурсе английского и русского языков // Иностранные языки в высшей школе. Рязань: Рязанский гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2023. Вып. 1 (64). С. 5-15.
4. Голодов А. Г. Диффамация неугодных политиков с помощью антропологической демонизации (на материале немецкой массовой прессы) // Омские социально-гуманитарные чтения – 2019. Омск, 2019. С. 209-213.
5. Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. 2-е изд. Москва: Добросвет, 2011. 232 с.
6. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 3-е изд. Москва: Едиториал УРСС, 2003. 284 с.
7. Киселева А. Э., Муромская А. В. Cancel culture и институт репутации в России // Молодой ученый. 2020. № 48 (338). С. 585-588.
8. Колпакова Л. В. Проявление гендерной специфики эмоциональной сферы личности в языке // Вестник ТГПУ. 2018. № 6 (195). С. 62-67.
9. Копнина Г. А. Речевое манипулирование. Москва: ФЛИНТА, 2012. 170 с.
10. Михалева О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. Москва: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
11. Олянич А. В. Кинодискурс // Дискурс-Пи. 2015. №2. С. 162-165.
12. Панкратов В. Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация. Москва: Изд-во Института Психотерапии, 2001. 208 с.
13. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург, 2004. 294 с.
14. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. 227 с.
15. Шейнов В.П. Манипулирование и защита от манипуляций. Санкт-Петербург: Питер, 2022. 384 с.
16. Чалдини Р. Психология влияния. Внушай, управляй, защищайся. Москва: Эксмо, 2022. 416 с.
17. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. 238 с.
18. Ястребов В. В. Распространение ложных, неверных сведений, порочащих честь и достоинство лица или компании по законодательству США // Legal Concept. 2018. Вып. 17. № 4. С. 113-116.
19. Samoilenko S. A. Character Assassination // The SAGE Encyclopedia of Corporate Reputation; ed. C. Carroll. SAGE Publications, 2016. Vol. 1. Pp. 115-118.

REFERENCES

1. Bern, E. (1998). *Igry, v kotorye igrayut lyudi. Lyudi, kotorye igrayut v igry: Psikhologiya chelovecheskoy sudby* [Games People Play: The Psychology of Human Relationships]. Moskva, Sankt-Peterburg: ACT. (In Russ.).
2. Vasilenko, T. V. (2018). Manipulyativnyy potentsial nativnoy reklamy v russkoyazychnykh internet-SMI [Manipulative potential of native advertising in Russian online media]. In *Sotsialno-gumanitarnye znaniya*. No 8. Pp. 97-106. (In Russ.).
3. Vetrova, E. S. (2023). Povtor kak sredstvo rechevogo vozdeistviya na adresata v ustnom politicheskom diskurse angliyskogo i russkogo yazykov [Repetition as a means of speech influence on the addressee in English and Russian oral political discourse]. In *Inostrannye yazyki v vysshey shkole*. Ryazan: Ryazanskiy gos. un-t im. S. A. Esenina. Iss. 1 (64). Pp. 5-15. (In Russ.).
4. Golodov, A. G. (2019). Diffamatsiya neugodnykh politikov s pomoshchyu antropologicheskoy demonizatsii (na materiale nemetskoj massovoy pressy) [Defamation of

odious politicians with the help of anthropological demonization (based on German mass press)]. In *Omskie sotsialno-gumanitarnye chteniya – 2019*. Omsk. Pp. 209-213. (In Russ.).

5. Danilova, A. A. (2011). *Manipulirovanie slovom v sredstvakh massovoy informatsii* [Verbal manipulation in mass media]. 2-e izd. Moskva: Dobrosvet. (In Russ.).

6. Issers, O. S. (2003). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. 3-e izd. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).

6. Kiseleva, A. E., Muromskaya A. V. (2020). Cancel culture i institut reputatsii v Rossii [Cancel culture and reputation institute in Russia]. In *Molodoy uchenyy*. No 48 (338). Pp. 585-588. (In Russ.).

7. Kolpakova, L. V. (2018). Proyavlenie gendernoy spetsifiki emotsionalnoy sfery lichnosti v yazyke [The manifestation of gender specificity of the emotional sphere in the language]. In *Vestnik TGPU*. No 6 (195). Pp. 62-67. (In Russ.).

8. Kopnina, G. A. (2012). *Rechevoe manipulirovanie* [Language manipulation]. Moskva: FLINTA. (In Russ.).

10. Mikhaleva, O. L. (2009). *Politicheskiy diskurs. Spetsifika manipulyativnogo vozdeistviya* [Political discourse. Specifics of manipulative influence]. Moskva: LIBROKOM. (In Russ.).

11. Olyanich, A. V. (2015). Kinodiskurs [Film discourse]. In *Diskurs-Pi*. No 2. Pp. 162-165. (In Russ.).

12. Pankratov, V. N. (2001). *Manipulyatsii v obshchenii i ikh neytralizatsiya* [Manipulation in communication and its neutralisation]. Moskva: Izd-vo Instituta Psikhoterapii. (In Russ.).

13. Ruzhentseva, N. B. (2004). *Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossiyskom politicheskom diskurse* [Discrediting tactics and techniques in Russian political discourse]. Ekaterinburg. (In Russ.).

14. Sternin, I. A. (2001). *Vvedenie v rechevoe vozdeistvie* [Introduction to persuasion]. Voronezh. (In Russ.).

15. Sheynov, V. P. (2022) *Manipulirovanie i zaschita ot manipulatsii* [Manipulation and protection from manipulation]. Sankt-Peterburg: Piter. (In Russ.).

16. Chaldini, R. (2022). *Psikhologiya vliyaniya. Vnushay, upravlyay, zaschischaysya* [Psychology of influence. Inspire, manage, defend]. Moskva: Eksmo. (In Russ.).

17. Chudinov, A. P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a metaphorical mirror: Cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg. (In Russ.).

18. Yastrebov, V. V. (2018). Rasprostranenie lozhnykh, nevernykh svedeniy, porochaschikh chest i dostoinstvo litsa ili kompanii po zakonodatelstvu SShA [Distribution of False Information Discrediting the Honor and Dignity of the Person or the Company Under the U. S. Legislation]. In *Legal Concept*. Iss. 17. No 4. Pp. 113-116. (In Russ.).

19. Samoilenko, S. A. (2016). Character assassination. In C. Carroll (ed.) *The SAGE Encyclopedia of Corporate Reputation*. SAGE Publications. Vol. 1. Pp. 115-118.

Ратундалова Ирина Юрьевна – аспирант кафедры теории и практики перевода (e-mail: i.boryushova@mail.ru) Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Ratundalova Irina Yu. – Post-Graduate Student of Translation Studies Department (e-mail: i.boryushova@mail.ru) Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 03 декабря 2024 г.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA»**

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ СТАТЕЙ

1.1. В журнале публикуются научные статьи по сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, германским, романским языкам и переводоведению.

1.2. Журнал печатает только оригинальные, ранее не опубликованные научные работы.

1.3. Языки издания – русский, английский, немецкий и французский. В предложенной к публикации научной статье автор должен обосновать актуальность темы, четко сформулировать цель и задачи исследования, привести научную аргументацию, обобщения и выводы, которые представляют интерес своей научной новизной, теоретической и практической значимостью. В статье должен быть представлен обзор новейшей научной литературы по рассматриваемой проблеме.

1.4. Рукописи, которые подготовлены без учета требований к их оформлению (см. ниже), не принимаются.

2. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

2.1. Рукописи следует оформлять в формате .doc или .docx.

2.2. Рекомендуемый объем представляемой к публикации статьи – 15000-25000 знаков с пробелами (8–12 страниц).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы: левое – 30 мм, верхнее – 20 мм, правое – 15 мм, нижнее – 25 мм. Шрифт обычный, Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный в основном тексте, в сносках – одинарный. Отступ абзаца составляет 10 мм. Следует четко дифференцировать тире (–) и дефис (-).

2.4. Текст рукописи следует подавать в виде единого файла.

3. СТРУКТУРА И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ (см. пример ниже)

3.1. В левом верхнем углу печатают УДК нежирным прямым шрифтом (размер 12).

3.2. Инициалы и фамилия автора (авторов) печатают перед названием статьи жирным прямым шрифтом (размер 12).

3.3. Название статьи печатают прописными буквами, без абзаца, жирным прямым шрифтом (размер 14), межстрочный интервал одинарный, без автоматической расстановки переносов.

3.4. После названия статьи печатают аннотации (объем до 50 слов) и ключевые слова (не более 10 ключевых слов) на двух языках – русском и английском. Размер шрифта: 12 пунктов, курсив, через 1 интервал.

3.5. Текст статьи.

3.6. Список литературы (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 6).

3.7. References (список литературы) (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 7).

3.8. Сведения об авторе (размер 11, курсив, через 1 интервал).

Пример:

УДК

© 2016 Ш. Р. Басыров

**ФУТБОЛЬНАЯ РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ
НЕМЕЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена изучению футбольной терминологии в современном немецком языке. Устанавливаются способы образования глаголов, выявляются словообразовательные средства, участвующие в их образовании, их активность, а также описывается семантика глагольных лексем в немецком разговорном языке. ...

Ключевые слова: разговорная лексика, способ образования, дериват, семантическая группа, семантика, субъект, коннотация, образность, метафоризация.

© 2016 Sh. R. Basyrov

**COLLOQUIAL FOOTBALL LEXIS
(BASED ON VERBS OF SPOKEN GERMAN)**

The paper deals with football terminology in the contemporary German language. The paper studies the structure and semantics of verbs in football lexis, reveals the ways of their formation, presents the semantic classification of these lexemes and describes their productivity.

...

Key words:

Текст статьи

.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.
2.
3.

REFERENCES

1.
2.
3.

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

4. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и помещаться в печатном поле страницы (размер шрифта 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный).

4.2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. в тексте помещают после абзаца, в котором на них ссылаются, или на следующей странице после ссылки.

Пример:

Таблица 1. *Количественная характеристика лексико-семантических групп оценочных абстрактных существительных в английском языке*

Лексико-семантическая группа	Количество единиц	Процентное соотношение	Пример
1. Состояние	355	44	<i>absence</i> ‘отсутствие’ – <i>the state of being away</i> ‘состояние нахождения не здесь’ <i>acrimony</i> ‘язвительность’ – <i>angry and bitter feelings or words</i> ‘злые и горькие чувства или слова’
2. Действие	123	15,2	<i>death</i> ‘смерть’ – <i>an act of dying or being killed</i> ‘акт смерти или убийства’ <i>destruction</i> ‘разрушение’ – <i>the action of destroying sth or of being destroyed</i> ‘действие уничтожения чего-либо или быть уничтоженным’

4.2. Примеры в текстах статей печатают курсивом (без выделения жирным), их перевод – в т. н. марровских кавычках: *coeur* ‘сердце’, *âme* ‘душа’.

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК И ПОДСТРОЧНЫХ СНОСОК

5.1. При оформлении внутритекстовых ссылок в квадратных скобках указывается фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

«Чем популярнее вид спорта, тем ближе его лексика к общезыковой (Allgemeinsprache), а между лексикой какого-либо спорта и общезыковой происходит оживленный взаимообмен (regulärer Austausch)» [Vollmert-Spiesk, 1996: 2].

6. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

6.1. Список нумеруют и группируют по алфавиту, в начале книги на кириллице, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включают только научные статьи, монографии и книги (не менее 12 наименований, из них половина – источники последних лет. Наличие иностранных источников обязательно).

6.3. Правила оформления ссылок на источники в списке литературы:

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с.</p> <p>Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov V. P. (ed.), Geniušienė E. Š., Guentchéva Z. Reciprocal Constructions // Typological Studies in Language. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 1-5. 2216 p.</p> <p>Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Москва: Русский язык, 2002. Т. 1. 622 с.</p> <p>Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Москва: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. Т. 2. 432 с.</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Кремзикова С. Е. Коммуникативные ситуации в старофранцузском дискурсе // Древняя и Новая Романия. Лингвистическое наследие Ш. Балли в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Марусенко. Санкт-Петербург, 2010. С. 40-46.</p> <p>Пименова Н. Б. К истории и типологии грамматикализации германского артикля: прагматические модели употребления протоартикля в готском языке // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. Санкт-Петербург: Наука, 2014. Т. X. Ч. 1. С. 403-428.</p> <p>Iagupova L. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Ленец А. В., Алексеев А. В. История исследования лексических сокращений в германских языках // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород. 2014. № 28. С. 11-22.</p> <p>Петренко А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. 2014. № 4. С. 150-161.</p> <p>Atkinson D. Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition // The Modern Language Journal. 2007. Vol. 91. P. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9-21. Доступ: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (дата обращения: 22.02.2014).</p> <p>Canagarajah A. S. Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions // The Reading Matrix. January 2011. Vol. 11. N 1. 15 p. Available at: ww.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry O. Cabbages and Kings // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003. P. 75.</p>

7. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РАЗДЕЛА REFERENCES

7.1. Внутренняя структура списка публикаций полностью идентична списку литературы на русском, сначала издания на кириллице, потом – на иностранных языках.

7.2. За основу оформления ссылок взят стандарт Harvard (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>).

7.3. Правила оформления ссылок на источники в References (для автоматической транслитерации рекомендуется пользоваться сайтом <http://translit.net>, стандарт BSI; настройка стандарта осуществляется в центральном меню, раздел «Варианты...»). Фамилии и имена иностранных авторов и русскоязычных авторов, печатавшихся в зарубежных изданиях, подавать в оригинальном написании (например: *Гринберг Дж. – Greenberg J., Чейф У. – Chafe W.*).

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Basyrov, Sh. R. (2014). <i>Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii</i> [Formation of verbs with a reflective complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.).</p> <p>Kaliuščenko, V. D. (2000). <i>Typologie denominaler Verben</i>. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov, V. P. (ed.), Geniušienė, E. Š., and Guentchéva, Z. (2007). Reciprocal Constructions. In M. Noonan (ed.) <i>Typological Studies in Language</i>. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 1-5.</p> <p>Bessonova, O. L. (2013). Protsedury analiza kotseptov pri provedenii sravnitel'no-tipologicheskikh issledovaniy [Conceptual analysis procedures in comparative and typological studies]. In A. E. Levitsky, S. I. Potapenko (eds.) <i>Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya</i>. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko». Pp. 87-117. (In Russ.).</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Chernykh, P. Ya. (2002). <i>Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka</i> [Historical Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moskva: Russkiy yazyk. Vol. 1. (In Russ.).</p> <p>Velichkovskiy, B. M. (2006). <i>Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya</i> [Cognitive Science: Basics of psychology of cognition]: v 2-kh t.. Moskva: Smysl: Izdatelskiy centr Akademiya. Vol. 2. (In Russ.).</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Kremzikova, S. E. (2010). Kommunikativnye situatsii v starofrantsuzskom diskurse [Communicative situations in old French discourse]. In M. A. Marusenko (ed.) <i>Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sh. Balli v XXI veke: sb. nauchn. st.</i> Sankt-Peterburg. Pp. 40-46. (In Russ.).</p> <p>Pimenova, N. B. (2014). K istorii i tipologii grammatikalizatsii germanskogo artiklya: pragmaticheskie modeli upotrebleniya protoartiklya v gostkom yazke [Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of the use of proto-articles in the Gothic language]. In N. N. Kazanskiy (ed.) <i>ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy</i>. Sankt-Peterburg: Nauka. Vol. X. P. 1. Pp. 403-428. (In Russ.).</p> <p>Iagupova, L. (2013). Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // <i>Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik</i>. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Lenets, A. V., Alekseev, A. V. (2014). Istoriya issledovaniya leksicheskikh sokrashcheniyi v germanskikh yazykakh [History of the lexical abbreviations research in the Germanic languages]. In <i>Vestnik Nizhegorodskogo</i></p>

	<p><i>gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova.</i> No 28. Pp. 11-22. (In Russ.).</p> <p>Petrenko, A. D. (2014). Sotsiofoneticheskie aspekty yazykovoy variativnosti [Socio-phonetic aspects of language variation]. In N. V. Izotova (ed.) <i>Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta.</i> No 4. Pp. 150-161. (In Russ.).</p> <p>Atkinson, D. (2007). Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition. In H. Byrnes (ed.) <i>The Modern Language Journal.</i> Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Molchanova, G. G. (2015). Kommunikativno-funktionalnaya teoriya perevoda kak vid variativnoy interpretatsii deistvitelnosti [Communicative functional theory of translation as a form of interpretation of reality]. In <i>Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya.</i> No 3. Pp. 9-21. Available at: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (accessed: 22.02.2014). (In Russ.).</p> <p>Canagarajah, A. S. (2011). Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions. In <i>The Reading Matrix.</i> January 2011. Vol. 11. No 1. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry, O. (2003) Cabbages and Kings. In <i>English and American Literature / CD-ROM.</i> P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin.</p>

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Для публикации статьи в научном журнале «STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA» автору необходимо предоставить следующую информацию (e-mail: zhurnal.sgrc@donnu.ru):

1. Статью (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_statya.doc или ivanov_statya.docx).
2. Анкету (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_anketa.doc или ivanov_anketa.docx).

АНКЕТА

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Ученая степень, учёное звание (если имеются)		
Почетные звания (если имеются)		
Должность и структурное подразделение (полное название должности и структурного подразделения организации в именительном падеже)		
Организация, где работает или учится автор (полное название в именительном падеже, почтовый индекс, адрес – с официального сайта)		
	На русском языке	
Номера контактных телефонов автора и адрес электронной почты (личные или служебные)		
Специальность, которой соответствует содержание статьи и тема диссертации (для соискателей, аспирантов и докторантов)		

3. Отзыв научного руководителя для авторов без учёной степени (отзыв заверяется кадровой службой или ученым секретарем по основному месту работы и основной печатью организации).

9. О РЕЦЕНЗИРОВАНИИ

Все научные статьи подлежат обязательному независимому (внутреннему) рецензированию и научному редактированию. Организует независимое (внутреннее) рецензирование главный редактор, привлекая специалиста (доктора или кандидата наук), имеющего наиболее близкую к теме научную специализацию. Рецензент одновременно является научным редактором статьи.

Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент. Рецензирование проводится конфиденциально.

Представленные статьи проходят **проверку в программе «Антиплагиат»**. Уникальность статьи не должна быть ниже 85%. В случае выявления в тексте плагиата статья отклоняется без права ее дальнейшей переработки или доработки.

Рецензент несет ответственность за содержание и качество рецензии. Рецензент может дать одну из трех итоговых рекомендаций:

1) **статья может быть рекомендована к печати** без исправлений или с незначительными исправлениями;

2) **статья требует повторного рецензирования**, поскольку содержит существенные недочеты, которые должны быть устранены автором;

3) **статья не рекомендуется к публикации**, поскольку не отвечает критериям, предъявляемым к научным статьям.

Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации и отклоненная редколлегией, к повторному рассмотрению в прежнем виде не принимается. Она может быть вновь рассмотрена лишь в случае ее существенной переработки автором.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

Том 21 Выпуск 1 (67) 2025

Язык издания: русский, английский, немецкий и др.

Компьютерная верстка: О. А. Гринева.

С электронным вариантом научного журнала можно ознакомиться на сайте
ФГБОУ ВО «ДонГУ» (<http://donnu.ru/sgrc>).

Формат 60×84/8.

Усл.-печ. л. 19,53.

Донецкий государственный университет
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.